

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЫ МОЛОДЫХ
СЛАВИСТОВ И БАЛКАНИСТОВ

Звенигород, сентябрь 1988 г.

Москва, 1990

Мурзин

АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

МАТЕРИАЛЫ ШКОЛЫ
МОЛОДЫХ СЛАВИСТОВ И БАЛКАНИСТОВ
Владивосток, сентябрь 1988 г.

Москва, 1990

Редакционная коллегия сборника статей "Материалы школы молодых
славистов и балканистов. Звенигород, сентябрь 1988": Горизон-
тов Л.Е., Мензиков В.И. (ответственный редактор), Дахмистранко
С.Н.

Рецензент: к.и.н. Чарасов А.В.

Институт славяноведения
и балканистики АН СССР

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий сборник представляет собой публикацию докладов участников первой всесоюзной школы молодых славистов и балканистов, проведенной в сентябре 1988 г. в Звенигороде. Встреча молодых ученых была организована Научным Советом АН СССР по изучению общих закономерностей и особенностей исторического развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы на базе Института славяноведения и балканистики АН СССР при содействии ЦК ВЛКСМ.

Встреча такого рода проводилась впервые. В ней принимали участие молодые учёные из Института славяноведения и балканистики, Московского университета, а также других вузов и научно-исследовательских центров страны. Это позволяет надеяться на рост интереса к школам молодых славистов и балканистов, которые в будущем решено сделать регулярными. Необходимо подчеркнуть большое значение для научной молодежи встреч с ведущими учёными, участия в свободном обмене мнениями, новыми идеями, концепциями. Такие контакты стимулируют научный поиск, нацеливают молодых учёных на решение актуальных проблем славяноведения и балканистики.

Школа молодых учёных в Звенигороде была поделена на ряд секций: истории средних веков, истории нового времени, новейшей истории, лингвистическую, литературоведческую и культурологическую. В данном сборнике публикуются основные материалы исторических секций. Доклады участников касаются практически всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы. В хронологическом отношении большинство из них приходится на период от раннего средневековья до начала второй мировой войны. Несколько меньшее место занимают доклады, посвященные вопросам новейшей истории региона.

Проблематика докладов и сообщений очень широка, в них рассматриваются и источниковедческие, и историографические проблемы, общетеоретические и методологические вопросы, конкретно-исторические сюжеты.

Значительное место в докладах и сообщениях участни-

ков школы занимают проблемы социально-политических отношений в странах региона в различные периоды (доклады А.В.Горизонтовой, И.И.Ермоловой, Е.Ю.Чепыховой, С.В.Шульц).

Ряд оригинальных концепционных построений по вопросам переходного периода от феодализма к капитализму содержится в докладе Л.Е.Горизонтова.

К актуальнейшим и сложнейшим проблемам истории и современности относятся различные аспекты национальных отношений. Не случайно многие молодые ученые посвятили свой доклады этим сюжетам. Доклад А.И.Миллера выделяется нетрадиционным взглядом на методологию изучения национально-освободительных движений XIX века, которые рассматриваются автором в тесной связи с особенностями становления капиталистической формации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Проблемам идеологии национальных движений посвящены доклады О.В.Лебедевой и И.М.Лапиной. Влияние национального вопроса на формирование внешнеполитического курса стран региона получило освещение в докладах В.П.Меньшикова и С.П.Цехмистренко, Ар.А.Улунина, Е.П.Серашиновой.

Авторы ряда докладов, посвященных эпохе феодализма (И.Ю.Парамонова, Е.М.Ломкэ, А.Б.Головко, С.Г.Яковенко, М.В.Дмитриев) обратились к анализу роли религии и религиозного сознания в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы. К этой группе присоединяет доклад О.Ю.Тарасова, в котором исследуется взаимодействие религии и массового сознания после одного из крупнейших катаклизмов мировой истории – первой мировой войны. Многие из этих проблем до сих пор практически не затрагивались в нашей историографии.

О.М. Корчинский

РАННЕФЕОДАЛЬНЫЕ ЦЕНТРЫ ЛЕТОПИСНЫХ ХОРВАТ
IX-X вв. В ВЕРХНЕМ ПОДНЕСТРОВЬИ
/ПО ДАННЫМ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ/

Проблема расселения летописных хорват, уровень их социально-экономического и общественно-политического развития, генетическая связь с более древними археологическими культурами, этническая принадлежность и многие другие вопросы уже длительное время находятся в центре внимания историков-славистов, археологов и лингвистов.

Учение многих поколений Н.М. Карамзин, Я.Ф. Головацкий, Н.И. Барсов, Л.Нидерле, А.А. Шахматов, Б.А. Рыбаков, П.Н. Третьяков, М.Ю. Смилко, В.В. Седов, Б.А. Тимошук, О.А. Купчицкий и многие другие считают Прикарпатье прародиной хорватов. Большинство полагает, что хорваты являлись довольно древней группой славянского населения (до VIII в.) и представляли собой важное политическое звено славянского мира с названием Великая Хорватия.

Как известно, в процессе расселения хорваты расчленились на западных, восточных и южных. Восточные хорваты населяли Украинское Прикарпатье, на что указывают письменные источники. Они и являлись той группой славян, которая в числе последних вошла в состав Древней Руси.

Вызванный к данной проблеме значительный научный интерес объясняется прежде всего тем, что хорваты населяли центральную часть славянского мира в период становления здесь раннеклассового общества и возникновения первых раннегородских образований. Одновременно следует подчеркнуть, и тот факт, что именно на прочной, как мы увидим далее, экономической и политической основе, созданной славянским (хорватским) обществом, формируются известные Переяславльское, Галицкое, Тверебовлянское, Звенигородское княжества, давшие толчок для образования в конце XII в. большого Галицко-Волынского княжества. Понятно, что крупные экономические и политические центры, столичные города княжеств возникают и формируются в тех местах и регионах, где для

этого создаются необходимые условия, как экономического, так и политического характера. Поэтому, как представляется, целесообразно было бы внести существенные поправки в некоторые давно устаревшие концепции, как советских, так и зарубежных историков-славистов относительно раннесредневековой истории Украинского Прикарпатья. В частности, имеется в виду концепция экономического и политического отставания данного региона, выдвинутая в свое время Н.Ф. Котляром и поддерживаемая зарубежными учеными по сей день¹.

Естественно, что историки ищут ответ на многие поставленные вопросы, в первую очередь, в древнерусских летописях, зарубежных хрониках, восточных трактатах. Однако не понятно почему некоторые из них прибегают археологическим источникам, а считают, что отсутствие письменных данных, является обязательно свидетельством экономического и политического отставания. Именно таким был подход Н.Ф. Котляра к исследованию вопроса формирования Галицкой земли. Здесь, по-видимому исследователям необходимо напомнить тот факт, что вплоть до конца X в., а как указывают археологические источники и до середины XI в., территория, населенная восточными хорватами, была автономна и не входила ни в состав Киевской Руси, ни в какое-нибудь другое раннефеодальное государство. Поэтому становится абсолютно понятным, что ни в древнерусских летописях, ни в западноевропейских хрониках неходим интересующей нас информации. В большинстве случаев историки цитируют известные строки из "Повести временных лет": "И живаху в мире поляне, и древляне, и северь, и ралимичи, вятычи и хвате"². Второе упоминание о хорватах встречаем в 907 г., когда они участвуют в совместном походе с киевскими князьями на Византию³. Третий и последний раз хорваты упоминаются под 992 г. "Иде Володимиръ на Хорваты"⁴. По-видимому был прав В.В. Седов, что поход Владимира Святославовича в Хорватскую землю вызван был захватом их польским королем Болеславом Храбрым⁵. К сожалению в "Повести временных лет" неходим никаких других сведений

об упомянутых выше хорватах. В то время Константин Багрянородный сообщает, что далматские (крещение хорват) происходят от некрещеных хорватов, живущих за венграми-мадьярами рядом с некрещенными сербами. Этую страну Хорватию грабят мадьяры, печенеги. В соседней с ней (Хорватией) стране есть река Висла. Следовательно, территория восточных хорват надо искать между Венгрией, Печенегами и Вислой⁶.

В исследовании поднятой проблемы некоторые учёные использовали восточные источники IX-X вв., "О стране славян"⁷. Надо отметить, что имеющиеся данные о стране славян существенно дополняют наши знания о карпатском регионе. Так например, во всех известных расстояние до земли славян исчисляется от земли печенегов десятью днями пути. В одном случае оно определяется и от более непосредственных соседей славян в IX в., - венгров (два дня пути)⁸. В этих источниках мы встречаем интереснейшие сведения о хозяйстве, быте и культуре славян. В частности, восточные источники свидетельствуют о наличии у славян городов, замков (кала) и крепостей (хисар). Главный город страны славян - Джарвао, Джарват или Хордат. Сопоставив все эти варианты, учёные востоковеды пришли к единому мнению, что все упомянутое выше название есть ни что иное, как хорват⁹. Хорват самый большой город в стране славян и место пребывания царя. Глава их носит корону и все они почитают его и повинуются ему"¹⁰. Надо полагать Иби Русте, Ширарф аз-Зильан, Тахир ал-Марвази и другие восточные источники IX-X вв., имели в виду славянское объединение хорват, упоминаемое в древнерусских летописях. Возможно существовал город с называнием Хорват, бывший в IX-X вв. центром прикарпатского объединения славян. К тому же согласно источнику этот город был расположен в центре славянской земли, что в общем соответствует месту расположения восточнославянских хорват¹¹.

Так Д.Нидерло считает, что в Прикарпатье когда-то жило хорватское племя, имевшее полуго сударственный триб, центром которого был Краков. А в X веке одно из хорват-

ких племен населяло Галицию, оно то и называло ляточицем¹².

По А.А.Шахматову хорваты населяли Галицию в IX в., создали полугосударство с главным городом Доброчиб. Анализируя обширный топонимический материал Н.Н.Бирсов отводил хорватаам большую пространстиву в Прикарпатье по склонам Татранских Карпат от истоков Тисы и Прута на юго-до Днестра на востоке и до Вислы на севере¹³.

В.В.Седов считает, что славянской племени хорватов было юго-западним соседом дулагов и занимало спирально и южные области Восточного Прикарпатья, которое входит ныне в территории Украины, Польши, Словакии и Венгрии. Ученый одновременно разделяет мнение Б.А.Тимошука, что славянские поселения, исследуемые им на Буковине, оставлены хорватами¹⁴.

Рассматривая данную проблему надо согласиться с В.В.Ауляхом, что сложности с решением упомянутого вопроса в большей мере связаны с недостаточной степенью изученности материальной и духовной культуры хорват¹⁵.

В исследуемых комплексах культуры карпатских курганов М.Д.Смищко видел непосредственных предков хорват и зачислил их к числу известных по античным письменным источникам племенам карпов¹⁶.

В последние десятилетия исследование социально-экономических и общественно-политических процессов у славянского населения Северной Буковины второй половины I тыс. много внимания уделял Б.А.Тимошук. Изучая численные комплексы, ученый основательно разработал хронологию и типологию восточнославянских памятников, принадлежавших ляточицам хорватам, показал уровень их социально-экономического и общественно-политического развития¹⁷.

В начале 80-х годов в Институте общественных наук АН УССР во Львове впервые были начаты планомерные комплексные археологические исследования большого количества раннесредневековых городищ в Прикарпатье и Западном Подолье, то есть непосредственно в том регионе, где согласно письменным источникам в IX-X веках жили восточные хорваты¹⁸.

Главной задачей упомянутой программы исследований явилось создание качественно новой источниковедческой базы на данных археологии с привлечением письменных источников. С этой целью в институте была разработана специальная методика полевых исследований с привлечением широкого круга естественных наук. Важное место в данной программе уделяется безошибочной хронологии славянских комплексов, социальной типологии, этнической и политической принадлежности. В отличии от предыдущих археологических исследований древнеславянских городищ, сводившихся к поискам отдельных находок, новые исследования призваны к комплексному изучению городищ в их непосредственной диалектической связи с широкой сетью разного рода синхронных поселений, могильников, культовых сооружений и других исторических памятников, тяготеющих к городищу-центру данной округи.

В результате проведенных многолетних (1981-1988 гг.) археологических исследований в Прикарпатье и Западном Подолье автором было открыто и обследовано несколько десятков славянских городищ, являющихся экономическими, политическими и культурными центрами определенной округи в IX-X вв. Таким образом весь собранный и тщательно классифицированный археологический материал дает картину густоты заселения исследуемого региона, где четко выделяются районы повышенной концентрации поселений, могильников и других памятников в окруже городищ. Они то и дают представления о структуре восточнославянского (хорватского) общества в IX - начале XI вв. (рис. 1). Все эти комплексы по своим размерам и сложности социальной структуры можно условно разделить на три категории: малые, средние и большие. И все они, несмотря на их различие, обладают множеством общих черт, хотя вместе с тем каждое из них имеет свой ярко выраженный облик, что выражают это в числе других аналогичных синхронных памятников в данной регионе.

Число малых городищ (A - начиная от 10) составляет около 65-70%. Они как правило расположены на открытых ма-

сах над долинами ручьев, небольших рек или озер. Укрепленные площадки этих городищ достигают 2000 м². Земляные валы и рвы, окружающие их, являются остатками сохранившихся оборонительных сооружений. К такому городищу тяготеют многие открытые поселения, могильники, культовые языческие центры (Добростаны, Ханачивка, Острожец, Илов, Вороблычин и другие).

К другой группе можно отнести около 25% городищ с укрепленной площадкой до 20 000 м². Они, как и предыдущая группа, расположены на высоких мысах над долинами рек, ручьев и озер. Эти городища укреплены тремя-четырьмя линиями обороны, сохранившимися в виде земляных валов и рвов. В их округе на расстоянии до 3-4 км обнаружены сельские поселения, курганные могильники (Пилгородище, Корчевка, Стражч, Ступница и другие).

К третьей группе городищ следует отнести такие памятники, укрепленные площадки которых превышают 20000 м². Они составляют около 15%. Эти городища расположены на возвышенностях и занимают один, чаще несколько мысов коренных берегов рек. Их характеризует более сложная система обороны, достигающая порой нескольких тысяч метров. В непосредственной близости этих городищ обнаружено значительное число поселений, курганные могильники. На небольшом расстоянии от таких больших городищ (2-4 км) открыты небольшие городища, тяготеющие к данному центру округи (г. Ильинчев, с. Кульчицы, с. Солониско, Старое село и другие). По-видимому к этому числу следует отнести и большие городища, обладающие множеством общих черт, и функционирующие в IX - начале XI вв. в с. Крилос Ивано-Франковской области, Подгорцы Львовской области и в г. Городок Тернопольской области.

Приблизительно в центре выше упомянутых комплексов, автором в 1981 г. было открыто и в настоящее время исследуется, одно из наиболее интересных городищ IX - начала XI вв., в с. Столысько Николаевского района Львовской области¹⁹.

Упоминание о с. Столысько впервые встречаем на странице

цах ватиканских греко-язычных источников, датированных началом XIV в. Среди множества известных к этому времени древнерусских городов находим города Галицко-Волынской земли – Владимир и Галич, а также город с названием "то Столискон" – Столиск, являющийся в это время одной из резиденций галицких митрополитов.²⁰

Проходили годы, столетия и время неумолимо накладывало печать забвения на происходившие здесь события, постепенно они меркли в человеческой памяти. Лишь изредка местные жители слагали легенды о них и придали. Большинство из них повествуют, что в древние времена на горе над селом высился город – столица книжества, в связи с чем местное население связывает название села Столска.

Место для основания города было избрано исключительно удачно. Городище площадью 250 га сохранилось на высоком залесенном плато вдоль левого крутого берега реки Колодница (левый приток Днестра). Со всех сторон оно было укреплено сложной системой дугообразных искусственно сооруженных укреплений, сохранившихся в виде валов и рвов, общей протяженностью свыше 10 км. У подножья западных крутых склонов городища, на р. Колоднице, функционировала мощная гидрооборонительная система. Она представлена значительным количеством каменно-земляных плотин, хорошо сохранившимися по сегодняшний день. Исследованиями установлено, что такая система заполнения водой р. Колодница создавала оборонительную линию шириной 50–100 м. Плотины с сохранившимися названиями "Гребля" и "Застав" представляют собой мощные каменно-земляные насыпи, использовавшиеся одновременно в качестве дороги, соединяющей оба берега реки. Во всех, без исключения, случаях рядом с ними обнаружены небольшие поселения IX – начала XI вв. За одним из них сохранилось название "Стороговий", что довольно укаживает на его функциональные обязанности. Есть основания полагать, что данная система использовалась одновременно в качестве водного пути к Днестру.

Важной особенностью каждого галицко-волынского города являлась его сложная сеть извилистых речных

структурой, центральное место в которой отведено феодальной крепости. На данном городище она расположена на доминирующей высоте и занимает площадь 15 га. По периметру крепость укреплена мощным земляным валом, сохранившимся на отдельных участках на высоту 3,0-5,0 м и широким, глубоким рвом. Исследованиями установлено два хронологических периода в строительстве вала. Верхний датируется началом X в., нижний - IX в. На гребне вала обнаружены следы оснований срубов, являющихся главной частью деревянной стены. На территории крепости имеется источник "Князь криницы", давший возможность жизнедеятельности населения в условиях длительной осады. Сюда вели несколько дорог, о чем свидетельствуют разрывы валов и рвов, а также закрепившиеся за ними названия "Золотые ворота", "Веха", "Зализна брама", "Была дорога" и другие. В отдельных проездах велись археологические исследования, результаты которых подтвердили наличие остатков деревянных надвратных сооружений.

Работы, проведенные в восточной части городища, раскрыли замысел оригинальной системы организации обороны города. Она, как установлено, состояла из четырех фронтальных линий укреплений и пятой - продольной, длиной 400 м, расположенной с правого фланга вдоль всей дороги к крепости. Это способствовало налесению удара по противнику одновременно с фронта, тыла и правого фланга.

Рядом с крепостью расположено укрепленное предградье. Оно занимает значительную площадь и было достаточно плотно заселено, на что указывают исследованные захоронения, являющиеся остатками, углубленных в материк, нижних частей славянских хижин. На раскрытой площади свыше 5000 м² обнаружены остатки более тридцати килично-хозяйственных построек, из них 20 хижин и четыре усадьбы IX - начала XI веков. Все исследованные хижины представляют собой углубленные в материк нижние части сооружений со следами столбовой конструкции с печами-каминами, обожженными из ракового булыжника и камня-известняка. В их сводчатых потолках под развалом свода почти были обнаружены глиняные гон-

чарная посуда IX - начала XI вв., другие хозяйственныне изделия из металла, камня. Здесь же были открыты остатки славянского жилища, представленного археологическим материалом VI-VII вв. Этот факт дает основания предполагать, что здесь ранее существовало поселение, предшествующее образованию раннефеодального города. В восточной части пригорода обнаружены остатки железоплавильного комплекса, состоящего из сооружений для приготовления древесного угля, отстойника болотной руды, агломеративной печи и углубленной в материк нижней части сооружения (3,5 x 4,0 м) со следами столбовых конструкций и железоплавильным горном. Под его развалом обнаружено около 80 кг крицы и пять горшков IX - начала XI вв. Толстый слой древесного угля и обожженной глины указывают, что данное сооружение было уничтожено пожаром. С производственной деятельностью жителей Столевского городища был связан, по-видимому, крупнейший металлургический центр, открытый недалеко в с. Рудники²¹.

В округе Столевского городища археологическими разведками обнаружены многочисленные поселения, могильники, городища. Рядом с могущественными стенами городиц виселись, обнесенные земляными валами, языческие центры. Один из наиболее ярких памятников этого типа расположен на "Черной" и "Лисой" горах между селом Столевское и г. Николаевом Львовской области. Этот комплекс состоит из семи отдельных сооружений, высеченных в камне-монолите. Каждое из сооружений насчитывает от четырех до семи помещений; длиной 30 м и более, шириной 2,0-2,20 м и высотой - до 2,20 м. Все помещения ориентированы по оси север-юг и соединены между собой узкими проходами. Все перечисленные комплексы обращены фасадами к югу. Перец входом в каждый из них имеется ровная площадка, укрепленная по периметру каменистым земляным валом. Нетипичная для христианских сооружений ориентация этих комплексов и обнаруженный в них археологический материал IX-X вв., дает основания предполагать, что эти памятники принадлежали языческому стану религии у славян. Описаный ранний центр на Прикарпатье является наиболее ярким, но не единственным. Быть может уместно видеть в нем скандинавский

храм, расположенный в данном регионе согласно восточных источников IX-X вв. В частности в упомянутом аль Масуди храме бога Хорса на "Черной горе" и исследованном нами сакральном центре, на горе с таким же названием, есть много общего. На территории исследуемого историко-культурного комплекса, центром которого является стольское городище, аналогичные культовые центры известны в селах Илов, Дуброва, Лубяны, Поляна.

Как установлено в результате проведенных исследований, стольский историко-культурный комплекс, расположенный на площади около 200 км², представляет собой яркую модель крупнейшего раннефеодального центра славян IX - начала XI вв. Его территория на отдельных участках очерчена остатками мощных оборонительных сооружений, сохранившимися в виде земляных валов и рвов, аналогичных Змиевым валам Среднего Поднепровья. Центральное место описанного было раннефеодального центра отведено крупнейшему в регионе славянскому городищу, территории которого насчитывает 250 га, а длина оборонительных укреплений - более 10 км.²². Возможно большое городище в с.Стольское Николаевского района Львовской области и тяготеющая к нему округа и есть тем главным городом славян, упомянутым в восточных источниках под названием Джарраб или Хордаб, функционировавшим уже в IX-X вв.

Несомненно, что поставленная задача реконструкции социально-экономической и общественно-политической модели восточнославянского общества природа образования государства и возникновения первых раннегородских центров на территории Украинского Прикарпатья еще далека от полного ее решения. Однако, следует отметить, что имеющаяся на настоящий день источниковедческая база дает возможность, хотя в самых общих чертах, характеризовать IX-X вв. в истории Украинского Прикарпатья, населенного славянским населением. Рассмотренные выше славяно-русские историко-культурные комплексы дают основания полагать, что в IX-X вв. в хорватском обществе уже сложились раннефеодальные отношения; а, следовательно, и функционировали первые

раннегородские центры.

1. Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX-XIII вв. К., 1985. - С.20, 75-76.
2. ПВМ, I, с.14.
3. ПВМ, I, с.23.
4. ПВМ, I, с.84.
5. Грот К.Я. Известия Константина Багрянородного о хорватах и сербах. - СПб., 1880.
6. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство и его международное значение. - М., 1965. - С.392.
7. Там же, С.394.
8. Там же, С.389-390.
9. Там же, С.394.
10. Нидерле Л. Славянские древности. - М., 1956. - С.155.
- II. Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н. Древнерусское государство... С.394.
12. Нидерле Л. Славянские древности... С.155.
13. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. - Варшава, 1885. - С.94, 95.
14. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. - М., 1982. - С.126.
15. Ауліх В.В. Населення південно-західного пограниччя Київської Русі (з Історії Галицької землі Х-Х ст.) в книзі Київська Русь: культура і традиції. - К., 1982. - С.9.
16. Смішко М.Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н.е. К., 1960. - С.151-152.
17. Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина. - К., 1982. - С.37.
18. Корчинский О.М. Исследования городищ X-XI вв. в Северном Прикарпатье и Западном Подолье - Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов Всеобщей конференции. Бузулук, 1987 м., 1987. - С.127-129.
19. Корчинский О.М. Городища гуннів в предгорьях Українських

- Карпат. //Труды У Международного конгресса славянской археологии. - Т.Ш. - М., 1987. - С.III-115.
20. Присялков М., Фасмер М. Отрывки В.Н.Бенешевича по истории русской церкви XIV века //Известия Академии наук. Отделение русского языка и словесности. Пг., 1916. - Т.XXI. - С.58, 63-68.
21. Щиглик В.Н. Раскопки у с.Рудники. Археологические открытия 1980 г. - М., 1981. - С.318-319.

А.Б.Головко (Киев)

К ОЦЕНКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ВВЕДЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА НА РУСЬ

Проникновение христианства к восточным славянам, утверждение его в качестве государственной религии, а затем распространение последней в таком качестве по всей территории Древнерусского государства было длительным, сложным и многоплановым историческим явлением-процессом, оказавшим исключительное воздействие на все сферы жизни древнерусского общества. Исследование проблематики, связанной с "крещением Руси", представляет большую сложность с источниковой стороны: в силу как фрагментарности источников, так значительной тенденциозности большинства памятников, сохранивших то или иное сведения по этому вопросу. Последняя, во многом, носила целенаправленный характер, была обусловлена идеологическими обстоятельствами, с именно противоборством в иллостроечных сферах Руси, прежде всего между различными группировками духовенства. Отличные оценки утверждения христианства у восточных славян имеются и у различных иностранных авторов (византийских, немецких, арабских, армянских), на что влияли те же идеологические факторы.

К 1000-летию введения христианства появилось большое количество монографий и статей, в которых освещены многие вопросы, связанные с причинами, предысторией, самим процессом "крещения" восточных славян, а также последствий этого уникального события-явления¹. Безусловно, эта лите-

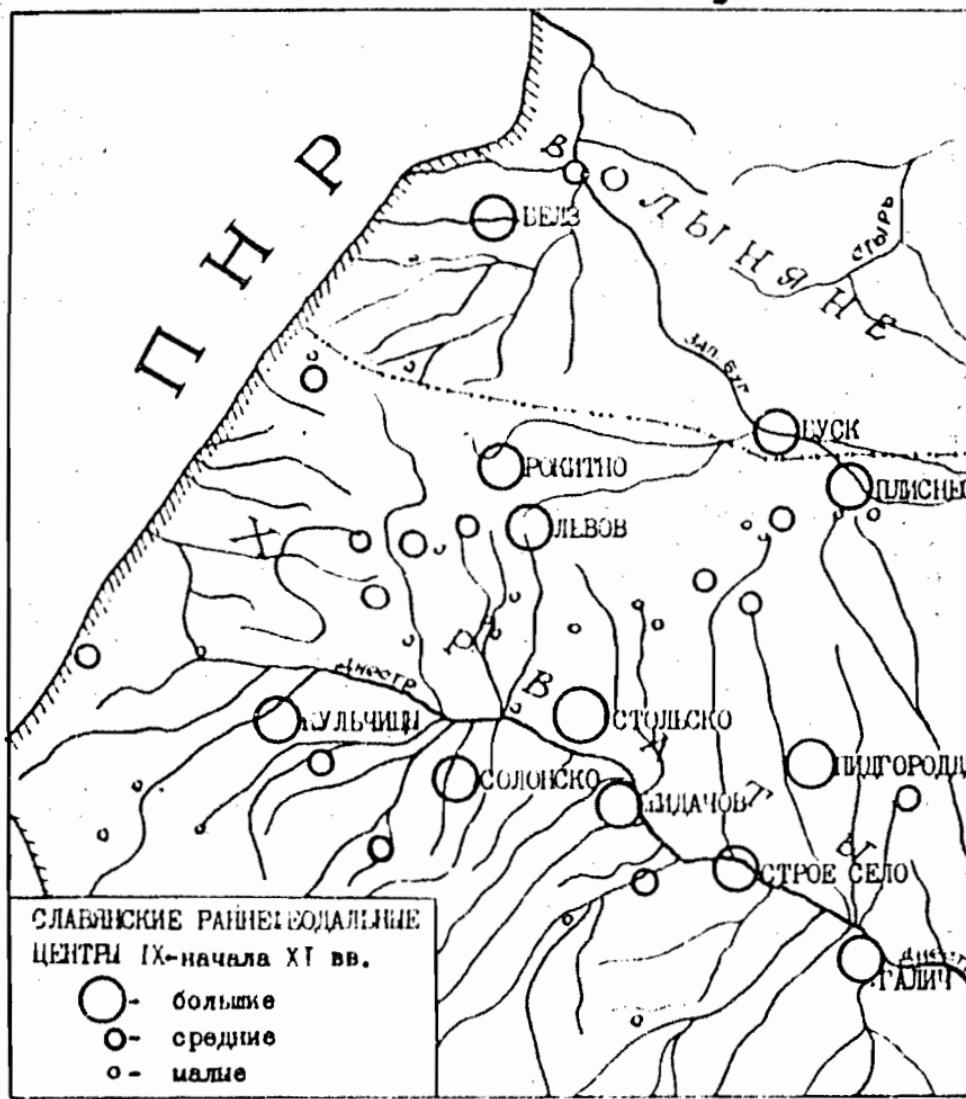

Рис. 1

ратура во многом заполнила существенный пробел в исторических представлениях о многих сторонах жизни восточнославянского общества, однако разные направления поиска авторов этих работ, определенные различия во взглядах на общий процесс развития древнерусской этно-социальной общности привели к различиям, порой к противоречивым друг другу выводам по рассматриваемой нами теме. Ни в коей мере не претендую на сведение этих точек зрения к одному знаменателю, ни на создание какого-либо обзора новейшей литературы (перспектива создания его требует глобального изучения проблемы), остановимся на некоторых оценочных моментах наиболее узловых вопросов, характеризующих особенности смены религиозных представлений на Руси. Такой подход позволяет нам не давать полного справочного аппарата в последующем изложении, за исключением случаев необходимости подкрепления тех или иных положений.

Исходным тезисом в литературе, объясняющим причины введения христианства на Руси, была мысль о том, что оно было порождено социальными процессами: оформлением феодальных отношений и складыванием соответственной формационному развитию государственности. При этом различное понимание этих социальных процессов привело к выводам, что: 1) Русь была феодальным государством еще при князе Аскольде, когда тот принял христианство в 60-х годах IX века² и 2) Русь в I в. не имела социальных условий для принятия государственной веры. Из последнего положения делался также вывод об отсутствии каких-либо прогрессивных сторон во введении христианства князем Владимиром³. Наблюдения же за развитием феодальных отношений склоняют большинство исследователей к выводу о том, что в I в. не было каких-то более-менее развитых феодальных отношений, были сильные пережитки первобытного общества. Есткая линейная связь между социальным развитием и процессом смены идеологических и религиозных представлений приводит многих исследователей к упрощенным выводам о причинах введения христианства, которые видятся ими порой в желании Владимира закреплять кресты и насаждать феодализм.

создать веру, отвечающую идеологическим потребностям феодального государства⁴. Подобная позиция не объясняет и тот факт, что многие народы Западной Европы принимали христианство в переходную от первобытности к классовому обществу эпоху⁵.

Для объяснения смены мировоззренческих систем вплоть до конкретной этно-социальной общности следует, во-первых, рассматривать процесс в контексте конкретной потребности этой общности в восприятии новой веры, во-вторых, наличие развитой церковной организации вне- или внутри той или иной государственной системы, способной вести религиозную пропаганду. Именно учет этих факторов объясняет более раннюю христианизацию германцев, сильные позиции у них более демократичных, чем официальное католическое, направлений христианства (например, арианство, полагианство). Заслугой советских историков был отказ видеть в христианстве на Руси лишь продукт деятельности византийского императорского двора и греческого духовенства, но упор на выявление внутренних причин смены религий не объяснил в достаточной степени почему Болгария приняла христианство в середине IX в., а Венгрия, Руэй и Польша только во второй половине XI в. Без учета фактора внешнего влияния объяснить это явление невозможно.

Говоря о влиянии внутренних факторов на темпы христианизации, следует отметить, что появление ростков новых общественных отношений (выделение князей и дружины), а затем их развитие (узурпация власти верхушкой общества) способствует изменению идеологической жизни общества, воздействует на постепенную смену религиозно-мировоззренческих представлений, которые в процессе феодализации нарастают и становятся все более и более опутанными. Отмечая последнее обстоятельство, следует остановиться на проблеме взаимоотношения между язычеством и христианством. Многие авторы предстаивают процесс христианизации как смену язычества, которое соответствовало догосударственным порядкам, христианством, которое было исключительно религией классового общества⁶. Такая трактовка в известной мере яв-

ляется дань историографической традиции, восходящей к трудам XIX в. Однако исследования древнерусского язычества показывают, что оно не носило постоянно одного и того же примитивного уровня, а развивалось от первобытной полилоксии к раннеклассовому княжеско-дружиинному политизму⁷. Этот политизм весьма четко проявляется при рассмотрении летописных статей X в., где четко виден культ Перуна и Болоса. Древнерусское язычество эволюционировало в сторону превращения в государственную религию, однако ему пришлось вести соперничество как с местными племенными культурами, так и с христианством, которое имело развитую религиозную догматику, а также многочисленные связанные с ними идеологико-политические доктрины, развитую систему церковной службы. Здесь важно вспомнить вывод Я.И.Цапова о том, что на базе первоначальных языческих преобразований Владимира в известной мере возникает христианская церковь⁸.

Исследование проблемы шедения христианства на Руси показывает отличие индивидуального восприятия веры отдельными индивидами и политическими структурами, специфические особенности в распространении христианства как мировоззренческой системы и как комплекса, связанного с этой религией идеологических тенденций, социальных представлений. Именно последняя сторона вопроса проявилаась в первых "крещениях" русов, в IX в., поскольку первое знакомство с христианством не могло сразу же видоизменить их мировоззрение. В дальнейшем постоянные контакты с христианами, воздействие христианских центров приводят к наслаждению представлений одной религии на другую, а затем постепенному вытеснению язычества христианством. Указанный процесс продолжался не одно десятилетие. Именно такие "формальные крещения"⁹ были характерны для Руси первой половины IX в.; посылка же архиепископа на Русь около 866 г. свидетельствовала о начале нового этапа христианизации, когда новая вера начала проникать вглубь древнерусской этно-социальной общности. Механизм первых "крещений" русов хорошо объясняется, если вспомнить об аналогич-

них "образованных" в новую веру норманнов, которые получали за них политические и экономические выгоды¹⁰.

Рассматривая вопрос о первых "крещеных" русов, ряд авторов подвергают сомнению возможность приобретения ими языка Бравлина к новой вере¹¹, хотя в контексте всех свидетельств о внешнеполитических акциях древнерусских дружины в конце VII – первой половине IX в. такое обращение выглядит вполне реальным¹². Хотя и носившим с позиций мировоззренческой весьма условный характер. Более того, на мой взгляд, есть все основания полагать, что под влияние греческой церкви попали и участники похода на Амастиду. В пользу такого предположения красноречиво свидетельствует следующий фрагмент из "Летописи Георгия Амастидского": "Один гроб был достаточно силен для того, чтобы обличить безумие варваров, прекратить смертоубийство, остановить зверство, привести более смиренных, чем волки, к кротости овцей и заставить тех, которые поклонялись рогам и лукам, уважать божественные храмы"¹³. Упоминание в источнике о поклонении русо-язичников рогам и лукам, кстати сказать, носит вполне реальный характер и подтверждается данными других памятников¹⁴.

Откуда Русь воспринимала христианство? В современной историографии справедливо отказались от точки зрения И.Д.Причелкова о болгарском влиянии на крещение Древнерусского государства. Параллельно был отвергнут спекулятивный тезис и ряда западных клирикальных историков о римском влиянии на введение новой веры на Руси¹⁵. Отметим это, следует сказать, что одновременно исследователями недостаточно уделяется внимание вопросу о влиянии соседей на крещение отдельных групп или отдельных представителей восточных славян. Известно, что на Русь христианство проходило из Хазарии, Северного Причерноморья, Великой Моравии, Чехии. Нельзя исключить возможность влияния аланского христианства. Все эти источники несли христианство довольно разнообразное по своим каноническим и идеологическим формам. Русь воспринимала христианство из Византии на государственном уровне, однако усло-

ния такого обращения, предлагаемые греческими политиками в силу вселенских концепций "ромеев" не могли устроить восточнославянскую верхушку, поэтому становится понятным стремление Ольги и Владимира в ходе взаимоотношений с Империей добиться наиболее благоприятных условий в политическом плане ихождения страны в христианский мир. В идеологическом плане для Руси важным использование оппозиционных греческому ортодоксальному православию течений, каковыми были кирилло-мефодиевское и херсонское религиозно-идеологические учения¹⁶.

Для усвоения христианского вероучения всем населением Руси ее правящая верхушка нуждалась в значительном количестве христианских священников, церковных книг, утвари и пр. С этой проблемой впервые остро столкнулась княгиня Ольга, в правление которой, как справедливо отметил Г.Г. Литаврин, в отране созрели условия для широкой христианизации, в том числе необходимый для этого аппарата власти¹⁷. Не имея достаточно собственных кадров духовенства, Русь должна была обратиться за помощью к соседям, однако ни греки, ни немцы из-за языкового барьера не могли быстро приспособиться к условиям проповеди христианства на Руси. Возможно, этот языковый барьер стал одной из причин конфликта киевлян с представителями германской религиозной миссии, во главе с епископом Адальбертом. Позже эта проблема решалась за счет болгарских и, возможно, чешских священников, которые говорили на близком русам языке. Без участия их вряд ли был возможен такой быстрый прогресс в культурном развитии восточных славян, появление славянской латергии практически одновременно с крещением Руси¹⁸. Обращение к германским, коронским, болгарским священникам имело, по всей видимости, и антивизантийскую направленность в силу известных гегемониотских тенденций в византийской идеологии.

Говоря о причинах выбора византийского варианта христианства, исследователи порой объясняют его особым отношением светской власти по отношению к церковной. При этом или противопоставляется византийской западноевропейской

церковная система, где взаимоотношения властей носил якобы противоположный характер¹⁹. Однако такое представление находится в явном противоречии с тем, что на Западе в X в. церковная власть отнюдь не занимала каких-то значительных высот в политической системе, а полностью зависела от светской, и лишь о середине XI в. мы можем наблюдать усиление папской власти в международной жизни Европы. Выбор византийского христианства прежде всего объяснялся вековыми экономическими, политическими и культурными связями восточных славян с греческим миром. При наличии таких интенсивных контактов с Западом вполне возможным был и западный вариант христианства, несмотря на последующее усиление в Западной и Центральной Европе папства.

При освещении непосредственного процесса "крещения Руси" в литературе часто отмечается опасность для киевского двора попасть в зависимость от Империи или греческой церкви²⁰. Однако признавая факт определенной борьбы древнерусской правящей элиты с греческими политиками и подчинение древнерусской церкви константинопольскому патриарху, следует заметить следующее. Наличие подчинения светской власти духовенства в Византии, безусловно, означало подобную подчиненность церкви монархам в соседних странах, находившихся в системе византийского православия. Власть патриарха, безусловно, была той силой, которую могли использовать греческие правящие круги. В таком же духе могла действовать и греческая часть древнерусского духовенства. Однако пару слов о этом следует помнить об более важном факторе – экономической и политической зависимости всего духовенства Руси от киевской власти. Особенно сильным оно было на начальном этапе существования древнерусской церкви, когда десятина было чуть ли не основным источником доходов духовенства²¹. Кроме того не следует забывать о значительных усилиях правящей верхушки Руси уже в первые дни существования древнерусской церкви по ограничению греческого духовенства, для чего организовывались славянские школы, привлекаются священнослужители из Корсуньи и Болгарии и т.д.²².

Не может не вызвать возражения и положение о каком-то угрозе Руси со стороны Византийской империи в случае принятия христианства. Такая угроза могла существовать для близлежащих к последней стран, например, Болгарии. Здесь, видимо, следует говорить о другом. Исследуя потребность в государственной христианизации страны, сами попав под влияние новой религии, Ольга и Владимир в собственном "крещении" византийскими церковниками деятельности политический акт приобщения своего государства к христианскому миру. Причем это приобщение должно было осуществляться в наиболее приемлемой для набиравшего силу Древнерусского государства дипломатических формах. Еще за сто лет до правления Ольги древнерусские посланцы в Иерусалиме подчеркивали особый политический оттиск своего государства, давая ему авторитетный восточный титул "каган". Теперь правители несравненно более сильной Руси также стремились поднять авторитет своей власти, для чего добивались наиболее благоприятной в дипломатическом отношении процедуры "крещения", заключения династических союзов с византийским правящим домом. Такое решение вопроса открывало для киевского двора широкие возможности и для создания качественно нового уровня развития экономических отношений, поскольку они приобретали более высокую форму юридической оценки. Как известно, Ольге не удалось решить эти проблемы, а Владимир, опираясь на мощь своего государства, воспользовался трудностями Империи и ударом на Корсунь добился самого главного в своей политике — резкого поднятия авторитета своей власти и международного престижа Древнерусского государства. Активная внешнеполитическая позиция Руси по отношению к Византии, возможно, и объясняет отсутствие каких-либо попыток греческого духовенства привлечь обстоятельство в христианизации восточных славян, отсутствие сведений о выдаении новой икры на Руси в византийских источниках.

Таковыми представляются предварительные наблюдения об исторических факторах выделения христианства на Руси, которые вытекают из анализа современной советской литерату-

тури. Этот анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего всестороннего изучения указанных, а также других проблем из истории древнерусской церкви и распространения христианского вероучения у восточных славян.

1. См., например: Введение христианства на Русь. - М., 1987; Запроваджения христианства на Русь: историч наркот. - Ил в., 1987; Рыбаков В.А. Язычество древней Руси. - М., 1987 (допечатка тиража; М., 1988); Кузьмин А.Г. Надение Петруна: становление христианства на Русь. - М., 1988; Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XI в. - М., 1988; Брайчевский М.Ю. Утверждения христианства на Русь. - Ил в., 1988; Глемозда К.Е. "Крещение Руси" в концепциях современной буржуазной историографии. - Киев, 1988; Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. - М., 1988; и др.
2. Брайчевский М.Ю. Утверждения... - С.40-47.
3. Фролков И.Я. Об историческом значении "крещения Руси" // Генезис и развитие феодализма в России. - Л., 1987. - С.57-58.
4. Глемозда К.Е. "Крещение Руси"... - С.33-39.
5. См., например, Корсунский А.Р., Гинтер Р. Упадок и гибель Западной Ортodoxической империи и возникновение германских королевств. - М., 1984.
6. Рапов О.М. Русская церковь... - С.57.
7. Рыбаков Б.А. Язычество... - С.453-454; Komplekski W. Zegadliscie politeizmu wjewielskiego // Przegląd historyczny. - 1984, N 4.
8. Щапов Н.Н. Церковь и становление древнерусской государственности // Всирон историк. - 1969. - N 12.
9. Принятие христианства... - С.236-237.
10. Гуревич А.Я. Исходы викингов. - М., 1985.
11. Фролков И.Я. Об историческом значении... - С.37-41; Рапов О.М. Русская церковь... - С.73.
12. Сахаров А.Н. Дипломатия древней Руси: IX - первая половина X вв. - М., 1980. - С.25-30.

- I3. Васильевский В.Г. Труды - Пгд., 1915. - Т.3. - С.68.
- I4. Рыбаков Б.А. Язычество... - С.134-138.
- I5. Гломозда К.Е. "Крещение Руси"... - С.105-134.
- I6. Кузьмин А.П. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. - С.172-174.
- I7. Литаврин Г.Г. Христианство на Руси в правление княгини Ольги // *Gesellschaft und Kultur im frühen Mittelalter*. - Halle, 1981, S. 134-143.
- I8. Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX-X вв. // IX Международный съезд славистов: история, культура, этнография и фольклор славянских народов. - И., 1983. - С.72.
- I9. Запроваджения... - С.63.
20. Рапов О.М. Русская церковь... - С.216.
21. Введение христианства... - С.129-132.
22. Головко А.Б. Христианизация восточнославянского общества и внешняя политика древней Руси в IX - первой трети XIII вв. // Вопросы истории. - 1988. - С.64.

М.ПАРМОНОВА

ЦЕРКОВНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И МИССИОНЕРСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ЛЮДОЛЪИНГОВ
(последняя треть X в.)

Последняя треть X в. представляет собой целостный и своеобразный период в истории народов Центральной Европы. Одним из важнейших процессов, определяющих содержание эпохи, было завершение христианизации народов Центрально- и Восточноевропейского региона. Данное обстоятельство имело колоссальное культурно-историческое значение, прежде всего, его результатом было включение славянских и других народов в общий процесс развития европейской средневековой цивилизации, их вхождение в круг "universitas Christianorum".

Помимо чисто религиозного и культурного процесс христианизации имел важное политическое значение; так известно, что создание собственной церковно-административной ор-

ганизации было существенным фактором формирования раннефеодальной государственности, принятие христианства сыграло значительную роль в развитии государственно-политических представлений.

Тесная связь церковного и политического моментов в эпоху раннего средневековья не вызывает сомнения: дающее положение является своего рода "общим местом" в историографии. В полной мере это утверждение относится и к рассматриваемой нами эпохе. Сочетание политического и конфессионального проявляется не только в сфере внутреннего развития государств и народов, но и во взаимоотношениях между ними: церковно-организационная и миссионерская деятельность выступает в рассматриваемый период в качестве важного элемента международных связей. Достаточно неопределенным, однако, представляется вопрос о соотношении собственно политической и церковной деятельности в практике международных отношений, прежде всего, в восточной политике Ландольфингов во второй половине X в. Известно, что правители Саксонской династии, начиная с середины X в. восстановили каролингскую традицию широкой миссионерской и церковной деятельности на Востоке, организованной и руководимой центральной политической властью, т.е. самим монархом. Прерванная в середине IX в. христианско-миссионерская практика Каролингов, причиной чего явилось общее ослабление монархической власти в Восточно-франкском королевстве, нашла свое продолжение в церковной политике Оттона I и его преемников. Более того, в сравнении с эпохой Каролингов, Саксонские правители подняли христианизаторскую деятельность на восточных рубежах Германии на более высокий уровень: как в плане ее масштабности, расширения территориальных границ, так и с точки зрения организованности и систематичности. Одновременно происходит усиление германской восточной экспансии, повышение политической активности Империи в регионе. В связи с этим возникает вопрос о соотношении церковной и внешнеполитической деятельности Оттонов в Центральной Европе. Были ли это два параллельных, ста-

занимал лишь временной синхронностью, направления их восточной экспансии? Или речь идет о строгой политической детерминированности церковных мероприятий, когда последнее является лишь средством в достижении определенной собственно политической цели?

Для того, чтобы лучше понять место и роль церковной и миссионерской деятельности в контексте Восточной политики Ландольпингов, те изменения, которые происходят в течение второй половины X в., целесообразно обратиться к взглядам современников на эти вопросы. Мы попробуем сравнить взгляды на церковное и политическое в деятельности германских правителей на Востоке, отраженные в "Деяниях саксов" Видукинда, написанных в 60-е гг. X в. и в Хронике Титмара Мерзебургского и некоторых других источниках начала XI в.

Первое, что бросается в глаза при обращении к сочинению Видукинда, это достаточно слабый интерес хрониста к вопросу о церковной деятельности германских правителей¹. Так, характеризуя достижения Генриха I, он отмечает почти исключительно его военную мощь и удачливость во внешней экспансии². Именно успешная завоевательная политика является главной причиной создания Генрихом могущественной и обширной империи (империя Генриха I, *Imperio Henrici I*) переданной им по наследству своему сыну³. Здесь мы не найдем сколько нибудь отчетливых указаний на значимость для хрониста деятельности монарха в церковной или религиозной сфере. Современные правительства либо распространяют христианства в упрочении положения церкви предстают у Видукинда вторичными или в лучшем случае равнозначными в сравнении с военными подвигами, успешными завоеваниями и ратной доблестью монарха. Так, вспоминая в устах одного из приближенных Оттона I панегирик в адрес императора, хронист подчеркивает прежде всего покорение им народа, одержанное в сражениях победы и лишь в последнюю очередь называет заслуги в деле обращения язычников и основания монархом новых церквей⁴. Яркий пример оценки Видукинда на архивический идеал военной пробыти,

попытания им права на политическую власть как права победителя и могущественного завоевателя, мы найдем в его обоснованиях права германских королей на императорский титул. Провозглашение Оттона I "императором и отцом отечества" оказывается для хрониста логическим следствием одержанной им крупнейшей победы над венграми у Аугсбурга в 955 г.; характерно также, что субъектом наделения императорским титулом оказывается войско короля⁵. Столь же логичным кажется применение Видукиндом императорского титула в отношении Генриха I⁶, который не был официально облечены императорским достоинством: титул, являющийся знаком высшей в христианском мире политической власти, оказывается у хрониста оценкой военных успехов, могущества и силы германского правителя. Исторечно, что важнейшим легитимным основанием императорского достоинства правителя (еще с эпохи Карла Великого) считалось выполнение им функций защиты Римской церкви и христианского мира⁷. Однако это обстоятельство как бы опускается саксонским хронистом: главным условием императорского достоинства для него является военное могущество и одержание победы. Именно поэтому Оттон I становится императором не в результате коронации 962 г., а после победы 955 г.

Таким образом, мы можем констатировать, что хотя Видукинд знает об обязательности для монарха выполнять функции защитника и покровителя церкви, однако это остается для него своего рода абстрактным императивом, слабо связанным с реальной практикой. Тот факт, что он знает о такого рода требованиях к правительству, подтверждает воспроизведение им обряда королевской коронации Оттона I в 936 г. в Аахене, в ходе которой происходит вручение королевских инсигний и произносится обращение к королю, где на первом месте среди его обязанностей называется защита церкви, клира и христианского народа⁸. Однако целостное восприятие Видукиндом функций, обязанностей и задач политической власти, отраженное в его хронике, показывает, что официальные канонические требования к монарху (ритуал, воспроизведенный хронистом, имеет, видимо, западнофранк-

кое происхождение и связано с давней каролингской традицией⁹) с одной стороны воспринимались как безусловные, однако на практике мало затрагивали традиционные, глубинные представления о деятельности короля¹⁰.

Нное восприятие источников королевской власти и соответственно прямых функций и обязанностей монарха мы находим в хронике Титмара. Так, например, для него безусловна центральное значение религиозного момента в легитимации императорского достоинства германских правителей. Подобно Видукинду он называет Генриха I императором¹¹; однако, зная, что тот не был коронован папой и чувствуя безусловную обязательность папского утверждения, мерзебургский епископ приводит в своей хронике явно апокрифическую легенду о поломничестве Генриха в Рим¹². Здесь, видимо, хронист пытается найти нить, соединяющую императорский титул Генриха и его подтверждение Папой – политическую власть короля и его действия в сфере христианского благочестия. Совершенно иначе, нежели Видукинд, описывает Титмар и обстоятельства имперской коронации Оттона I, связывая ее с римским походом 962 г.¹³. Так, для хрониста очевидно, что присвоение императорского достоинства могло быть результатом только папской коронации, причем, предварительно король оказывает помощь главе церкви и провозглашается императором уже в качестве защитника церкви. У Титмара мы находим замещение всех смысловых компонентов, присутствующих в изображении Видукинда – субъектом утверждения императорского титула вместо войска выступает папа¹⁴, а центральным обоснованием права Оттона I на выполнение императорских функций становится не военная победа, а ее конечная цель – помочь церкви и ее защиты. Решительно изменяется и взгляд на место церковной и религиозной деятельности монарха в общей совокупности его действий. В концентрированном виде это отражено в кратких стихотворных прологах, предврачивающих большинство книг Хроники¹⁵. В них дается предельно очищенная от эмпирики и описательности оценка Титмара: в силу ее схематичности данная в ней "табель о рангах" свершений монарха может быть интер-

претирована достаточно однозначно. В частности, давая характеристику правления Оттона I¹⁶ и Генриха II¹⁷, он в первую очередь называет их акции, направленные на благо церкви: основание новых церковных кафедр, укрепление и восстановление (в частности, Мерзебургского епископства) созданных ранее. Начиная повествование о правлении Оттона II, Титмар рассказывает, первым делом, об основании нового аббатства в Герсфельде и пожаловании новых привилегий Магдебургу¹⁸. Вообще, удельный вес сообщений о церковных мероприятиях германских правителей в хронике достаточно велик в общей сумме описываемых событий. Здесь, в сопоставлении с Видукиндом, мы видим трансформацию представлений об обязательствах монарха в церковно-религиозной сфере из своего рода теоретического постулата в конкретную задачу практической деятельности. Участие монарха в осуществлении церковно-организационных планов предстает не только как одна из, но как центральная функция политической власти. Такая характеристика задач политического управления в целом имеет прямое отношение и к новому пониманию деятельности на Востоке: языческий или полухристианский славянский мир представлял широкое поле для осуществления миссионерских и церковно-организационных мероприятий. Не случайно Титмар уделяет столь значительное внимание этим аспектам деятельности германских монархов на востоке: подробно рассматривает историю создания Магдебургского архиепископства¹⁹, учреждение церковной организации в Польше²⁰, останавливается на характеристике видных миссионеров – Бруно Кверфуртского²¹, Альберта Пражского²² и Адальберта Магдебургского²³.

В полной мере понять истоки отношения хронистов к церковной практике на Востоке можно лишь зная их восприятие сущности славяно-германского противостояния (или шире – конфликта Германии с соседними языческими народами). Здесь мы вновь обнаружим значительное расхождение между Титмаром и Видукиндом.

Для корвейского хрониста драматическое ядро столкновения германских правителей с соседними народами (датча-

нами, славинами, венграми) составляет военный конфликт. Здесь для Видукинда речь идет прежде всего о проявлении военной силы и доблести, столкновении двух устремлений — покорения и подчинения своей власти других народов (со стороны Германии) и желания последних отстоять свою свободу и независимость. Так, описывая сражение славян и немцев, хронист отмечает, "одни (саксонцы) сражались за славу и великую и обширную империю (власть — imperio), а другие (славине) за освобождение от всякого подчинения"²⁴.

Б своем отношении к славянам "Видукинд почти свободен от антиязыческих настроений"²⁵. Называя славян "варварами", "язичниками", хронист делает это практически бесстрастно — для него это едва ли более, чем простая констатация факта. В соседних народах он видит прежде всего объект для нападения и военных соперников германских правителей; он готов признать в качестве достойных уважения их смелость, отвагу, мужество — т.е. те черты, которые характеризуют их как военных противников²⁶. Именно поэтому для него малоизначителен (или почти не значим) конфессиональный момент: он не отличает славянских правителей язычников от христиан — и те, и другие для хрониста равно враги Германии. Он знает, в частности, что чешские князья были христианами, осведомлен даже о мученической славе Вацлава²⁷, однако данное обстоятельство никак не влияет на его оценку: определяющим для его отношения является покорность или сопротивление германскому монарху²⁸.

Понимание Видукиндром восточной политики германских правителей как борьбы за военную славу, покорение других народов и поражение своих противников приводит к тому, что ему чуждо ее восприятие как борьбы христиан с язычниками. Именно этим обстоятельством обусловлено весьма не значительное внимание хрониста к миссионерской и церковной деятельности. Описывая столкновение Генриха I с датчанами, закончившееся поражением последних, Видукинд лишь в заключение отмечает факт крещения датского короля²⁹. Здесь достаточно отчетливо проявляется отношение хрониста

к христианизации не как к цели, а лишь следствию военной акции. Такое же восприятие нашло свое отражение и в упомянутой выше характеристике действий Оттона I. Достаточно наглядно малая аксиологическая значимость церковной деятельности германских королей демонстрируется тем фактом, что миссионерские и организационные мероприятия Оттона I вовсе не зафиксированы в хронике Видукинда.

Иной подход к сущности и цели восточной политики германских правителей обнаруживается в хронике Титмара. Мерзебургскому епископу свойственен взгляд на славяно-германские отношения как на конфликт язычества и христианства. Так, его настойчивое обозначение славян как варваров и язычников весьма далеко от беспристрастной констатации Видукинда. Здесь содержится смысловое противопоставление славян и христиан-немцев, определяющее понимание Титмаром основного источника их столкновения. При всей важности для хрониста военно-политического аспекта деятельности германских правителей (он подробно и тщательно отображен в его сочинении), безусловное преимущество отдается им конфессиональной задаче. Для него не сама по себе военная победа (как у Видукинда), но связанная с ней христианизация является причиной и условием распространения на покоренные народы власти короля. В частности, обобщая достижения Германии на востоке, он пишет о народах, "которые, приняв христианство, выполняли трибутарные повинности в отношении императоров и королей"³⁰. Принципиальная значимость религиозного момента отчетливо проявилась и в описании Титмаром столкновения немцев и славян в районе Люнебурга в 997 г. Хронист сообщает об участии в германском войске Минденского епископа, отмечая, что тот "сопровождал воинов с крестом в руках и много способствовал их победе"³¹. Здесь мы видим, что именно участие церкви (в лице одного из ее представителей) и христианская миссия немецких воинов (а не сама по себе их сила и доблесть) представляется хронисту источником их победы.

В хронике Титмара мы найдем и другие подтверждения его восприятия войны со славянами, как сражений против

язычников и противников христианской церкви. Описывая многочисленные военные конфликты 80–90-х гг. X в., связанные с выступлениями полабских славян против германского господства, Титмар ставит в вину мятежникам прежде всего нападения на церковные центры, разрушения церквей и создание на их месте языческих святилищ³². Таким образом, конечной целью борьбы за возобновление германской власти становится восстановление и защита церкви, поражение противников христианства. Распространение веры, христианские задачи как цель восточной политики германских монархов с еще большей, чем у Титмара, бескомпромиссностью воспринимается современником хрониста – Бруно Клерцурским³³. В своем послании Генриху II известный миссионер и церковный деятель Германии осуждает императора за союз с язычниками как недостойный христианского монарха, противопоставляя ему польского князя Болеслава Храброго как защитника и покровителя миссионерской деятельности, сравнимого с императором Константином и Карлом Великим³⁴. Здесь мы находим стремление отождествить собственно политические и христианские задачи, характерное для деятеля круга Оттона III³⁵, что, однако, неприемлемо в буквальном практическом воплощении для политически ориентированного Титмара.

В отличии от Видукинца, мы найдем у Титмара достаточно дифференцированное отношение к христианским и языческим соседям Германии. Отражением этого можно, видимо, считать интерес к проблеме обращения в христианство тех или иных народов, так он, например, подробно характеризует роль жены польского князя Мешко I Добравки в крещении мужа и народа, ему подчиненного³⁶. В отличии от корveyского монаха Титмар непременно указывает на преданность христианству или отсутствие религиозного благочестия у известных ему представителей Центральноевропейских династий³⁷: хронист фиксирует также знакомые ему примеры контактов славянских и венгерских правителей с церковными князьями Германии³⁸, их сношения по религиозным вопросам с людоляйнингами³⁹.

Примечательно, что в хронике Титмара чувствуются

разация в отношении к отдельным народам и их правителям как участникам политической жизни, прежде всего в вопросе войны с Германией. Критерием здесь (но единственным, но важным) выступает религиозный момент. Так славянские языческие племена представлены в сочинении Титмаря прежде всего как объект действий – военных или церковных – германских правителей. Они либо подчиняются королю, либо выступают против его власти – в любом случае очевидна определенная односторонность акций, по крайней мере, в плане их правовой обоснованности. Князья-христиане, прежде всего, правители Польши и Чехии, являются напротив полноправными участниками политической жизни, ее субъектами⁴⁰. Хотя они и занимают в глазах хрониста подчиненное положение в отношении императора, однако за них признается право на самостоятельные акции, которые могут рассматриваться как законные или нет, но в принципе их правомочность очевидна. Нуждаются в серьезном обосновании и направления против этих правителей действия немецкой стороны, причем оно несет не только политический характер. Титмар, описывая военные походы против польского и чешских князей, дает последним крайне отрицательные характеристики как вероломством, жестоким и коварством правителям⁴¹. Такой образ "неправедного" монарха, "короля-тирана" имеет отчетливую христианскую окраску; оценка Титмара является по сути равнозначной отношению к этим лицам, как к нехристианам христианам. Причинально, что автор Кведлинбургских анналов, описывая немецкий поход против Мешко II, прямо называет польского князя дурным христианином⁴². Тенденциозность Титмара в оценке славянских правителей, прежде всего очевидна в отношении Болеслава Храброго, который был известен в Германии того времени как античный организатор христианской деятельности и как первый христианский правитель Польши⁴³, и изменил политическими мотивами. Однако, она тем более показательна – ведь хронист должен сознательно изменить существующие оценки, чтобы обосновать правомочность действий Генриха II.

В целом, мы можем отметить у Титмара значительное из-

менение (в сопоставлении с Видукицом) во взгляде на характер и цели германской деятельности на востоке: суть конфликта выражается в сфере религиозных проблем, а конечной целью становится защита церкви и распространение христианства. В этом случае становится понятным это пристальное внимание к церковно-миссионерской и организационной деятельности германских правителей на востоке, подробно изложенной в его сочинении.

В заключение коротко остановимся на вопросе о соотношении собственно церковного и политического в христианских мероприятиях Лидольдингов. Если мы обратимся к хронику Видукица, то увидим, что в контексте описания восточной экспансии религиозно-церковные темы употреблены в двух смыслах. Первый, называемый важен случай, когда христианизации язычников представлена как непосредственное следствие военной победы и их подчинения власти германского правителя. Второй вариант, использование церковно-религиозного мотива в мистическом и даже магическом смысле. Например, Видукиц, описывая поражение венгров в 955 г., отмечает, что Оттону I была оказана помощь св. Лаврентием, праздник которого пришелся на день сражения⁴⁴. Таким образом, религиозный и церковный факторы не имеют прямого практического значения в плане военно-политической деятельности.

Иную картину мы найдем в сочинении Титмаря. Для христианина очевидна тесная связь церковной и политической деятельности. Более того, церковные мероприятия правителей воспринимаются как фактор, обладающий непосредственным политическим значением. Описывая основание Магдебургского архиепископства, Титмар отмечает, что целью императора была защита и укрепление рубежей отечествия⁴⁵.

Примечательна оценка Титмаром результатов дружеских отношений между Оттоном III и Болеславом Храбрым, он в частности, с возмущением восклицает: Господи, прости императора, ведь он превратил трибутария в господина!⁴⁶ – здесь для нас важно то обстоятельство, что центральным эпизодом взаимоотношения двух правителей является Гнезненский

съезд 1000 г., результатом которого было учреждение в Польше архиепископства. Интересно, что в отличие от Галла Анонима⁴⁷, немецкий хронист ничего не знает о собственно политической стороне съезда, связанной с коронацией польского князя и провозглашением его принцем империи. Тем более примечательно, что политический по характеру результат (превращение Болеслава в полноправного владику - *monum*) является следствием чисто религиозного события - падомичества Оттона к гробнице св. Адальберта и основания Гнезненской епархии⁴⁸. Таким образом, мы видим, что церковная и миссионерская деятельность представляются Титмару не просто одним из следствий или побочных результатов военно-политических мероприятий, но обязательным элементом политической программы. Чудо ему и отношение к ней и лишь как к инструменту или средству достижения той или иной политической цели - церковно-организационные мероприятия оказываются одновременно и политическими по своему значению.

Коротко подводя итог, отметим, что для взгляда Титмара и Видукинда на церковную и миссионерскую деятельность германских правителей на востоке характерен целый ряд принципиальных различий. Эта разница тем более примечательна, что исходные "анкетные" данные обоих хронистов во многом аналогичны: оба были духовными лицами, оба являлись саксонскими патриотами и сторонниками восточной экспансии немецких монархов. В силу этого с большой или меньшей вероятностью можно предположить основное, что их разделяют - это времена. В определенной степени мы можем считать, что исходство их позиций отражает в целом динамику социального сознания и идеологических представлений, параллельную значительным изменениям в сфере политического управления, государственной идеологии, в характере отношений между церковью и государственной властью, произошедшими в течение разделявшего хронистов полувека.

1. H. Beuckmann. *Widukind von Corvey*. Weimar, 1950, B.

2. *Widukindi monachi Corbiensi herum Gestorum Saxonisarum libri tres*. Ed. H.-E. Lohmann, F. Hirsch. BKG, Hannover, 1935. L. I, c. 35, 36, 38, 40.

3. Widukind. L. II, c. I, 20. K.J.Leyser. Medieval Germany and its Neighbours. "Henry I and Beginnings of the Saxon Empire". L., 1982, p. 11-42.
4. Widukind. L. III, c. 75.
5. Ibid. L. III, c. 49: "... rex ... ab exercitu pater patrino imperatorque appellatus est".
6. Ibid. L. I, c. 25, 35, 39.
7. W. Ullmann. The Growth of the Papal Government in the Middle Ages. L., 1947, p. 222-261. O. Brümann Forschungen zur politischen Ideenwelt des Frühmittelalters. B., 1951, S. 19-31.
8. Widukind. L. II, c. I.
9. H. Beumann. Op. cit., S. 219; O. Brümann. Op. cit., p. 11-27 - "Meiniger Ordo".
10. K.J. Leyser. Rule and Conflict in an Early Medieval Society. L., 1970, p. 11-28.
11. Thietmar Lorschburgensis episcopi Chronicon. Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. IX. I. I, c. 13, 27.
12. Ibid., L. I, c. 16.
13. Ibid. L. II, c. 13.
14. Ож. также др. евангел. II, с. 11 и L. IV, с. 27; L. VI, с. 101.
15. Ibid. L. II, c. 17.
16. Ibid. Prologus. L. VI.
17. Ibid. Prologus. L. V, 41.
18. Ibid. L. III, c. I, 2.
19. Ibid. L. II, c. 20-22.
20. Ibid. L. II, c. 12; L. IV, c. 19, 25.
21. Ibid. L. VI, c. 24.
22. Ibid. L. IV, c. 27. Ож. также о других миссионерски епископе Бозо — L. 21, с. 17. "Поппона L. II, c. 14.
23. Ibid., L. II, c. 14, 22, 28; L. III, c. 11.

24. Widukind. L. II, c. 20.
 25. H. Baumann. op. cit., S. 107.
 26. Напримэр: Widukind. L. II, c. 20; L. I, c. 35; L. III
c. 67, 35.
 27. Ibid. L. II, c. 3. Историко, что Видукинд называет фра-
нкцев такими же врагами как датчане и L.II,
c. 20. славян
 28. Ibid. L. I, c. 35; L. II, c. 3; L. III, c. 8.
 29. Ibid. L. I, c. 40.
 30. Thietmar. L. III, c. 17.
 31. Ibid., L. IV, c. 19.
 32. Ibid., L. III, c. 19, 18-20; L. IV, c. 6, 22.
 33. H. Bonckus. Studien zur historisch-politischen Gelehr-
kunwelt Brants von Querfurt. MP, 5; Münster-Cologne,
1956, p. 126.
 34. MPH I, 1806, 1072, n. 227.
 35. H. Ullmann. op. cit., pp. 240 -261.
 36. Thietmar. L. IV, c. 55.
 37. Ibid., L. IV, c. 55, 58, 78; L. VIII, c. 3.
 38. Ibid., L. IV, c. 2; L. IV, c. 6; L. VI, c. 92.
 39. Ibid. L. IV, c. 59, 45; L. VII, c. 11, 12; L.V, c.10,
etc.
 40. Ibid. L. III, c. 7, 6, 18; L. IV, c. 3, 11, 12?
 41. Оддожно Чешский он называет, в частности,
"matrona iniquitatis interpretatus" - Ibid., L. VI,
c. 99.
 42. Annales Querlburgensis, Bd. 9.H.Pertz. 1839, S.93,
ad.an. 1029.
 43. Ом. напримэр, письмо Матильды к Ишкомону, I, n. 324.
 44. Widukind. L. I, c. 40; L. III, c. 44, 49. Ом. также
Thietmar. L. II, c. 10.
 45. Thietmar. L. II, c., 20 "ob temp. remuneracionis actorum
ne defensionemque communis patris".
 46. Ibid. L. IV, c. 45; L. V, c. 10.
 47. Galli Anonymi Chronica. MPH, II, 1952, L.I, c.6.
 48. Thietmar. L. IV, c. 44, 45.

СВОБОДНЫЕ И НЕСВОБОДНЫЕ В ЗАКОНАХ ВЕНГЕРСКОГО КОРОЛЯ ИШТВАНА I (997-1038)

Изучение содержания понятий "свободы" и "несвободы" в европейских юридических памятниках раннего средневековья составляет одну из важных проблем современной медиевистики. На основе венгерских источников XI - начала XII веков высказывались различные точки зрения на положение свободных и несвободных слоев общества, находившегося на этапе складывания феодальных отношений (работы Л. Эрдальи, К. Таганы, Э. Мольнара, Э. Ледерер, И. Кучери, И. Боллы, Д. Дьерфи и др.)¹. В нашу задачу не входит детальное рассмотрение социального и имущественного статуса различных категорий населения королевства Венгрии в указанный период. Мы ограничимся анализом понятий "свободы" и "несвободы", пытаясь определить, какой смысл вкладывали в них составители важнейшего источника по социальной истории венгерского общества первой половины XI в. - законов Иштвана I.

Сохранились две книги законов первого венгерского короля, первая из которых датируется исследователями 1002 г. Относительно времени возникновения второй книги в литературе существуют значительные разногласия. В основе предлагаемых датировок лежит стремление связать появление II книги с каким-либо конкретным политическим событием - чаще всего победой Иштвана над Айтонем (1009 г.) или выступлением Вазула (1031/32 гг.)². Нам представляется целесообразным придерживаться более поздних датировок, позволяющих объяснить те довольно заметные различия в трактовке некоторых важных понятий (в том числе, "свободы" и "несвободы"), которые существуют между отдельными положениями I и II книг.

Законы Иштвана I не являлись лишь записью обычного права венгров. Должно, что они пытали заметное влияние со стороны раннесредневекового западноевропейского законодательства. Это влияние выражалось как в усвоении

из некоторых политико-правовых идей и понятий, так и в использовании ряда конкретных норм, в частности, из Баварской правды³. Кроме того, законы, выполнение которых совпадало с процессом христианизации, развернувшимся в Венгрии при Иштване I, несут на себе отпечаток мощного воздействия идеи христианства, канонического права⁴. Следствием этого было как обилие (особенно в I книге законов) статей, посвященных церковным скжетам – положениям юриспруденции в обществе, необходимости строго соблюдать посты и различные обряды и т.д. – так и проникновение христианской морали и этики в трактовку многих традиционных для обычного права норм. Следы такого влияния западноевропейского светского и церковного права, как мы пытаемся показать ниже, заметны и в тех статьях, на основании которых можно составить представление о понятиях "свободы" и "несвободы" в венгерском обществе начала XI в.

Как известно, в период раннего средневековья отношение церкви к рабству, прежде всего, к обращению в рабство христиан, было в целом негативным. По свидетельству позднейшего хрониста Шильона Козы, в конце X в. папская курица обращалась к Иштвану и его отцу Гезе с призывом предоставить свободу рабам-христианам⁵. Появившиеся в начале XI в. законы Иштвана, однако, не делали специально акцента на различии между сервами-христианами и сервами-язичниками. Этот момент присутствует лишь в более позднем памятнике – законах Ласло I (1077-1095), однако и там речь идет лишь о частном случае: запрете иудеям держать в услужении сервов-христиан⁶.

В то же время обладание свободой трактуется в законах Иштвана как безусловное благо: "Поскольку было бы достойным бога и лучшим для людей, чтобы каждый следовал путем своей свободной жизни, королевским законом установлено, что впредь никто не осмелился повергнуть в рабство графа или воина, свободного человека" (I, 22). Действия того, кто, "дышащий милосердием", стремится предоставить свободу своим сервам, также получают явно положительную этическую оценку (I, 18).

В западноевропейской практике еще с VI в. существовала возможность предоставления свободы сервам для спасения собственной души. Об этом свидетельствует, в частности, наличие специальной формулы в сборнике Маркулиса⁷. Мотив освобождения сервов "pro salutate animae"

присутствует и в законах Иштвана: если господин обещал отпустить на свободу своих сервов и служников (*serui et servilium*), но, не успев засвидетельствовать этот акт, внезапно умер, "женщина, его жена (а также его дети) имеет право засвидетельствовать их свободу и отслужить молебен за упокой души своего супруга" (I, 18). По мнению некоторых исследователей законов, самым существенным в этой статье является исходящее от короля разрешение отпускать серва на свободу даже после смерти его владельца, которое, по всей видимости, вносило важные корректировки в существующую практику⁸. Даже стремление освободить чужих сервов без согласия их господина, несмотря на то, что подобные действия считаются противозаконными и караются довольно значительным штрафом, означает скорое положительно, поскольку серв мог бы в результате "освободившись от ярма рабства, сискать себе легкость свободы" (I, 21).

Процедура освобождения сервов вскоре упоминается в цитированной статье "О тех, кто добивается свободы для чужих сервов" (I, 21). Господин (или другой человек, который о согласии господина хочет освободить серва) должен привести последнего ко двору, где король или элитные (*magister nati et alii*) отпустят его за волю. Подобным же образом, видимо, несправедливо обращенный в рабство мог при помощи "законного суда" вернуть себе свободу (I, 22). В западноевропейской практике можно найти достаточно близкие аналогии описанной в законах Иштвана процедуры. Это такие способы предоставления свободы, когда соответствующее разрешение исходило от короля, прежде всего, так называемое освобождение через декарий ("decariae") — символический торг с участием короля. Важно отметить, что у многих германских народов отпущененный из воли в

присутствии короли становился полностью свободными, но, кроме того, у всех (за исключением салических франков) существовали и другие способы предоставления свободы, когда бывший серв оставался в зависимости от своего господина, переходя в категорию полусвободных-либертинов¹⁰. В законных Иштвана нет упоминаний ни о других способах освобождения, кроме описанного выше, ни об особом статусе полноотпущенников. Это позволяет предположить, что в начале XI в. в венгерском обществе не существовало слоя полусвободных (либертинов) и отпущенний на волю серв становился безусловно свободным, вливаясь, по всей видимости, в нижний слой свободного населения ("vallatkov").¹¹

Это предположение подтверждается, с нашей точки зрения, тем обстоятельством, что через всю I книгу законов Иштвана проводится идея резкого разграничения общества на свободных (нативов, воинов и простонародье) и несвободных (сервов и служанок), между которыми не было никаких промежуточных категорий. Об этом свидетельствует статья "О тех, кто берет себе в жены служанок" (I, 26): "Чтобы никто из тех, кто именуется свободными, не осмелился совершил что-либо противозаконное, советуем ему страшиться и осторожаться, так как в королевском совете постановили, что, если какой-либо свободный человек возьмет себе в жену служанку, зная, что она принадлежит другому господину, то, утратив свою свободу навечно будет превращен в раба". Правда, речь здесь идет только о последствиях женитьбы на чужой служанке, но, очевидно, что дистанция между господином и его сервами также была огромной. "Чтобы народ этой монархии преобивал в спокойствии и отдалении от всех обвинений и нападок со стороны сервов и служанок, - говорится в статье "О том, что не принимаются обвинения и следательства сервов и служанок против их хозяев и хозяек" (I, 20). - в соответствии с постановлением королевского совета запрещается принимать обвинения или следательства лиц рабского происхождения в любых делах против их хозяев или хозяек".

Серв, как следует из данной статьи, не был полноправ-

вен юридически. На основании закона "Об убийствах" можно заключить, что он вообще не являлся юридическим лицом, так как не нес прямой ответственности за совершенное им преступление. Так, в случае убийства одного серва другим ответственность перед законом ложилась на господина убийши, который должен был возместить урон потерпевшему сеньору, предоставив ему нового серва взамен убитого (I, 14). Елизнь серва не защищена вергальдом, он имеет только цену ("precium"), а его убийство трактуется прежде всего, как ущерб, нанесенный имуществу его господина: "Если какой-либо свободный убьет серва, пусть зазовет другого серва или внесет за него выкуп" (Там же). В то же время такое преступление считается грехом, и виновного (будь то серв или свободный) накладывается епитимья, и он должен поститься "в соответствии с канонами" (Там же). В статье "О тех, кто развратаивает с чужими служанками" (I, 27) разрыв между требованиями христианской морали и действительностью выступает гораздо более очевидно: наказанию подлежит только сопротивление с чужой служанкой, а осуждению конкубината как такового в данной статье отсутствует. Рассматривается лишь возможный ущерб господину служанки в случае ее безвременной смерти при родах: в таком случае виновный должен заменить ее другой служанкой. Не обладая всей полнотой прав, сервы и служанки не включались в понятие "народ" ("geno") как следует, например, из цитированной выше статье "О том, что не принимаются обвинения или свидетельства..." (I, 20)¹².

¹² Под словом "geno" в данном случае, как и в других статьях, где употреблен этот термин, подразумевается все свободное население королевства. Так, например, по-прежнему нельзя трактовать слово "geno" в статье "О тех, кто убегает от своих испан за пределы королевства" (I, 30): "Чтобы люди обоих полов ("geno utriusque sexus") пребывали в процветании и согласии с законом... в настоящем королевском законе установлено, что, если кто-либо, отличавшийся бесстыдством, из-за

Несмотря на то, что серви и служанки рассматривались как имущество их господина, они не были рабами в античном понимании этого слова ("Innanzitudo servile"). Они считались людьми, поскольку применительно к ним употреблялось выражение "лицо рабского происхождения" ("rogvona servilis") (I, 20). Законодатель явно делал различие между сервом и вешлью: "Мы даём возможность другим распоряжаться нашим имуществом, то есть вешльми, воинами, сервами...", - говорится в статье "О держании королевского имущества" (I, 7).

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что в I книге законов Иштвана понятия "свободы" и "несвободы" выступают как две противоположные категории, содержание которых раскрывается прежде всего именно в их противопоставлении: свободным является тот, кого нельзя считать сервом и наоборот. Сходная трактовка этих понятий характерна для западноевропейских юридических шамптиков докаролингского времени, а также, в значительной степени и для источников каролингской эпохи¹². Несмотря на отразившуюся в них тенденцию к резкому разграничению общества на свободных и несвободных, реальная ситуация далеко не всегда укладывалась в эти достаточно жесткие рамки¹³. В Венгрии, как показывает сопоставление I и II книг законов Иштвана также начался процесс переосмысления понятий "свободы" и "несвободы".

На первый взгляд, изменения, внесенные законами II книги в положение сервов, носят лишь уточняющий характер, не затрагивая важнейших представлений о свободе и несвободе, положенных в основу более ранних норм. Так, убийство серва по-прежнему рассматривается как нанесение материального ущерба его господину, меняется лишь порядок его возмещения: "Если какой-либо серв убьет серва, принадлежащего другому, господин убийцы возместит господину убитого половину (стоимости) серва, если может; если же нет,

отвращения к жене убежит из страны, пусть его жена владеет всем, что находилось в распоряжении супруга"...

то по окончании великого поста серв будет продан и выручка поделена" (П. 3). Если книга I содержала запрет отпускать на свободу чужих серпов без согласия их хозяев (I, 21), то во II книге описывается, как можно выкупить чужого серва при наличии разрешения господина. Выкупавший должен заплатить за серва столько, сколько с него запросят, причем только одна треть этой суммы достанется господину серва, а две трети - королю (П. 5).

В то же время в законах II книги появляются как минимум два момента, вносящие существенные изменения в представления о "свободе" и "невсвободе", положенные в основу I книги. Во-первых, согласно статье "О кражах, совершенных сервами" (П. 6), серв в ряде случаев мог выступать как юридическое лицо, ответственное за свои действия. За кражу, совершенную в первый или во второй раз он должен, если может, заплатить штраф (5 бичков) или лишиться носа и ушей. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что серв, следовательно, мог обладать некоторым имуществом. Можно отметить также, что штрафы в таком размере выплачивали свободные "из простонародья" в качестве наказания за некоторые преступления (например, за вторжение в чужой дом).

Во-вторых, во второй книге впервые упоминается такой слой населения, представители которого, не будучи носовыми в привычном понимании этого слова, несколько отличаются от основной массы свободных. Речь идет об удворниках¹⁴. Термин "udvornicis" встречается во II книге лишь один раз: "Если кто-либо из тех, кто в просторечии называется удворниками, совершил кражу, будет судим по закону для свободных, свидетельства же его среди свободных не принимаются" (П. 21). Можно отметить более низкий правовой статус удворника по сравнению со свободными (хотя штраф за совершенную кражу они выплачивали в одинаковом размере). Упоминание о необходимости судить удворников по закону о свободных свидетельствует о том, что на практике прежде всего, видимо, у судей, могли возникать сомнения относительно принадлежности представителей данного

социального слоя к свободным.

Таким образом, II книга законов Иштвана отразила проявившиеся, праца, еще не вполне отчетливо, тенденции к некоторому сближению социального статуса серва и свободного из "простонародья" с одной стороны и к дальнейшей дифференциации основной массы свободных - с другой. Называвшие тенденции, развившиеся в течение всего XI и начала XII вв., внесли в дальнейшем принципиальные изменения в представления о "свободе" и "несвободе", сыграли важную роль в процессе возникновения зависимого крестьянства.¹⁶

1. Обзоры историографии данного вопроса см., в частности, в работах И.Боллы: Bolla I. A jogilag egyébdeas jobbugyocskatly kiiblakulasa Magyarorszagban. Bp., 1983; A kozsarakadsg a XI-XII szazadban (a liber de libertas fogalma az Arpad-korban). - Történelmi Szemle, 16 (1971).
 2. См.: György Gy. István király és alja. Bp., 1985, 270.1. Jánosi M. Gondolatok az Admonti kodexból hírnyszó kapitulumokról. - Acta historica Universitatis Szegediensis. Szeged, 1985.
 3. О западных параллелях венгерских законов см.: Závodszky L. A Szent István, Szent László és Kálmán korában törvények és zsinati határozatok forrásai. Bp., 1900 Bónis Gy. Szent István törvényei összesége. - Századok, 1938, Ns-10.
 4. Bónis Gy., m 1.a., 448-449.1., 451-452.1.
 5. György Gy., 1.a., 449.1.
 6. Závodszky L., 1.a. Appendix. Decr, Endislet, I, 10.
- Далее все ссылки на законы XI в. даются в тексте с указанием номера книги и статьи по указанному изданию Л.Заводски.
7. Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Bd. 1, Leipzig, 1906, B. 399.
 8. Bónis Gy., 1.a., 440-441.1.
 9. Brunner H. op. cit., B. 366.
 10. Ibid.

- II. Bolla I. U.s., 22.1.
12. Müller-Korten E. Karl der Große, Ludwig der Fröhliche und die Freien. Berlin, 1963, S. 143-144.
13. Boutreux R. Seigneurie et féodalité. Paris, 1969, p. 126-127.
14. Подробнее о положении этого слова см.: Шумарин В.П. Крестьянство в Венгрии.// В кн.: История крестьянства в Европе. - Т.1. - М., 1987. - С.376, 380-381; Ledener B. A feudalizmának kialakulása Magyarországon. Bp., 1959, 152-157.1.

Е.Ч.ЛОМІЗЕ

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ПАТРИАРХАТ И АВТОКЕФАЛЬНЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕРКВИ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XУ в.
(состолние проблемы)

Отношения Константинопольского патриархата с автокефальными православными церквями Балканского полуострова (Печским патриархатом и Охридской архиепископией) в первой половине XУ в. почти не изучены из-за острого недостатка источников. Вместе с тем, существует мнение, что с возрастанием бессилия правительственної внешней политики Византии церковная политика стала играть главным орудием упрочения ее имперских традиций в Восточной и Юго-Восточной Европе¹. Такое утверждение, основанное на данных XIУ в., для XУ в. остается голословным, что делает актуальной попытку дать хотя бы общую характеристику отношений Константинопольского патриархата с Печским патриархатом и Охридской архиепископией в этот период.

В каком состоянии были отношения Константинопольского патриархата с автокефальными православными церквями Балканского полуострова к началу XУ в.? В XIУ в. Константинопольский патриархат в основу этих отношенийставил принцип неравноправности. Патриархальное достоинство архиепископа Печи Константинополен не признавалось, как признавалось самовольно, а тыновский патриарх считался наследником титул

патриарха "по синесохдению", не сопричисленным остальными патриархами и подчиненным Константинопольскому престолу. Отношения с сербской церковью осложнились и тем, что Стефан Душан, завоевав ряд византийских земель, переподчинил тамошние митрополии пачскому патриарху. В результате пачский патриарх был отлучен со всей своей церковью, а император Тирновского патриархата было исключено из диптихов². Однако со второй половины XIV в. османская угроза заставила балканские государства искать путей к объединению своих сил, что отразилось и в церковных отношениях.

В этом плане представляет большой интерес проект вселенского собора в Константинополе для заключения унии православной и католической церквей, согласия на который добился в 1367 г. экс-император Иоанн Кантакузин у папского посла титулованного латинского патриарха Константинополя Павла. На соборе с православной стороны должны были быть с делегациями четыре Восточных патриарха, католикос Иверии, патриарх Тирновский, архиепископы Чешский и Охридский. От Западной церкви ожидались лишь представители папы³. Это соглашение часто трактуется как одно из достижений ориентированной на Запад политики Иоанна У⁴. Однако условия унии, выработанные на соборе такого состава, несомненно, были бы неприемлемы для Западной церкви и дело закончилось бы разрывом отношений с папой.

Такой исход событий предвидел, вероятно, не только Иоанн У, который, чтобы спасти свою политическую линию, сразу начал сепаратные переговоры с Римом⁵, а в 1369 г. поехал туда и подписал унию по католическому образцу⁶, но и сам автор проекта – Иоанн Кантакузин. Нас ли в себе его проект какую-либо альтернативную западнической программу? Прямого ответа на этот вопрос источники не дают. Однако есть основания полагать, что Иоанн Кантакузин, бравшийся в свое время за такие мероприятия как реформа провинциального управления в Византии⁷, упорядочение финансовой империи⁸ и возрождение византийского военного флота⁹, выдвигал в 1367 г. проект вселенского собора не только для того, чтобы досадить пособителям в борьбе за прес-

тол Иоанту У. Экс-император мог рассчитывать, что на соборе перед лицом латинян представители православных церквей преодолеют свои противоречия, а это было бы важным шагом к созданию на Балканах антитурецкой лиги православных государств. Противоречия между константинопольским и тырновским патриархами не исключали все же возможности прибытия последнего на вселенский собор. Отношения с Охридской архиепископией не были тогда иначем сумрачны, хотя обстояло дело с отлученным пачским патриархом, но и тут не все было безнадежно. В изменяющейся обстановке можно было ожидать, что наследники Стефана Душана будут содействовать преодолению церковного раскола, созданного их предком. Действительно, уже в 1368 г. деспот Иоанн Углеша, ища поддержки Византии в борьбе с турками, согласился вернуть константинопольскому патриарху отторгнутые у него ряда епархий¹⁰ и ликвидировал одиго из двух причин отлучения. Однако снято это отлучение было лишь в 1375 г., уже после того, как Иоанн У. подписал унию, сорвал подготовку собора в Константинополе¹¹.

Итак, к началу XIV в. в отношениях Константинопольского патриархата с автокефальными православными церквями Балканского полуострова утвердилась тенденция к сближению. Но поводы к разногласиям продолжали существовать. Такие поводы содержало соглашение 1375 г. с пачским патриархом и князем Лазарем, текст которого утрачен. Скорее всего, архиепископ Печи признался в нем патриархом с многочисленными оговорками¹² вреде тех, с которыми называлось в Константинополе патриархое постоянство Тырновского престола¹³.

Что касается Охридской архиепископии, то к началу XIV в. большая часть ее (в том числе и Охрида) оказалась завоевана турками. По-видимому, именно с этого времени "из-за следующих друг за другом внезапных восстаний народов"¹⁴ охридские архиепископы вопреки обычая перебоями являлись в столицу империи. Это обособление могло иметь значение для налаживания их отношений с османами, которые в то время склонны были видеть в привилегиях клира

завоеванных земель агентов враждебной Византии¹⁵.

Тирновский патриархат после падения Тирнова (1393 год) и пленения патриарха Ефимия был понижен в ранге до митрополии и подчинен Константинопольскому престолу¹⁶, что создало новые поводы к разногласиям между православными автокефальными церквями Балкан.

От первой половины XV в. до нас дошли свидетельства лишь о двух случаях официальных контактов Константинопольского патриархата с Охридской архиепископией: письмо патриарха константинопольского к охридскому архиепископу и ответные письма к патриарху и императору¹⁷. Изданый список лишен дат и имен. Но упомянутым в нем событиям переписка эта датируются 1411¹⁸ или 1416 гг.¹⁹. Из нее следует, что в 1410 или 1413 гг. архиепископ Охрида Матвей первый после долгого перерыва посетил Константинополь и занял приставания на видинскую и софискую митрополии, входившие прежде в Тирновский патриархат. Вернувшись, он рукоположил митрополитов в эти епархии. Вскоре патриархат попытался опровергнуть его действия. В ответ архиепископ Охрида настаивал на своей правоте и просил не осуждать его заочно. Богатый риторическими красотами греческий язык его посланий выдает высокую степень эллинизированности охридского клира. Казалось бы, эта епархия, включавшая на юге обширные районы исключительно греческой грамотности²⁰, должна была тяготеть к Византии. Однако данных о языке архиепископа Охрида в Константинополь для оправдания нет, и отсутствие на Илорентийском соборе видинского и софийского митрополитов подтверждает предположение о том, что они остались в подчинении Охрида. Скорее всего, в отношениях между Константинопольским патриархатом и Охридской архиепископией после этого инцидента наступил разрыв.

Официальные контакты между Константинопольским и Нескреми патриархатами в первой половине XV в. не зафиксированы. Благодаря диплома Старица о распространении греческой грамотности²¹ и переводе богословских сочинений с греческого языка на церковнославянский²² не позволяет

судить об отношениях византийской и сербской церквей. Как показывает пример Охридской архиепископии, почтение к греческой обрядованности ни к чему не обязывало в церковной политике. Бесплодна и попытка интерпретации дарений сербских деспотов монастыря Аюна²³. Вызантийское Эфорион-тийской унией исключение из афонских липтихов имен императора и патриарха не прекратило этих дарений, но связанных, следовательно, с проблемой отношений между Константинопольским и Печским патриархатами²⁴.

Сложилась ля на Балканах после того, как склонил турецкий патриарх конца XIV в., обстановка, подобная той, которая прежде способствовала их налаживанию, или ситуация позволяла вспомнить о разногласиях? Необходимость вести борьбу с турками, требовавшая сближения балканских государств в светской и церковной политике, была в первой половине XV в. не менее остра, чем во второй половине XIV в. И эта борьба снова вспыхнула, как только поражение Балгарии при Анкаре (1402 г.) дало ей шанс на успех, но распределение ролей в ней изменилось. В 1404 г., когда против турок поднялось восстание под предводительством Константина, сына царя Стефана, на Балканах сложилась антитурецкая коалиция, куда входили деспот Сербии Стефан, король Боснии Остоя и плашский воевода Мирча. Но ведущую роль в коалиции играл король католической Венгрии Сигизмунд, рассматривавший остальных ее членов как своих васалов²⁵. После поражений конца XIV в. силы балканских православных государств стали недостаточны для борьбы с турками и надежды на успех связывались теперь с католическим Западом. В церковной политике эта ситуация соответствовала выдвижению на первый план проблемы унии. И действительно, как только Константинопольский собор ликвидировал в 1416 г. раскол в Западной церкви, переговоры с Византией об унии стали приобретать все более конструктивный характер²⁶.

Весьма интересен тот факт, что в 1422 г. в ходе этих переговоров был выдвинут проект вселенского собора в Константинополе, по требованиям о представительстве ка-

нем близкий к проекту 1367 г.²⁷ Сходство состоит и в том, что этот проект тоже имел конечной целью разрыв отношений с папской курцией. Только так можно объяснить исключительный характер содержащихся в нем требований к папе. Мартину V предлагалось среди прочего оплатить транспортировку и содержание в Константинополе всех православных делавших, а также оборону города от турок с начала подготовки собора до его завершения. Притязания эти быстро завели отношения Византии с папской курцией в тупик. В 1423 г.

Сиенский собор, ознакомившись с адресованным ему хрисовулом Иоанна VIII, констатировал невозможность "плодотворно обсуждать с ним в настоящем времени" вопрос унии²⁸. Представители императора на соборе отсутствовали. Это было демонстрацией пренебрежения со стороны Иоанна VIII, тем более, что он сам в это время был в Италии²⁹. С 1426 г. контакты между папой и Константинополем прорвались до 1430 г.³⁰, причем в 1429 г. византийские войска захватили в Чорее приваленный папской курцией город Патры³¹.

Была ли теперь, как в 1367 г., альтернативой сближения с папской курцией программа налаживания отношений между церквями православного мира? События 20-х гг. XV в. не допускают такой интерпретации. Взамен отношений с Римом Иоанн VIII укрепил отношения с императором Сигизмундом. Именно для переговоров с ним поехал в 1423-24 гг. Иоанн VIII на Запад, игнорируя собор в Сиене, и именно Сигизмунд дипломатически морал поддержал в 1429 г. захват Византий Патры³². При этом разрыв отношений с папой не означал отказа Византии от политики, направленной на унию. Вопрос о ней обсуждался теперь с Сигизмундом³³, что было вполне естественно, ибо императорский титул делал Сигизмунда в глазах греков таким же неприменимым участником работы вселенского собора, как и сам папа.

Итак, в первой половине XV в. униатское направление в церковной политике Константинополя стало основным и не имело реальной альтернативы. Была, правда, еще попытка патриарха Иосафа противопоставить разрабатывавшемуся в 1430 г. соглашению с проведением вселенского собора в

Итаки проект проведенного собора в Константинополе³⁴, но дело не пошло дальше частных разговоров. Впоследствии патриарх Иосиф всегда держался в русле униатской политики, подхваченной императором. Но, утратив значение альтернативы сближению с латинской церковью, отношения Константинопольского патриархата с Печским патриархатом и Охридской архиепископией могли сохранять актуальность и в рамках переговоров об унии. Напоследок курия неоднократно проявляла свою заинтересованность максимальной представительности православной делегации на предстоящем соборе³⁵. При этом вопрос об участии в соборе делегаций Печского патриархата и Охридской архиепископии замалчивался в предшествовавшей ему переписке. Это заставляет думать, что между Константинопольским патриархатом с одной стороны, и Печским патриархатом и Охридской архиепископией – с другой не сложилось взаимонимания по вопросу об унии. Охридская архиепископия упоминалась в связи с унией лишь в проекте 1422 г., что не имело практического значения ввиду провокационного характера проекта. Но если негативное отношение к унии со стороны завоеванной турками Охридской архиепископии не вызывает недоумения, то с Печским патриархатом дело было сложнее.

Деспоти Сербии, находясь под давлением тех же обстоятельств, что и Византия, тоже искали помощи против турок на католическом Западе. Они использовали церковные отношения в интересах светской политики (см. выше о роли деспота Углеши в примирении сербской и византийской церквей). Однако источники свидетельствуют об отсутствии у деспотов Стефана и Георгия интереса к переговорам об унии. Правда, деспот Стефан в 1424 г. лично участвовал в переговорах между императорами Иоанном VIII и Сигизмундом³⁶, где обсуждался и вопрос об унии, но тогдашняго позиции по этому вопросу неизвестна. В дальнейшем в переговорах, связанных с унией, он участия не принимал. Деспот Георгий в 1436 г. отказался отправить делегацию на Флорентийский собор³⁷. Примечательно, что попытка привлечь Печский патриархат к участию в этом соборе была сделана лишь по ли-

ии советских властей. Патриарх Иосиф, отправлявший вместе с императором приглашения на собор, пачскому патриарху приглашения не послал³⁸. При этом нельзя сказать, чтобы перед Флорентийским собором отношения между византийской и сербской церквями были прямо враждебны. В 30-х гг. XIV в. делегация сербского духовенства обращалась в Константинополь за верными списками богословских сочинений³⁹, а в 1430 г. патриарх Иосиф считал возможным участие Печского патриарха во вселенском соборе в Константинополе⁴⁰.

Объяснить такую ситуацию можно лишь отсутствием среди сербского духовенства латиноязыческой группировки. Тогда деспоты Сербии не имели бы возможности применить к униатской политике Византии, а отношения между Константинопольским и Печским патриархатами были бы прохладными. Проверять это предположение можно разобраться в содержании церковно-полемических сочинений, переписанных в сербской редакции в XIV в. Руководствуясь "Инвентарем кирильских рукописей в Югославии"⁴¹ и "Предварительным списком славяно-русских книг XIV в., хранящихся в СССР"⁴², мы ознакомились с составом ученных там богословских сборников, достаточно подробно описанных в литературе. Были также просмотрены описания основных рукописных собраний Болгарии и описание славянских рукописей иностранных библиотек А.И.Янинского⁴³. В результате обнаружилось отсутствие в списках XIV в. пролатинских сочинений. В то же время ряд списков содержал сочинения против латинян⁴⁴, красноречиво соседствовавших с сочинениями против ересей, а порой и против мусульман и евреев. Грубая датировка рукописей в пределах XIV в. не создает в данном случае сложностей ввиду полного отсутствия литературы противоположного направления; о смене тенденций говорить не приходится. Объяснение антилатинских настроений сербского духовенства раздрожением населения на коммерческую конкуренцию со стороны латинян⁴⁵ не исчерпывает своеобразия ситуации. С этой конкуренцией сталкивались и жители Константинополя, что не мешало существованию там партии латиноязыческого. По-видимому, во владениях деспотов Сербии сло-

жилась шила чем в Византии система отношений между церковью и государством, иные степени готовности примешивать к светской политике церковную.

Так или иначе, Флорентийская уния оказалась заключена без участия Печского патриархата. Факт этот и в Византии, и в католическом мире прошел как бы незамеченным, что может объясняться ситуацией в Константинополе представлениями об условном характере независимости этой церкви. О них свидетельствует, например, одно место из речи Иоанна Уш в синоде (1435 г.): "ибоем и мы близких нам (по вере) в западных краях и восточных, как то: народы Трапезунда, Иверии,... Клаулов, Ресов, Сербов,..., з еци патриархов и тех, что при них"⁴⁶. Здесь сербы, т.е. пасты патриарха печского, в титул которого входили слова "всех Сербии"⁴⁷, названы в одном ряду с росами и вахами, подчиненными константинопольскому престолу, и противопоставлены тем, кто подчинялся другим патриархам. В таком же порядке перечислены православные народы и патриарх Иосиф, оценивая возможность проведения собора на их средства⁴⁸. Но, считаясь лишь условно независимыми, печский патриарх мог считаться представленшим на Флорентийском соборе через вселенского патриарха. Такие взгляды не были чужды и папской курии. Так, в 1453 г. папа Николай V провозгласил присоединение Сербии к Флорентийской унии⁴⁹, не оформляя этого особым актом, как при принятии уним армянской, сирийской и коптской церквями⁵⁰.

После Флорентийской унии отношения между византийской и сербской церквями оставались холодными и в 1449–55 годах печский патриарх Никодим не остановился перед тем, чтобы рукоположить митрополитом Молдавии Феоктиста на место поставленного туда Константинополем и погибшего пастыря унита Иоакима⁵¹. При этом в светской политике сербо-византийские отношения складывались тогда благополучно. Деспот Георгий женил своего сына Лазаря на пламянице Иоанна Уш Елене (1446 г.)⁵² и дал средства на ремонт обороны Константинополя⁵³. Ю.Трифонов считает, что это сближение с императором-униатом вызвало разрыв между дес-

потом и пачким патриархом⁵⁴. В доказательство он, но ссылаясь на источники, утверждал, что сербское духовенство отказалось венчать Лазари с Еленой и обряд совершил приходящий с невестой Георгий Филантропинос. Подтверждений этому мы нигде не нашли. У нас нет данных об осуждении духовенством despотов за контакты с униатской Византией или католическим Западом. Антилатинские настроения не исключали даже сочувствия победам католического оружия над османами, о чем говорит одна надпись на полях Мэнса: "Господи и владыко помози Аткоулу а суди Боже Тоурке. Боже помози Кралоу Владиславоу"⁵⁵.

Итак, проделанная работа показала, что в XV в. основным направлением в политике Константинопольского патриархата стало униатское, а отношения с Печским патриархатом и Схирцкой архиепископией сохранили значение лишь в рамках этого направления. Отсутствие следений о них вызвано не столько состоянием источников, сколько самим характером этих отношений. В первой половине XV в. Константинопольский патриархат фактически находился на Балканах в изоляции и не мог служить орудием византийской политики в этом регионе.

1. Прохоров Г.М. Исказы и общественная мысль в Восточной Европе // Труды Отдела древнерусской литературы. - 1968. - Т.23. - С.108; Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. London, 1974. P.242.
2. Acta et diplomata graeco mediis sevi sacra et profane/ F. Miklosich, J. Müller.. Vindobonae. 1850. Т. 1. Р. 437, 553, 562.
3. Acta et diplomata... Т.1. Р. 491-493; Meyendorff J. Projet de concile oecumenique en 1367//Dumbarton Oaks Papers. 1960. Т.14. Р.149-177.
4. Holecky O. Un empereur de Byzance à Rome. Varsovie, 1930. Р.150. Максимовић Ј. Политичка улога Јована Кантакузина после абдикације // Зборник радова Византинолошког института. - 1966. - Т.19. - С.170.

5. Acta Urbani V/A.L. Tautu. Roma, 1964. F.213.
6. Malecky O. Op. cit. F. 188-212.
7. Zakythinos D. Le despote grec de Moree. London, 1975. T. 2. F. 71-90.
8. Zakythinos D. Crise monétaire et crise économique à Byzance de XIII à XV siècles. Athènes, 1948. F. 93.
9. Nicol D.M. The last centuries of Byzantium. New-York, 1972. I. 244.
10. Acta et diplomata... T.1. I. 560-564.
11. Darrouzes J. Les regestes des actes du Patriarchat de Constantinople. Paris, 1979. V. 1. Fasc. 5. № 2663.
12. Laurent V. L'archevêche de Niš et le titre de patriarche après l'union de 1375//Bulgarie. 1944. T. 7. F. 303-311.
13. Acta et diplomata... T.1. F.457.
14. Баласчев Г. Кореспонденция между цариградския патриарх и охридская архиепископ от XIV в. //Иницио. - 1969. - Т.1. - Кн.1. - С.9.
15. Vryonis S. Decisions of the Patriarchal Synod in Constantinople as a source for Ottoman religious policy in the Balkans prior to 1402 //Зборник радова Византинолошког института. - 1980. - Т.19. - С.283-297.
16. Трифонов Ю. Унищожаването на търновската патриаршия и заместването ѝ с автономно митрополитство-архиепископство //Сборник на народни умотворения. - Кн.22. - 1906-1907. - С.1-22.
17. Баласчев Г. Ук.соч. Т.1. - Кн.1. - С.6-II. - Кн.2. - С.123-125.
18. Там же. Кн.2. С.127-130.
19. Трифонов Ю. Унищожаването... С.4-6.
20. Снагаров И. История на охридската архиепископия-патриаршия от паденето и под Турите до нейното унищожение (1394-1767). София, 1931. - С.7.

21. Стојановић Ј. Стари српски родослови и летописи. - Београд. - Ср. Карловци, 1927. - С.55.
22. Спространов Е. Опис на ръкописите в библиотека при Рилски манастир. София, 1902. - С.56; Стојановић Ј. Стари српски записи и патписи. Београд, 1902. - Т.1. - С.75, 76, 86; Яшвирский А.И. Описание юнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Пг., С.91, 559.
23. Акты русского на Св. Афоне монастыря Св. великомученика и целителя Пантелеимона. Клев. - 1873. - С.407-410; Амасиановий Д.Н. Српски архив Лавре Атонско // Споменик Српске Краљевске Академије. Кн.55, 1922. - С.II-17; Соловьев А., Морин В. Грчко поведе српских владара. Београд. - 1936. - С.298, 305; Actes d' Epanomiou/W. Hegel //Византийский врамонник. - Т.12. - Приложение. - 1906. - С.44-45; Actes de Chilandare. Actes slaves/B. Kostolac //Византийский врамонник. - Т.19. - Приложение. - 1915. - С.554; Actes Serbes de Vatopedi/M. Lescot//Byzantino-slavica. 1936. Т.6. К. 180-184; Monumenta serbica spectantia historiam Serbiæ, Boænae, Regum/Р.Миклошић. Vindobonae, 1850. К. 331, 363, 457, 468.
24. Послание прота и пинков великой Афонской горы к Великому князю московскому Василию о правоверии Восточной церкви и супрудии Западной по случаю Флорентийского собора //Летопись занятой археографической комиссии. Вып.3. - 1865. - С.29.
25. Петров П. Въстанието на Константин и Фрухий //Известия на института за история при Българской Академии. 1960. - Т.9. - С.189, 210.
26. Gill J. The Council of Florence. Cambridge, 1959. P.23-30.
27. Laurent V. Les préliminaires du concile de Florence. Les neuf articles du pape Martin V et la réponse inédite du patriarche de Constantinople//Revue des Etudes Byzantines. 1952. Т.20. F.17.

28. Brandmüller W. Das Konzil von Siena-Siena. 1423-1424. Münster Westfalen, 1974, B.2. B. 24.
29. Gill J. Op. cit. I.38.
30. Ibid. I.39.
31. Zakythinos D. Le despote... T.1. P. 207-208.
32. Ibid. I.220.
33. Sylvestre Syropoulos. Les "Mémoires" de Sylvestre Syropoulos, grand ecclésiastique de l'église de Constantinople sur le Concile de Florence/V.Laurent.Paris,1971.I.150; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Osterromischen Reiches von 565 bis zu 1453. München, 1963. B.5. B.114.
34. Sylvestre Syropoulos. Op. cit. I.120-121
35. Epistolas pontificiae ad concilium Florentinum spectantes/G.Hofmann. homa, 1940. T. 1. I. 50, 20, 36-37.
36. Калин Ј. Деспот Стејан Лазаревић и Турци (1421-1427) //Историјски часопис. - 1983. - Т.29-30. - С.13.
37. Sylvestre Syropoulos. Op. cit. P.164,598.
38. Ibid. F. 162-164.
39. Стојановић Љ. Стари српски записци и надписи... Т.1. - С.86.
40. Sylvestre Syropoulos. Op. cit. I. 120-122.
41. Богдановић Д. Инвентар Ћирилских рукописа у Југославији XII-XIII вв. Београд, 1982.
42. Турилов А. и др. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XIV в., хранящихся в СССР. - М., 1986.
43. Нацимирский А.И. Указ.соч.
44. Богдановић Д. Указ.соч. - С.41; Горский А.В., Неструев К.И. Описание славянских рукописей московской епархиальной библиотеки. - М., 1859. Отд.2. - Т.2. - С.471-476; Боровик В. Прилози за наше старе шињевност и хисторију //Зборник за историју Јужних србов и суседних области. - 1936. - Т.1. - С.88, II8-II9; Кошан В. Ћирилски рукописи монастира Св. Тројице код Шварца //Историјски записци. - 1958. - Т.14.

- C.253; Мочульский В.И. Описание рукописей. В.И.Григоровича. - Одесса. - 1890. - С.21-29; Петкович С. Опис рукописа монастыря Крумодола. Ср.Карловци, 1914. - С.170-181; Стојановић Ј. Каталог Народне библиотеке у Београду. - Београд. 1982. - Т.4. - С.181-185; Стојановић Ј. Каталог рукописа и старих штампаних књига. Београд. 1901. - С.186-187; Јакимовски А.И. Указ.соч. - С.439-440; Mošin V. Cirilski rukopisi Jugoslovenske akademije. Zagreb, 1955. Т. 1. С. 65-66.
45. Dujčev J. Propaganda anticattolica a Novo Brdo (Serbia) nel secolo XV//Ricerche slavistiche. 1970. Т. 17-19. I. 181-182.
46. Sylventre Syropoulos. Op. cit. P. 190.
47. Barronnes J. Ekthesis καν. Manuel des pittakion du XIV siècle//Revue des Etudes Byzantines. 1969. Т.2/. P.40.
48. Sylventre Syropoulos. Op. cit. I. 120-122.
49. Epistole pontificine... Т.1. Р.144.
50. Ibid. Т.3. I. 45-65, 96-97.
51. Leakeriu M. Joschim métropolite de Moldavie et les relations de l'église Moldave avec le Patriarche de Ied et l'archeveché d'Achrid au XV siècle//Bulletin de la section historique de l'Academie Roumain. 1927. Т. 13. I. 130-131.
52. Georgios Sphrantzes. Memori (1401-1477).//V.Grecu. Bucuresti, 1966. I.70; Leonici Chalcocondylae Historiarum demonstrationes/Z.Darko. Budapest, 1927. Т.2. I.112.
53. Новаковић С. Деспот Ђурађ Бранковић и оправка цариградског грама 1448 г. //Глас Српске Краљевске Академије. 1890. - Кн.22. - С.1-12.
54. Трифонов Љ. Съединението на Истококата патриаршия с Охридската архиепископия в XIV в. //Списание на Българската Академия на науките. - Кн.3. - 1912. - С.28-34.
55. Mošin V. Cirilski rukopisi... Т.1. С.201.

С.Г.ЯКОВЕНКО

К ВОПРОСУ О МИССИОНЕРСКОЙ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ВОСТОЧНО-
СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЛЯХ РЕЧИ ПОСПОЛITOЙ
/вторая половина XVI в./

Во второй половине XVI в. католическая церковь предприняла ряд мер, которые были направлены на реорганизацию различных сторон ее деятельности, внутренней структуры, на соревнование с реформационным движением, явился новым этапом в ее истории и получили название эпохи Контрреформации или католической реформы¹.

К числу важных мер, имевших целью реорганизовать различные стороны церковной жизни, относится активная деятельность по организации сети учебных заведений для духовенства и мирян. Потребность в образованных людях диктовалась социальными запросами времени. В то же время здесь имел место и важный "идеологический" момент. Появление целой сети учебных заведений, организованных протестантами, потребовало от католической церкви обратить серьезное внимание на эту сторону своей деятельности². В нее активно включились и мазути. Первого декабря 1551 г. И.Лодолья обратился к членам ордена с письмом, в котором призывал организовывать коллегии на территории всей Европы. С 1548 г. (когда была открыта коллегия в Мессине) до 1556 г. (год смерти И.Лодольи) мазути основали в Европе 33 учебных заведения для обучения светских лиц, а для открытия шести других было дано одобрение³. В своих книгах один из биографов И.Лодольи - Н.Рибаденейра - подробно останавливается на этой стороне деятельности своих собратьев. Он обращает внимание на то, что еще Ориген (Ш.в.) содержал в Александрии школу для мальчиков. Климент Александрийский, Иероним, Иоанн Хрисостом также занимались вопросами обучения. Школы содержали и монахи - василиано, бонедиктинцы. Таким образом, существовала длительная традиция обучения в школах при монастырях. В то же время, как пи-

шет П. Рибаденейра, обучение в них велось либо льдами, не принадлежащими к монашескому званию, либо они существовали для того, чтобы подготовить мальчиков для монашеской жизни. Иезуиты, безусловно, были новаторами, поскольку они превратили школьное дело в большую и обычную часть своей деятельности⁴.

Педагогическая деятельность иезуитов, включая в качестве важного момента организацию учебных заведений для светских лиц, воспитание молодежи, не ограничивалась этим. Она подкреплялась системой воспитания, образования в самом ордене, с одной стороны (подготовка опытных проповедников, polemистов, преподавателей и т. п.), с другой стороны, иезуиты приняли активное участие в создании учебных заведений для подготовки католического духовенства и миссионеров, в том числе, на православном Востоке.

В цепи мер, предпринятых папством, важное значение имели решения, принятые на XIII сессии Тридентского собора 14 марта 1563 г., которая стала его поворотным пунктом. В декрете, принятом на этой сессии, предписывалась организация в диоцезах семинарий для подготовки клира⁵.

Как и в других областях реализации контрреформационной программы, центром этих мер явилась папская столица. В 70-х гг. XVI в. в Риме было организовано несколько коллегий (Германская коллегия - восстановлена с осени 1573 г., Венгерская коллегия - 1578 г., 13 апреля 1580 г. Германская и Венгерская коллегии были объединены, Английская коллегия - 1579 г.)⁶. Организованные в Риме коллегии должны были сыграть в решении этого вопроса свою роль: им предстояло готовить священников, проповедников, миссионеров для разных стран.

Для нас наибольший интерес представляет Греческая коллегия. В 1575 г. иезуиты предложили организовать ее для интелей Восточного Средиземноморья, а 13 января 1577 года была издана булла Григория XIII о ее основании. В этой коллегии должны были сблизиться не только духовные, но и светские лица, через посредство которых надеялись способствовать воссоединению "схизматиков-греков". Григорий XIII

определен для коллегии ежегодную сумму в 1200 золотых скудак и пятнадцатилетние доходы с епископства Кириако на Крито. При коллегии имелась церковь св. Афанаасия, согласование в которой велось по православному обряду. Несмотря на то, что большинство воспитанников коллегии были выходцами из венецианских владений в Леванте, здесь обучались также юноши из восточно-славянских земель Речи Посполитой, Греции, Ионии, Московии. Такой состав учеников был неслучайен. Он отражал масштабные планы папства относительно всего "схизматического" Востока. Григорий XIII надеялся, что эта коллегия внесет свой вклад в сохранение связей с христианами-католиками и обращение в лоно католической церкви греков-схизматиков на Востоке, в Польше и в России. В поддержку этих планов он приказал отпечатать 1200 катехизсов⁷.

На протяжении второй половины XVI – первой половины XVII вв. на территории Речи Посполитой возникла целая сеть учебных заведений, основанных иезуитами. Первая иезуитская коллегия на польских землях была организована в г. Браунсберге (Бранево) Вармийской дюцезии. Это место было выбрано не случайно – епископство подчинилось непосредственно папе, а не гнезненскому архиепископу. Во главе его стоял кардинал Ст. Гозий – ревностный поборник католической церкви, активный деятель Контрреформации, принимавший участие в заседаниях Тридентского собора⁸. Несмотря на трудности, иезуиты довольно быстро укрепили здесь свои позиции. При коллегии они основали школу, а затем конвикт. Влияние школы распространялось далеко за пределы Вармии и Пруссии. Сюда приезжали на учебу из Йодуди, Вильенщина, а также из районов Минска, Полоцка и Битебска⁹. 25 ноября 1567 г. по инициативе кардинала Гозия в Браунсберге была открыта духовная семинария – первое в Польше учреждение для обучения будущих священников. При поддержке Григория XIII и А. Поссеевино в 1578 г. здесь был основан папский альманах для подготовки миссионеров в протестантские страны Северной Европы. Однако сюда стали присыпывать не только представители Севара, но и молодёжь с Востока. Особенно

охотно присыпали своих вспомогательников вассалам. Первая их группа прибыла сюда в 1609-1611 гг.¹⁰ Кроме того в 1579 г. в Браунсберге была открыта типография¹¹.

Уже в октябре 1565 г. король Сигизмунд Август дал разрешение на основание иезуитской коллегии в г. Пултуске. При этом он обещал ордену от себя и от своих преемников помочь и покровительство на территории всего государства¹².

В целях борьбы с протестантизмом виленский епископ Валериан Протасович пригласил иезуитов в Вильню. Они прибыли сюда в мае 1570 г.¹³. Или навстречу пожеланиям иезуитов, король Стефан Баторий поддержал их стремление поднять виленскую коллегию до уровня академии. Во Львове 7 июля 1578 г. был дан его привилей, подтвержденный 1 апреля 1579 г., согласно которому Виленская коллегия получала право давать ученические степени по философии, свободным искусствам и теологии. Григорий XIII утвердил новую академию буллой от 29 октября 1579 г., а в 1585 г. она была признана на Варшавском съезде, утверждившем за нее права и привилегии Краковского университета¹⁴. Влияние академии быстро росло - в 1586 г. число ее студентов достигло около 700 человек, а в конце 90-х гг. их было уже около 800¹⁵.

При Стефане Батории иезуитские коллегии были основаны также в Полоцке (1582 г.), Риге (1582 г.), Несвиже (1584 г.), а период правления Сигизмунда III (1587-1632 гг.) стал прямым-таки "золотым веком" иезуитов в Речи Посполитой. Из года в год основывались новые коллегии - в Луцке (1606 г.), Львове (1608 г.), Орле (1612 г.), Каменце-Подольском (1614 г.), Перемышле (1617 г.), Бастове (1622 г.), Бресте (1623 г.), Остроге (1624 г.) и в некоторых других местах. В каждой коллегии находилось от 15 до 75 иезуитов. Они имели в Польше также 22 резиденции и в каждой из них - от 4 до 15 монахов. Функционировало около 60 классов, в которые входило от 2 до 5 иезуитов¹⁶. Педагогическая деятельность в коллегиях сочеталась с активным миссионерством¹⁷.

Влияние иезуитов на различные стороны религиозной

хизиси, на католическое духовенство Речи Посполитой проявилось не только в организации учебных заведений. Благодаря им клир получил большое количество различных книг - катехизисов, сборников проповедей, пособий по теологии. Иезуиты способствовали развитию духа аскетизма среди духовенства и монашества¹⁸. Уже в 1565 г. в Кракове был напечатан катехизис иезуита П.Канизия¹⁹, который в 1570 г. переведен на польский язык Я.Вуек²⁰. В речи Посполитой получили распространение также катехизис, написанный одним из крупнейших идеологов Контрреформации Р.Беллармином. Итальянский оригинал вышел в 1598 г., в начале XVII в. он был переведен на польский, а в 1633 г. - на русский язык²¹.

В XVI в. иезуиты, действовавшие на территории Речи Посполитой, издали 344 названия. Из них 126 приходится на теологически-полемические сочинения, 14 - на философские, 27 - на катехитические, 33 - на проповеднические, 43 - на аскетические, 8 - на различные издания Библии, 7 - на агиографические. 286 названий были изданы в самой Польше, остальные - за ее пределами, чаще всего в Кальве. Наиболее плодовитыми авторами были Я.Вуек, А.Поссевиню, П.Скарга, П.Канизий, А.Фаунт, Ч.Латерна, М.Смиглецкий, С.Гродзицкий и З.Вега. Позднее, главным образом в XVII в., когда у иезуитов появилось около 20 собственных типографий, их издательская продукция еще более увеличилась²².

Таким образом, орден иезуитов, явившись монашеской организацией нового типа, стал одним из самых активных факторов осуществления католической реформы и контрреформационной программы папства не только в Западной Европе, но и в Речи Посполитой, на ее восточно-славянских землях.

В рамках контрреформационной программы немаловажное внимание уделялось вопросам церковного объединения с православной церковью в пределах Русского государства и на территории Речи Посполитой. Идея церковного союза особенно активно зазвучала в 70-е гг. XVI в. В ее теоретическом обосновании и практическом осуществлении активное участие приняли члены Общества Иисуса - П.Скарга и А.Пос-

септино.

Но П.Скарга и А.Поссовинио, высканявшиеся за объединение с православной церковью в пределах Речи Посполитой, пришли к этому выводу разными путями и по разному расставляли акценты в своих проектах. П.Скарга подходил к этому вопросу, исходя прежде всего из местных условий. Считая католическую церковь гарантом единства и политической стабильности Речи Посполитой, он выступал и боролся за религиозное объединение на ее основе. Сюжет его интересов, главным полем его деятельности была прежде всего Речь Посполитая.

Для А.Поссовинио вопрос стоял иначе. Церковная унион с Русским государством была его первой и главной задачей, а объединение церквей в пределах Речи Посполитой – предпосылкой для ее реализации. Вместо с тем центр тяжести в решении этого вопроса постепенно переносился в Речь Посполитую. В Риме тоже уже начали сознавать, что объединение с Итапом II дело весьма сложное и проблематичное. Очевидно, П.Скаргу и можно отнести к числу тех, кто в первую очередь повлиял на формирование у А.Поссовинио мнения о необходимости перенести главное внимание на восточно-славянские земли Речи Посполитой.

Какими же средствами предполагалось достичнуть церковного объединения? Важное место отводилось различным видам миссионерской, проповеднической, полемической деятельности. В ряду этих мер особое внимание привлекает организация широкой сети учебных заведений. В их создании активно включились и А.Поссовинио и П.Скарга. Наибольшее внимание исследователей привлекала московская миссия А.Поссовинио, политические аспекты его деятельности. В то же время с его именем связано оживление унионистской деятельности в Речи Посполитой и организация Коллегий для подготовки миссионеров среди православного населения.²³

Вскоре после основания Греческой коллегии нунцию в Польше В.Лаурео было поручено подискать иношес – пять или шесть православных русинов и столько же московитов в

возрасте от 12 до 18 лет - для обучения в ней с тем, чтобы они, получив образование, возвратились на родину для " пользы и просвещения этих народов"²⁴. В апреле 1578 г. пунций сообщал в Рим, что прилагает все возможные усилия для поисков этих юношей: обращался за помощью к гнезненскому архиепископу А.Уханьскому, виленскому епископу В.Протасевичу²⁵ и ко многим другим светским и духовным лицам. Вскоре пунций охоть касается этого вопроса. Мальхир Гедрайц - епископ Самогитии - нашел двух православных литовцев (Lithuanian Rutenians) - одного 17-ти и другого 12-ти лет. С рекомендательными письмами от епископа они прибыли к пунцию и тот при первой возможности собирался отправить их в Рим. Епископ прислал также юному московиту 13-ти лет, который был взят в плен в Ливонии. Его собирались отправить в Рим в качестве прислуги для двух других юношей. 12 июля пунций сообщал кардиналу Комо, что в сопровождении А.Поссевинио он отправляет их в Рим, и, хотя московит не умеет ни писать, ни читать, он способный и можно надеяться, что через несколько лет сможет принести пользу Святому престолу в проповеди среди московитов²⁶.

Впоследствии, излагая развернутый план распространения католичества на Востоке Европы, А.Поссевинио писал, что для этого необходимо основание семинарий. В них ученики "впитают основательную долю образования и некоторые избранные могут быть позже посланы в Рим, тем более, что не нужны будут труды и расходы, чтобы послать туда всех тех, которым, прежде, чем изучать латинский и греческий языки, нужно будет изучить итальянский. На это уходит много времени, о чем свидетельствует история с неким молодым московитом"²⁷. Этот "молодой московит" - именно тот юноша, которого А.Поссевинио привез из Польши в 1578 году²⁸.

Планы А.Поссевинио об обучении московитов, организации для них семинарий были связаны с его общими взглядами относительно способов осуществления церковной унии. В 1581 г., находясь в Москве, он предложил Ивану IV пос-

лать в Риме молодых людей, которые бы умели читать и писать по-русски для обучения в Греческой коллегии, где их станут учить "греческой" веро вместе с приглашенными из Греции. Фактически царь отказал ему, отложив дело в неопределенное будущее²⁹.

Соприкосновение с реальной ситуацией, более детальное знакомство с положением дел, ощущение сложности осуществления измененного плана церковной унии привели А.Поссевино к мысли о необходимости действовать иными путями. Он предлагает отправлять московитов в папские семинарии в Оломоуц, Прагу, "где", благодаря родству тамошнего языка с русским, они гораздо легче могли бы усвоить в достаточной степени науки³⁰. Он предлагает также основать специально семинарию для обучения православных Речи Посполитой в Вильно или Полоцке. В ней могли бы, по его мнению, обучаться и московиты, захваченные в плен во время Ливонской войны. Через воспитанников этих семинарий можно было бы распространять среди их соотечественников книги и письма, рассыпать их для ведения миссионерской работы, а на их место набирать других³¹.

Честом для организации коллегии был избран Вильно. 6 февраля 1582 г. была издана булла Григория XIII о ее основании, а уже 1 октября папский А.Болоньетти писал из Варшавы, что получил известие со отправлением ему 500 скучд, которые он собирался передать провинциальному ордону иезуитов П.Кампашо. Он сообщал также о том, что имел долгую беседу с королем как по поводу коллегии в Вильно, так и по поводу других коллегий в Ливонии и Польше, и тот выражал готовность оказать поддержку³². Речь шла о создании на территории Речи Посполитой нескольких новых коллегий Общества Иисуса³³. Од этом же беседовал с королем и П.Кампашо³⁴. С.Баторий говорил папскому легату о том, что иезуитские коллегии являются важным средством в борьбе против "врагов истинной веры" и выразил папе благодарность за его заботу и помощь, которую он оказывает католической церкви в его государстве³⁵. Король сообщил папскому легату о своем давнем желании открыть иезуитские коллегии в Кракове и

Львове и просил его вновь (поскольку об этом он уже говорил с предшественником А.Болоньетти А.Калигари) написать об этом папе³⁶. Симпатии С.Батория по отношению к иезуитам не были лишь эпизодом, но являлись выражением продуманной устойчивой линии. В янве 1579 г. А.Калигари сообщал в Рим о желании короля основать иезуитские коллегии во всех частях своего королевства для воспитания и обучение молодежи³⁷. К этому посланию А.Калигари был приложен мемориал, составленный совместно с Баторием³⁸. Примечательно, что в разговоре с Болоньетти и С.Батория о иезуитских коллегиях речь шла и о папской семинарии, в которую последний считал необходимым принимать "и московитов, и русинов, и литовцев"³⁹.

Таким образом, в результате активизации папской политики на Востоке Европы возникла сеть учебных заведений, связанных друг с другом. Какой была их роль в реализации политических, религиозных планов папства, оправдали ли воспитанники этих семинарий возлагавшиеся на них надежды, сказать трудно. Или это лишь факт внимания апостольской столицы к созданию кадров проповедников и миссионеров среди православного населения.

Идея А.Поссевино об отправлении московитов в Прагу или Оломоуц, высказанная им в книге о Московии, не была новостью. Учеников-русинов для папских семинарий искали и раньше. А.Поссевино хорошо знал об этом и сам принимал участие в поисках подходящих кандидатов. Интересные дополнительные сведения о планах курии в деле организации коллегий и воспитания в них в том числе и православных проповедников и миссионеров содержатся в письме П.Скарги, отправленном А.Поссевино 10 июня 1579 г. В нем П.Скарга писал, что побывал у княгини Слуцкой и призывал ее от имени папы отправить своих сыновей обучаться либо в одну из папских коллегий, либо в Италию. Если же в ее владениях есть сыновья "схизматиков - московитов и русинов или даже татар", пусть она определит их в Браунсбергскую коллегию⁴⁰.

В 1585 г. в каталоге воспитанников браунсбергской

семинарии А.Поссевино перечисляет трех "московитов"⁴¹. Он предназначал их для школ в Дерпте и Полоцке. Семинария в Браунсберге сыграла также определенную роль в создании вильянской семинарии - между ними происходил обмен учениками⁴².

Итак, семинария в Вильне должна была стать одним из важных звеньев в реализации контрреформационной программы папства⁴³ и унионистских планов относительно Московии и "православной Руси". Однако, несмотря на большую активность А.Поссевино, поддержку польского короля и папского престола, окончательно она была организована лишь 10 июля 1585 г.⁴⁴.

В 1602 г. вице-прокурор ордена иезуитов в Польше провел визитацию семинарии и составил об этом подробный отчет, в котором приводит список ее воспитанников с 1585 по 1601 г. Из 197 имен он упоминает лишь одного ".осковита" и 15 "русинон", в целом же состав учеников был чрезвычайно пострижен по своему этническому составу⁴⁵.

Таким образом, несмотря на развитие семинарии, задачу, поставленную перед ней, - "открыть ворота в Московию" - она фактически не выполнила⁴⁶ и план по организации семинарии для "русинон" был реализован лишь при Иосифе Вельмиже Рутском⁴⁷.

К этому необходимо добавить, что А.Поссевино разработал подробный план издательской деятельности с целью пропаганды идей унии⁴⁸. Он рассматривал эту деятельность среди православных как одно из звеньев в общей цепи мер, направленных на укрепление позиций католической церкви в Европе. Он считал, что было бы крайне важно организовать в Кракове или в каком-либо ином подобном месте типографию для печатания книг на немецком языке - для Пруссии, Литве, Трансильвании; на шведском - для Швеции; на венгерском - для Венгрии и Трансильвании; и, наконец, на русском - для Руси и Московии, не говоря уже о книгах на греческом и латинском языках⁴⁹.

Важная роль в планах церковного объединения отводилась миссионерской деятельности. В то же время, было бы

неверно утверждать, что с самого начала ее целью была пропаганда идей уния. Скорее миссионерская деятельность рассматривалась как средство приобщения к "истинной вере", "истинной церкви" еретиков и схизматиков. В контексте флорентийской традиции уния на восточно-славянских землях Речи Посполитой должна было означать признание главенства римского папы, принятие католической догматики при сохранении православной обрядности. В таком случае актальное стремление обратить в католичество массу православного населения можно рассматривать как продолжение "некоординированности" унионистских планов. Это говорит также о том, что контрреформационная программа была шире программы унионистской.

Хорошее представление о характере миссионерской деятельности иезуитов дают их отчеты провинциальному польской провинции П.Климано⁵⁰. Один из иезуитов Деритской коллегии сообщал о миссии, которую он совершил с неким отцом Валентином в соседние со шведскими и московскими границами крепости⁵¹. Он писал, что всего лишь за неделю они крестили более 300 человек⁵². Автор отчета писал, что их деятельность значительно затруднило изучение местного языка. Поэтому для более успешной миссионерской деятельности необходимо было бы основать семинарии для эстонцев и московитов⁵³. Он считал, также, что было бы чрезвычайно важно получить у московского князя право свободно действовать и проповедовать в пределах Московии. На касающиеся вопросов религии и говоря в проповедях только об искуплении пороков, можно было бы, по всей вероятности, привлечь московитов на свою сторону⁵⁴. Отчеты заинтересовали А.Поссеевно, который писал в ноябре 1583 г. кардиналу Кому, что успехи иезуитских миссионеров в Ливонии можно сравнять с тем, что происходит в Индии⁵⁵.

Большой интерес представляет также описание миссии Мартина Латерна в Дрогобыч, которое содержится в "Дневнике" Яна Велевицкого. Последний был спутником Латерна и рассказывает об этом как очевидец. Велевицкий пишет, что М.Латерна отправил в свой родной город Дрогобыч по

попеланию проповедника П. Кампию. Здесь он в течение почти 10 недель без устали занимался исповедью и проповедями, с утра до вечера сидел в конфесионале, пока не исповедал всех католиков города и не отпустил им грехи⁵⁶.

Отношение римской курии к вопросу о переходе в католичество было отчетливо сформулировано лишь в 1624 г. 17 февраля этого года нунцио в Польше сообщалось, что 7 февраля на заседании Конгрегации пропаганды веры был принят декрет, запрещающий переход в латинский обряд без специального разрешения апостольского престола⁵⁷. В письме нунцию подчеркивалось, что папа не стремится уничтожить греческий обряд, его целью является лишь то, чтобы православная церковь объединилась с католической на основе решения Флорентийского собора⁵⁸.

В связи с этим привлекают внимание многочисленные упоминания об обращении в католичество протестантов и православных, которые встречаются, например, в источниках 70-80-х гг. XVI в. Заметим, что не всегда есть возможность определить социальную принадлежность "обращенного". И все же можно сказать, что наибольшее внимание уделялось пропаганде католичества среди представителей господствующего сословия - магнатства и шляхты. Примеры крупнейших православных магнатов - Слуцких, Острожских - уже стали хрестоматийными. Так, в марте 1583 г. А. Болоньетти писал в Рим кардиналу Комо о своей беседе с секретарем сына Константина Острожского - Христофором Казимирским. Поездки сообщил нунцию о желании старого князя открыть в Остроге коллегию и о том, что ему необходимы для нее учителя - воспитанники Греческой коллегии. Нунций считал это очаровательной возможностью для распространения в его владениях католического влияния⁵⁹.

Обращение в католичество не ограничивалось лишь представителями знати, но и затрагивало более широкие слои населения. Так, например, в августе 1580 г. Л. Калигарди сообщал кардиналу Комо, что виленские бернардинцы приподали ему список "обращенных" - всего 55 человек, среди них главным образом православные, но много также и

еретиков⁶⁰, "своему донесению он приложил этот список, пред назначенний для папы Григория XIII⁶¹. "Бретики" и "схизматики" упоминаются в одном списке и речь идет об обращении как тех, как и других в католицизм⁶². Подобный список "обращенных" с декабря 1579 г. по июнь 1580 г. А.Колигари получил от виленского бернардина Киприана⁶³.

В этом направлении активно действовали и иезуиты. К донесению от 14 июля 1579 г. нунций прилагает письмо П.Скарги (в то время ректора виленской иезуитской коллегии), в котором тот сообщает, что во время великого поста (*in quadragesima*) в Вильно были обращены в католицизм около 82 "бретиков" и около 40 "схизматиков" - из них многие знатного происхождения. В чем выражалось это обращение, сказать трудно. П.Скарга лишь говорит, что многие исповедались⁶⁴. Подобного рода сведения являлись непременной принадлежностью иезуитских отчетов.

Особенность положения католической церкви на восточно-славянских землях Речи Посполитой заключалась в том, что она находилась здесь на положении "гостя". Традиция была на стороне православной церкви как организации и на стороне народных форм религиозности. Отсутствие прочно сложившейся системы церковного землевладения, церковной организации на всей территории восточно-славянских земель также вело к тому, что особое значение приобретала позиция шляхты - чью сторону она займет. Причем действовать насильственными средствами, мерами пригнушения было здесь особенно сложно, учитывая и конституционные принципы Речи Посполитой, и то, что приходится иметь дело с представителями господствующего класса. Поэтому испанский, проповеднический элемент, столь характерный для католической церкви в рассматриваемую эпоху, приобрел здесь особое значение.

I. Wojtyka H.D. Reformacja - Reforma katolicka - Kontrreformacja. Działanie nomenklatury i próbna uściślenia pojęć // Roczniki teologiczno-kanoniczne. Lublin, 1977. T. 24. Z. 4. S.223-249; Mullett M. The Coun-

ter-Reformation and the catholic Reformation in the early modern Europe. London-New York, 1984.

2. О роли, которую придавал И.Лютер вопросам образования, в том числе и о цели воспитания протестантских проповедников см.: Таценко Т.Н. Реформация и начальное образование в немецких городах XVI века //Городская культура. Средневековье и начало Нового времени. - Л., 1986. - С.127-161.
3. Bangert U. A history of the Society of Jesus. St. Louis, 1972, p. 27-28.
4. Brodrick J. The Progress of the Jesuits (1556-1579). New York-London-Toronto, 1947, p. 41-42.
5. Jedin H. Ecumenical Councils of the Catholic Church. An historical outline. Edinburgh-London, 1960, p.179.
6. Pastor L. Geschichte der Päpste. Seit dem Aufzuge des Mittelalters. Bd.IX. Geschichte der Päpste im Zeitalter der katholischen Reformation und Restauration: Gregor XIII. (1572-1585). Freiburg im Breisgau, 1923, S. 170-188.
7. Ibid., S. 179-180; cp.: Krnjcar J. The Greek College under the Jesuits for the First Time (1591-1604) // Orientalia Christiana Periodica. Roma, 1965. Vol. 31, p. 35-86.
8. Букович П. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. - Спб., 1882.
9. Korotajewa K. Oficyna braniewska. 1689-1773. Oluszyn, 1964, o. 6-7.
10. Załęski St. Jezuici w Polsce. Kraków, 1905. T.4, cz. I, s.1-21. Piechnik L. Gimnazjum w Braniewie w XVI w. Studium o początkach szkolnictwa jezuickiego w Polsce // Nasza przeszłość. Kraków, 1958. T.7, s. 5-72; Korotajewa K. Op. cit., o. 8.
11. Korotajewa K. Op. cit., o. 10.
12. Załęski St. Op. cit., T. I, cz. I. Lviv, 1900, o.170.
13. Ibid., o. 184-186.
14. Харлампович К. Западнорусские православные школы XVI

- и начала XVI века. - Казань. - 1898. - С.48-50.
15. Сушко О. Езуїти в заведенні унії на Русі в добрео-
тейській добі. - Львів, 1902. - С.29.
16. Encyclopedie powszechna. W-wa, 1863. T.13, s.337-338
17. Drzymała K. Franciszkańcy polscy nad ludnością
polską wiejską w pierwszym stuleciu osiedlenia się
wakonu w Rzeczypospolitej // Nasza Przeszłość. Kra-
ków, 1964. T. 20, s. 51-75.
18. Bednarz T. Jezuici a religijność Polska (1564-1764)
Nasza Przeszłość. T. 20, s. 161.
19. Parvus catechismus catholicorum.
20. Maluszki katechizm Koncilio Państwa Powszechnego przez Pi-
otra Kanisiusa.
21. Bednarz T. Op. cit., s. 163.
22. Ibid., s. 171; ср.: Kawecka-Gryczowa A. Drukarze w
dawnej Polsce. Z.5: Wielkie Księstwo Litewskie.
Wrocław-Kraków, 1959, s. 13-14, 105, 107.
23. Lucasz L. Die nordischen päpstlichen Seminarien
und B. Pommerina (1577-1597) // Archivum histori-
cum Societatis Jesu. Roma, 1955. Vol.24, p.33-94.
24. Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Uermi-
nianae illustrantes. Roma, 1959. Vol.1, t. 93.
25. Ibid., p. 10-99.
26. Ibid., p. 101.
27. Пассевико А. Исторические сочинения о России XVI в.
М., 1983. - С.37.
28. Ср.: Рогов А.И. Школа и просвещение //Очерки русской
культуры XVI в. - М., 1977. - Ч.2. - С.257.
29. Древняя Российская Библиофика. - М., 1774. - Т.6. -
С.101.
30. Пассевико А. Указ. соч. - С.37.
31. Там же; Харлампович К. Указ. соч. - С.486.
32. IMA. Vol.1., p. 127-128; ср.: Monumenta Polonicae
Vaticana. Gracovino, 1923-1933. T.5, p. 323.
33. MPV. T.5, p. 466.
34. Ibid., p. 446-447.
35. Ibid., p. 466.

36. Ibid., p. 468.
 37. Ibid., t.4, p. 221.
 38. Ibid. T.5, p. 468-469.
 39. Ibid., p. 469.
 40. Ibid., t.4, p. 200-201.
 41. Крип'якевич І. З дільності Поссевіна //Записки Наукового товариства "Ім. Шевченка. Львів - 1912. - Т.ІІІ.
 - С.12. В письмі из Праги от 7 ноября 1580 г. кардиналу Комо А.Поссевіно уточнює тарх учеников-руси-
 нов ()
 42. Россия и Италия. - Спб., 1911. - Т.І. - Вип.2. -
 С.188; Крип'якевич І. Указ. соч. - С.13.
 43. Scriptores rerum polonicarum. Cracoviae, 1881.Т.7,
 p. 26.
 44. Россия и Италия. - Т.І. - Вип.2. - С.186.
 45. Там же. С.183-185.
 46. Ciampi S. Bibliografia critica. Firenze, 1834, Т.1,
 p. 264.
 47. Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Roma, 1862.
 Т. 3, p. 375.
 48. Крип'якевич І. Уайлі видання I руські переклади
 Антонія Поссевіна в 1580-х рр. //Записки ЧСВВ. Львів,
 1928-1930. - Т.3. - С.532-552.
 49. MPV. Т.6, p. 271.
 50. Ibid., p. 766-775.
 51. Ibid., p. 716.
 52. Ibid.
 53. Ibid., p. 767.
 54. Ibid.
 55. Ibid., p. 664.
 56. Scriptores rerum polonicarum. V.7, p. 254.
 57. Acta S.O. de Propaganda Fide ecclesiam catholicam
 Ucrainae et Bielorusseas spectantes. Romae, 1954.
 Vol. I, p. 16.
 58. Litterae S.O. de Propaganda Fide ecclesiam catho-
 licam Ucrainae et Bielorussiae spectantes. Romae,
 1954. Vol. I, p. 17.

59. МРУ. Т.6, р. 201.
60. Ibid. Т.4, р. 472.
61. Ibid., р. 775-781. Ср.: Ibid., р. 836-841.
62. Ibid., р. 775-776, 777, 779.
63. Ibid., р. 712, 713. Ср.: Ibid., р. 630-632.
64. Ibid., р. 251.
65. Listy kn. Piotra Skargi I.J. w lat 1566-1610.
Kraków, 1912, р. 151.

И.В.ДЗИТРИЕВ

БРЕСТСКАЯ УНИЯ 1596 г. КАК ФОРМА КОНТРРЕФОРМАЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

В XVI веке церковно-политические отношения в Европе – последствие протестантской реформации и ответных действий католической церкви – существенно изменились. Потеряв значительную часть паства на Западе Европы, римская курия обращалась к Востоку. Активизация римской политики в восточноевропейских странах стала одной из причин заключения в 1596 г. Брестской церковной унии между католиками и православными и создания униатской церкви. Эти события в советской историографии принято рассматривать как форму польско-католической и церковно-политической и феодальной экспансии¹. Но исчерпывается ли этим проблематика истории Брестской унии и униатства в XVI-XVII вв.? Опыт широкой историографии (правда, крайне разнородный) да и сами источники убедительно показывают, что социальная природа и исторические истоки униатства были значительно более сложными. Брестская уния была не простым продолжением объединительных тенденций средневекового европейского христианства и, в частности, Флорентийской унии, но порождением совершенно особого этапа истории европейских церквей. Этот период – XVI-XVII столетия – с полным основанием обозначается как эпоха Реформации и Контрреформации. Это далеко не формальное определение. Реформация и Контрреформация привели к глубокому преоб-

ражению западноевропейского христианства.² Причем Контрреформация сыграла в этот процесс, по всей видимости, не меньший вклад, чем протестантизм. Поэтому распространение в советской исторической литературе понимания Контрреформации как церковно-политической феодально-католической реакции очень односторонне и исполнено. Современное состояние исследований в этой области не позволяет не видеть глубоких переломов в системе европейского католицизма конца XVI-XVII вв., которые, кстати, учились русской довоенной исторической наукой³.

Связь униатии с контрреформационной политикой папства в Восточной и Юго-Восточной Европе на сегодняшний день достаточно очевидна для советских историков⁴. Действительно, в конце XVI-XVII вв. папство предприняло ряд акций с целью подчинить "наместникам Петра" отдельные церкви христианского Босфора и Балтики⁵. Однако связь униатии с 1596 г. с другими сторонами европейской Контрреформации остается неясной. Только ли строительством папской курии подчинить своей церковной юрисдикции украинское и белорусское население Речи Посполитой и користолюбием православных иерархов порождена униатия? Ответу на этот вопрос и вышеизложенную некоторыми иными, неполитических аспектов взаимосвязи униатии и Контрреформации посвящена настоящая статья. Ее размеры позволяют постичь лишь один небольшой вопрос: как контрреформационная природа униатии сказывалась в ранних унионистских программах, в частности, в церковных планах Ипатия Потен и Петра Скарги?⁶

Одна из ведущих тем контрреформационной идеологии и одна из главных целей контрреформационной политики – бесспорно, борьба с протестантизмом и другими реформационными движениями. Этой задаче была подчинена и униатия, связь которой с конфессиональными конфликтами внутри православия и внутри католицизма вполне очевидна. И И.Потен, и П.Скарга потребность в униатии обосновывают необходимостью борьбы с распространявшимся в Речи Посполитой "евреями". Почему именно униатия может быть эффективным средством уничтожения евреев? По мнению Потен, потому, что "в наро-

де Греческом" еретиков "наболей бывало". Православная церковь, считает он, но в силах самостоятельно разгромить антицерковную оппозицию, и,, если в Польше, как в Англии, протестанты одержат верх над католиками, то и православное "стадо" окажется во власти вероотступников⁸. Соответственно, у них - средство обезопасить православную церковь от поражения в борьбе с Реформацией. Характерно, что и несогласия между православием и католицизмом рассматриваются Потеем через призму конфликта Реформации и ортодоксии: именно еретики были в свое время были виновны в расколе христианства. Именно еретики, теперь, в конце XVI в., провозглашают папу антихристом и отрицают существование чистилища⁹. Для реформаторов несущественны противоречия католиков и православных, и та и другая церковь, по их мнению, предала заветы Христа¹⁰. Поэтому преодоление ересей и объединение о Риме, в представлении Ипатия Потея - взаимно обусловлены.

Сходным образом рассуждает П. Скарба. Распространение ересей в Византии, в частности, иконоборчества, послужило толчком к отпадению православия от Рима. Создаваемые еретиками церкви нестабильны, они постоянно дробятся и несут с собой перманентные раздоры. Они временные как временная куча листьев в летнем саду, и все "эти несогласия, расколы и секты являются верным знаком еретичества и лжи и проклятой дьявольской спагоги"¹¹. Именно еретики - авторы ложных мнений о Риме и римской куре, например, мнение, будто апостол Петр никогда не бывал в Риме¹². В противоположность им папство хранит чистоту церковной традиции, твердо защищает своих чад от ересей, гарантирует порядок, единство и согласие в церкви, ее вечное существование¹³. Соответственно, подчинение православных власти римской курии обеспечит им внутрицерковный мир и единство.

Конечно, опасность разрушения господствующих церквей сильно преувеличена Скарбой и Потеем, особенно, если мы вспомним, что речь шла о последней четверти XVI в., когда реформационное движение в Речи Посполитой явно шло на убыль, хотя, правда, православие выходило из кри-

было значительно медленнее, чем католицизм восстанавливал свою силу. Но все же вероучительная монополия православия в украинско-белорусских землях оставалась под угрозой, и ссылки на необходимость борьбы с ересями были продиктованы жизненными потребностями православной церкви¹⁴.

Организационный и идеологический кризис православной церкви в украинско-белорусских землях во второй половине XVI века был виден уже современникам, прежде всего православным иерархам. Часть из них видели в унии прямой путь к оздоровлению православия. Этую же идею пропагандировали идеологи уния с католической стороны. Потей понимал, что упреки в невежестве, користолюбии, равнодушии и потребности церкви и ее паствы, адресованные православному духовенству восточнославянским реформаторам и протестантам, вполне оправданы. Пастиры, по его мнению, пренебрегают своей главнейшей обязанностью – "о етад соб порученному чути и съ силостю старатися, якоби отъ волковъ и иныхъ скрутныхъ бестий покрано не было и въ расхищениe не пришло"¹⁵. А между тем "старшие" в церкви бездействуют, не думая о спасении ни своей души, ни душ своих "овечек". Они не заботятся о переводе, переписке, хранении и изучении овчаро-патриарших книг, сами не читают богословских сочинений, безропотно подчиняются светским господам в церковных вопросах. В этих обстоятельствах высшее духовенство забыто "ъельской школѣ забыгати... то радов, то науков, то писанемъ своимъ"¹⁶. Потей не стесняется привести в пример протестантов, которые используют и живое слово, и печать, и синоды, и полемику, и соряди ради привлечения людей в свою веру и постоянно пекутся о порядке в церкви¹⁷. Он призывает отнять у противников возможность обвинять "Русь" в глупости, невежестве, темноте, отсутствии "писма" и "науки". Для этого нужно иметь книги св. писания и святых отцов на русском языке, пополнить количество переводов за счет обращения к сочинениям западной патристики, отделить сочинения правоверных от сочинений неправоверных в православной письменности (видимо, по примеру выведенного папами индекса запрещ-

щенных книг)¹⁸. Уния для Потея – средство убежать от "волков", рвущих "столо христово", преодолеть внутреннерелигиозный кризис и "недалость" пастырей, обеспечить лучший порядок и лееспособность православной церкви, иконеца, освободить православную церковь от диктата светских властей и господ¹⁹.

П.Скарга рисует кризис православной церкви более разными красками: спасение душ православных верующих поставлено под угрозу, ибо христианская вера укоренилась в народе очень слабо, проповедь и религиозное просвещение находятся в упадке, в частности, из-за незнания греческого и латинского языка, а "попы" – "схлопели" (превратились в кресты) и неспособны исполнять свои пастырские обязанности²⁰. Преодолеть этот кризис можно путем вступления в унию с католиками, ибо только в еллинской церкви, под эгидой папской власти можно добиться твердого порядка, дисциплины, просвещенности, независимости от светских властей. Церковь в таком случае может быть "приравнена к хорошему, к подготовленному войску. Если бы в нем не было десятников, сотников, ротмистров, поручиков и единственного гетмана над всеми, король никогда не смог бы рассчитывать на победу. Так и церковь не была бы страшна сретикам и бесам, если бы не имела такого порядка"²¹.

Однако предложения Скарги и Потея, касающиеся внутреннерелигиозной реформы, во все не одинаковы. Для Потея уния не означала кардинальной перестройки внутреннерелигиозных традиций и обычая, хотя он соглашался с папской присликией, учением о чистилище, догматом об исходении святого духа в формулировке Флорентийского собора и необходимостью высвободить духовенство из-под контроля светской власти. Скарга же требует не только признать католическую догматику, но и отказаться от церковно-славянского языка и ввести целибат белого духовенства²². Кроме того, признав в принципе право православных сохранить свои обряды, он ополчается (особенно в первом издании своей книги) на ряд вероучительных, церковно-правовых и обрядовых традиций православия) разрешение разводов, отрицание опреснения

ков, использование "святых даров", освященных в Великий четверг, для лечения больных в течение всего года, молитва за умерших при непризнании чистилища, мнение о том, что святые не видели Бога после своей смерти, соборование умерших, исключительное право патриарха освящать миро и др.²³, в то время как Потей обходит эти вопросы молчанием. Из этого видно, что униаты не предполагали последовательной унификации церковной и культовой жизни, к которой стремились католические пропагандисты унии. Вместе с тем, и в той и в другой программе церковного союзования отчетливо видна его контрреформационная суть, то есть стремление не только добиться перевеса над реформаторами и укрепить позиции господствующей церкви в обществе, но и осуществить внутреннюю перестройку церкви, которая на Западе Европы вспыхнула в т.н. "католическую реформу", ставшую внутренней опорой контрреформационного движения.

С Контрреформацией (как и с Реформацией), по мнению многих западных исследователей, был связан важный и, может быть, решающий этап по-настоящему глубокого приобщения народных масс, прежде всего сельского населения, к христианству, их религиозной "аккультурации"²⁴. Видимо, и униаты может быть рассмотрена как одно из направлений такой аккультурации. Главными ее орудиями должны были стать церковная реформа, качественное улучшение пастырской деятельности духовенства, создание церковных школ, повышение образовательного уровня священников и епископов, более активное приобщение мирян к церковному преданию наряду со св. писанием. Однако существовала заметная разница в том, как понимал эту программу Скарга (а вместе с ним, видимо, и весь католический лагерь) и как - Ипатий Потей (видимо, имея в большинстве украинско-белорусских сторонников унии). Программа Скарги предусматривает церковную и религиозно-культурную унификацию всего мира. Скарга восхищен тем, что "католик из Индии, из Рима, из Японии... говорит то же самое, что и тот, который научился святой вере в Польше". Единство католических ученьих разных стран - знак присутствия в них "Христова духа".

Напротив, дух раздolения и разнообразия - это дух антихристов. Соответственно, ереcь - это всегда "непрочий вимоел одного города или одной нации" (посл.). Единая, централизованная, монолитная церковь - верный признак того, что в ней живет подлинная вера. Непреклонная власть папы римского цементирует этот монолит. Быть полноценным христианином вне юрисдикции папы невозможно, ибо всякое христианство вне католической церкви - или еретическое, или ошибочное. Папа буквально занимает место Христа в построенных Скарги: поскольку сам Христос непосредственно с людьми не общался, прямильное прочтение оставленного им писания может быть гарантировано только папой; поэтому, "если я могу ворить только самому Богу и его словам, никогда вери иметь не буду", и "если я хочу учиться вере у самого Христа - никогда вери иметь не буду"²⁵. Истинное слово больше не может быть понято вне церкви и вне того толкования, которое спонсируировало ее первооснователями, получившими от Бога через апостолов "полномочия на проповедь, крещение и отпущение грехов" и в силу этого не могущими ошибаться²⁶.

Такая позиция была немыслима для идеологов униатов, сформировавших в рамках православной традиции. Поэтому Потей не только не соглашается с такими идеями, но даже отсчитывает подчеркнуть дистанцию, отделяющую униатов от папского преотола, говоря, что не намерен спрашивать и защищать папу от упреков, так как для этого существуют католические учёные²⁷. Он не высказывает одобрения безградищной власти папы над патриархами, епископами, архиепископами, архидиаконами, царями и князьями, отметив только, что современно ему папы не выше Бога, святых и прошлых пап. В то время как Скарга лишь мимоходом отмечает о том, что православные сохранили свои обряды²⁸, Потей посвящает этому много больше внимания. Аргументируя свой взгляды, Потей нарочито опирается лишь на византийских отцов церкви и подчеркивает это, в то время как Скарга использовал во всех своих построениях ссылки преимущественно на католические авторитеты. Принципиальными пре-

плотвильи к унию Потей считает лишь вопросы об исхождении св. духа, о чистилище, о верховенстве папы в християнском мире и о календаре. В символе веры он предлагает употреблять формулировку об исхождении святого духа "чрез сина" и иметь в виду, что она не противоречит римско-ку доктрине *filioque* — то есть избирает компромиссный вариант²⁹. Потей стремится подчеркнуть, что папа смиренен перед небесами, что "он не запрещает призывать святых в молитвах (в Скарга, как мы видели, этик недоволен), празднуют дни святых, учтиво сохраняет в храмах иконы святых и даже почитает стольких богов, сколько святых есть на небесах и сколько "ритихъ и малованихъ иконовъ на земли"³⁰. В этом мнении отчетливо видно стремление сопоставить образ папы и католических религиозных обычаях с особенностями православной восточнославянской религиозности — в противовес тем утилитаристским и инвертирующим тенденциям, которые выражены в сочинении Скарга.

Особенно ярко это стремление выразилось в попытке приспособить учение о чистилище к религиозным представлениям православия. По мнению Потея, распространенный среди православных обычай возносить молитвы за умерших лишается смысла для тех, кто отрицает существования "пургатория". На самом же деле чистилище — это то же, что "поспомите по нашему зодуть — и и та рота" (разридка — Потея)³¹. А не верят в "митарства" и высмеивают молитвы и приношения за умерших еретики, — не забывает добавить Потей, напомнил о распространенных во второй половине XVI в. среди православного населения реформационных целях³².

Отметим еще одну важную особенность взглядов на унию Потея по сравнению со Скарго. Скарга, в соответствии с принципиальными политическими и идеальными установками Контроформации всячески противопоставлял Украину — Византии и Русскому государству ("Москве") и наоборот, подчеркивал ее близость Польше³³. У Потея таких мотивов нет не найдем, но не найдем, конечно, и проповедий православного солидаризма с Московской патриархией или Кон-

стантиноцентром. Его программа в меньшей степени, чем программа И. Скарги наставляла на этно-культурном обособлении украинско-белорусских земель в рамках западно-восточно-украинского ареала, хотя такая тенденция ему, разумеется, не чужда.

Подводя итог, можно заключить, что контрреформационная природа Брестской унии 1596 г. и униатства как религиозно-общественного явления проявляется не только в том, что униония была звеном в политике папства на востоке Европы. Не менее важно то, что униония была порождена стремлением православной и католической иерархии подавить и искоренить реформационное движение в Речи Посполитой, преодолеть кризис православной церкви и осуществить ее внутреннюю реформу, форсировать процесс христианизации восточнославянского населения или, точнее говоря, сблизить народное христианство с церковным. Заметна и соответствующая установка контрреформации связь между унионистскими программами и этническим самоопределением украинско-белорусского населения Речи Посполитой. Следует также подчеркнуть, что между планами униатских и католических идеологов существовали заметные различия.

1. Мараш Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии. - Минск, 1971; Шихневич Д.И. Очерки из истории католической реакции. - И., 1955; Мацкевич В.А. Брестская уния и подготовка папством агрессии против России // Вопросы истории древнего мира и средних веков. - Минск, 1970. - С.134-149; Дмитрук К.К. Униатские креотоносцы: вчера и сегодня. - И., 1988. - С.54-219.
2. Гордунекль А.Х. Гуманизм-Реформация-Контрреформация // Культура эпохи Возрождения и Реформация. - И., 1981. - С.8; История средних веков. Под ред. С.Д.Сказкина. - И., 1977. - Т.2. - С.105; Краткая история Чехословакии. - И., 1988. - С.124; Советская историческая энциклопедия. - И., 1965. - Т.7. - С.858; Всемирная история. - И., 1958. - Т.4. - С.204-206.

3. См.: Карлов Н.И. История Западной Европы в новое время. - М., 1893. - Т.2. - С.243-297; Дукович П. Кардинал Гозий и польская церковь его времени. - СПб., 1888; Любович Н.Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. - Варшава, 1890; Вульфус А.Г. Проблемы духовного развития. Гуманизм, реформизм, католическая реформа. Пг., 1922; Chaunu P. *Eglise, culture, et société. Essai sur la Réforme et Contrareforme*. Paris, 1951; Délimont J. *Un chemin d'histoire chrétienne et chrétianisation*, Paris, 1981; Lutz H. *Reformation und Gegenreformation*. München, Wien, 1979.
4. Яковенко С.Г. Брестская церковная униат: политические и идеологические аспекты (вторая половина XVI в.). Автореф. дис... канд. историч. наук. - М., 1988; Марах Я.Н. Указ. соч.
5. Pastor L. *The History of the popes from the Close of the Middle Ages. Vol XXIII-XIV. Clement VIII (1592-1605)*. London, 1933; Macha J. *Ecclesiastical unification. A theoretical framework together with some studies of the history of Latin-Byzantine relations*. Rome, 1974.
6. Уния Грековъ съ костеломъ Римскимъ. Вильна, 1595 // Русская историческая библиотека. - СПб., 1882. - Т.УП. СТб. III-IV. Об атрибуции этого сочинения И.Потея см.: Stułiński K. *Polemiczne pismo Pocieja "Unia..." Charakterystyka i geneza* // Przegląd polonistyczny. T. LV, z. III, 1897, s. 371-374; Idem. *Honoraty literacki występ Hipacjusza Pocieja*. Lwów, 1902. Skarga P. *C ieiność ścisłego Boskiego poślednich pastořem* // Русская историческая библиотека. Т.УП, с.225-526 О Потеев и П.Скарже см.: Левицкий О. Ипатий Потей, киевский униатский митрополит // Памятники русской старини в западных губернатах. - СПб., 1885. - Т.УП. - С.342-374; Трипольский Н. Униатский митрополит Ипатий

- Потей. - Киев, 1878; тезис J. Piotr Skarga. Warsaw, 1976.
7. Унія Грековъ..., стб. II3, I29-I30, I45-I47, I61-I62, I66 и др.; Skarga P. op. cit., стб. 232-234, 243, 252-254, 255-258, 262, 263, 303-304, 335-337.
8. Унія Грековъ..., стб. II8, I47.
9. Там же, стб. I29-I30, I45-I46, I50-I68.
10. Там же, стб. I46-I47.
- II. Skarga P. op. cit., стб. 233-234, 252-255, 253.
- I2. Ibid., стб. 232, 303-304.
- I3. Ibid.. стб. 254-258, 335-337.
- I4. См.: Дмитриев М.В. Реформационные движения в восточнославянских землях Речи Посполитой во второй половине XVI - первой половине XVII вв. Автореф. дис....канд. истор. науки. - М.. 1934.
- I5. Унія Грековъ..., стб. II2, I46-I47.
- I6. Там же, стб. II3, II2-II3, II4, II8, I21.
- I7. Там же, стб. II5.
- I8. Там же, стб. II5, I46, I48.
- I9. Там же, стб. II2-II3, II4, II5, II7.
20. Skarga P. Op. cit., стб. 483-487.
21. Ibid., стб. 276-279.
22. Ibid., стб. 483-488.
23. Ibid., стб. 47I-477.
24. Bélieron J. Le Catholicisme entre Luther et Voltaire Paris, 1971; Idem. Un chemin d'histoire. Paris, 1981; Chaunu P. Op. cit.,
25. Skarga P. Op. cit., стб. 25I-252, 257, 267-268; см. также стб. 244, 247.
26. Ibid., стб. 270-273.
27. Унія Грековъ..., стб. I45.
28. Skarga P. Op. cit., стб. 236, 492-494.
29. Унія Грековъ..., стб. I29.
30. Там же, стб. I53.
31. Там же, стб. I30.
32. Там же.
33. Skarga P. Op. cit.. стб. 478-479, 486, 496-498.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЧЕХИИ
В ЧЕШСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
ХVI - ПЕРВОЙ ТРЕТИ ХУП вв.

Чешская историческая мысль XVI - начала XVII вв. представляет значительный интерес как с точки зрения споштимики восприятия тенденций западноевропейской и итальянской гуманистической историографии в Центральной Европе, так и в плане соотнесения политической истории с развитием духовной культуры данной эпохи. Интересный материал для освещения последней проблемы дает изучение исторической мысли в контексте современной ей общественно-политической ситуации, выявление их взаимосвязи и взаимообусловленности.

Чешская историография рассматриваемого периода включала два основных направления - старое, консервативное, и новое, гуманистическое. Такое деление отнюдь не означало обязательную политическую заостренность и прогрессивность содержания гуманистических по характеру и методу сочинений. Консервативные по целям и трактовке событий труды столь же часто имели ярко выраженную политическую направленность и могли быть гуманистическими по форме (как, например, сочинение Славаты¹). Впрочем, эта тема для особого исследования. В данном случае внимание будет сосредоточено преимущественно на гуманистической и по форме, и по содержанию историографии.

Тесная связь чешской исторической мысли XVI - первой четверти XVII в. с общественно-политическими проблемами современности была одной из ее наиболее важных черт. Эта направленность, свойственная практически всем, за немногими исключениями (каковыми, в частности, являются труды Бржезана² и Гаранта³), чешским историческим сочинениям данного периода, определялась целым рядом факторов.

Первая группа факторов была связана с чисто чешской спецификой, когда отношение к истории еще со временем гуситской революции в значительной степени формировалось под влиянием критического взгляда на современное общество,

в том числе - теорию и практику христианства. Подобная позиция была обусловлена характерной для чешской реформации идеей исправления общества в настоящем, направленной в то же время в будущее.

Вторая группа якторов, определившая особое внимание чешской исторической мысли XVI в. к важнейшим проблемам современности, была обусловлена объективносложившейся в чешских землях ситуацией, когда острота конфессиональной и политической борьбы, затронувшей практически все слоны общества, так или иначе требовала четкости оценок и позиций историков и политических деятелей, обращавшихся к неру.

Связанное с нашествием Габсбургов обострение сословно-политических, конфессиональных и национальных противоречий в Чехии вызвало усиление политической борьбы, что нашло свое отражение в общественно-политической мысли того времени. Активизация политической жизни, кристаллизация позиций сторон обусловили "ислитизацию" истории, обращение к ней как к свидетельству истинности той или иной концепции.

В комплексе исторических сочинений данного периода явно преобладали труды с ярко выраженной практическо-политической направленностью. Многие крупные произведения историко-политической мысли XVI-первой четверти XVII вв. были прямо инспирированы современными политическими событиями. Это хроника Бартоша-Писаря⁴, "памятные книги" Сикста из Оттерсдорфа⁵, "История церковная" Скали⁶, историко-публицистические сочинения Будовца⁷ и Херотина⁸. Общественно-политические проблемы современности в той или иной степени затрагивались и в сочинениях научного, точнее, научно-популярного характера - например, в предисловиях Валеславина к издаваемым им трудам⁹, в хронике И. Быдлоуского¹⁰, в энциклопедическом труде Странского¹¹.

Как правило, точка зрения автора не отделяла вопросы политической жизни, несмотря на многократно декларированную им объективность и непредвзятость, была оформлена совершенно определенно.

Кроме того, сложная политическая обстановка вызывала эмоциональную реакцию и стремление обратиться к истории как к источнику примеров и средству воспитания современного общества, как к ориентиру в сложной жизни. Эта тенденция четко прослеживается в историографии Общины чешских братьев и правоучительных сочинений Велеславина¹². Отсюда – осовременение истории не только с помощью отбора соответствующих сюжетов, но и путем прямых исторических параллелей и аналогий.

В этом смысле актуальными в понимании историографии XVI – первой четверти XVII вв. оказывались не только современные проблемы, но и связанные с ними сюжеты из ранней истории. Например, у Странского это проблема взаимоотношений чешского государства и империи и вопрос о выборности королевской власти¹³, у Вацлава Гайка – сюжеты, свидетельствующие о древности чешской шляхты и ее приоритетном положении в обществе¹⁴, у Билейовского – попытка доказать связь гуситства с кирилло-методиевской традицией и православием, представить утраквизм как старейшее учение в чешской церкви и таким образом укрепить его ослабленные католицизмом, лютеранством и братским учением позиции¹⁵.

Большое значение для политизации истории имело также широкое распространение книгопечатания, в чешских землях пришедшееся на XVI век и повлекшее за собой увеличение читательской аудитории и, соответственно, общественного разоцисса на исторические сочинения.

И, наконец, третья группа факторов актуализации чешской исторической мысли рассматриваемого периода – комплекс явлений, связанных с проникновением в нее гуманистических влияний. Это прежде всего начало утверждения (впрочем, весьма медленного) антропоцентристского подхода к истории; как один из его аспектов – возрождение прагматического начала в историографии, т.е. исследование истории как истории действий, призванной служить практическим целям; становление отличного от средневекового понимания времени как конкретного, текущего, неповторимого момента.

Несмотря на определенное запоздание чешской исторической мысли по отношению к развитию историографии Италии и Западной Европы и под влиянием особенностей чешского общества, связанных с наличием сильной реформаторской традиции и сложным переплетением различных проблем, в историографии XVI - начала XVII вв. развивались процессы, аналогичные эволюции исторической мысли в других европейских странах. Хотя чешские историки не отказались окончательно от укоренившегося теологического постулата об истории общества как "происледе божьем", в XVI в. этот принцип зачастую выполнял уже лишь формальную функцию и все более утверждался взгляд на исторический процесс как на результат человеческой деятельности, плод усилий человеческой воли. Это повлекло за собой поиск новых методов работы, которые позволили им с помощью сбора, сравнения, критики и толкования источников лучше понять историческую действительность.

Свойственный гуманистической историографии акцент на pragматической стороне истории и, думается, в еще большей степени специфика общественно-политического развития чешского общества, обусловившие интерес историков к современности, нашли свое отражение в разработанной чешскими историками системе аргументов "в пользу изучения и чтения истории" и в определении ее функций. Эти аргументы можно подразделить на несколько групп, весьма условных, поскольку все чешские историки XVI - начала XVII вв. отдавали приоритет практической функции истории как комплекса примеров для ориентации в самых разных областях современной жизни.

Первая группа доводов - это необходимость применения исторического знания в общественной (политической, государственной) практике, прежде всего - государственными деятелями. Без этого знания люди, по мнению чешских авторов, навсегда останутся детьми. Данное положение четко сформулировано во вступительных статьях Велеславина и издаваемым им сочинением¹⁶ и в письме чешского историка П. Кодцилла Прокопу Дупачу из Главачова, которое должно было выполнить функцию предисловия к "Историческому кален-

дарю" последнего¹⁷.

Подобного рода аргументам близка вторая группа доводов – необходимость изучения истории для правильного поведения отдельной личности, для ориентации человека в общественной и личной жизни, в экономических делах. Наиболее парадоксально данная мысль прозвучала в предисловии чешского историка-гуманиста Яна Коцкого к переведенной им "Истории церковной" Евсевия Памфила¹⁸ и в письме Кодинчилла¹⁹.

Третья группа доводов "в пользу изучения истории" включает аргументы морально-нравственного характера, особенно часто встречавшиеся у Коцкого²⁰ и Велеславина²¹.

Особого рода аргументом, также подчеркивавшим современное значение истории, была типично гуманистическая идея цикличности, повторяемости исторических событий, сформулированная в чешской историографии Велеславином²², Коцким²³ и Кодинчиллом²⁴.

Таким образом, в гуманистическом направлении чешской исторической мысли XVI в. присутствовал весь комплекс свойственных гуманистическому историзму и многократно сформулированных в трудах "*artes historicae*" определений истории как приносящей большую пользу читателю путем воспитания на языковых примерах, обучения искусству политики тех, кто по рождению своему призван ее творить, доставления удовольствия от драматизма сюжета и красот языка повествования, а также определения истории как находящейся на службе у общества хранительницы памяти о действиях прошлого²⁵. Но если в западноевропейской историографии подобное функциональное определение истории привыкалось преимущественно к историческим скептам в их традиционном смысле, то в чешских землях в силу специфики их развития оно в большей степени сочеталось с современными скептами.

Наиболее часто освещавшимся в чешской историко-политической и публицистической литературе проблемами были в области внутренней политики политическая борьба, важнейшую часть которой составляла борьба сословий о усилившейся централизаторско-абсолютистской тенденцией в политике Габсбургов, конфессиональные проблемы и национальный вопрос в

его различных аспектах; во внешнеполитической сфере - соответствующий аспект взаимоотношений католического и протестантского лагерей и проблем, связанных с угрозой турецкой экспансии. Таким образом, историческая мысль обращалась прежде всего к тем современным сюжетам, которые объективно выдвигались на первый план самим ходом исторического процесса.

Отражение современной общественно-политической ситуации в исторических сочинениях XVI - начала XVII вв. осуществлялось, как представляется, на двух методологически и по целям различных уровнях. Во-первых, это непосредственное освещение конкретной политической ситуации, расстановки классовых сил, хода сословной и конфессиональной борьбы, т.е. фактографической стороны исторического процесса. Во-вторых, это оценка собственно прошлых событий с позиций данного времени, которые у каждого конкретного историка определялись, наряду с общим менталитетом эпохи, совокупностью целого ряда факторов: классовой, религиозной и национальной принадлежностью, общественным положением историка и его ролью в политической и культурной жизни, системой взглядов, уровнем образования и т.п.

Если первый уровень отражения достигался благодаря сознательным усилиям автора, то второй, отражавший систему его взглядов, мог быть результатом как осознанного стремления историка дать ту или иную трактовку прошлых событий в подтверждение своей концепции, так и итогом своеобразного "непривольного" выражения автором своей позиции, проявлявшейся в подборе исторического материала, его интерпретации и т.п.

Влияние исторической школы и общественно-политического развития носило взаимообуславливающий характер. Результаты их прочной и чувствительной связи проявились как в практической политике, так и в области методологии истории.

Общественная ситуация определяла сюжеты исторических трудов, посвященных как современности, так частной и древней истории, влияла на принципы подбора и оценки по-

точников, характер и уровень восприятия того или иного исторического труда в обществе. Особую роль в развитии исторической мысли данного периода сыграл тот факт, что время острой борьбы двух политических и идеологических лагерей заставило браться за перо политических деятелей, например, Будовца, Деротина, Сламату. Их яркие и страстные политico-публицистические сочинения, находившиеся на грани между исторической мыслью и собственно публицистикой, оказали большое влияние на методы и принципы работы авторов, ставивших перед собой прежде всего исторические задачи.

Вообще говоря, современная ситуация наложила определенный отпечаток на жанровую систему чешской литературы XVI – начала XVII вв., когда широкое распространение получили не только смыкающиеся с политической литературой и публицистикой исторические сочинения, но и различного рода мемуарная литература, так называемые "рамки", включавшие широкий спектр сочинений – от частных воспоминаний до трудов, синтезирующих местные хроники, городские книги и личные дневники. Характерный пример последних представляют труд кутногорского горожанина Дацшкого²⁶.

Даже исключительный для чешской историографии пример, когда автор фундаментального и объективного исторического труда о династии Рожембергов Бржезан²⁷ в последних двух томах, посвященных крупным политическим деятелям Влему и Петру Воку из Рожемберга и охватывающих период 1535–1612 гг., младшим современником которого Бржезан был, облистательно обошел молчанием перипетии политической и конфессиональной борьбы данной эпохи, – этот пример был связан, наряду со стремлением к составлению объективной "истории" в гуманистическом духе, с потребностями этой борьбы. Очевидно, заказчик сочинения Петр Вок из Рожемберга, бывший одним из лидеров тайной шляхетской оппозиции к Габсбургам, стремился не допустить своей компрометации, что нашло отражение как в самом тоне "Истории Рожембергов" и ее склонной канве, так и в отказе от включения в повествование негативно характеризующих Рожембергов документов.

В свою очередь историческая мысль, опиравшись на технические возможности книгопечатания, именно в силу своей политизации более, чем какой-либо другой вид литературы, влияла на формирование у современников отношения к тем или иным событиям и прямо вмешивалась в политическую и конфессиональную борьбу, выступая на стороне одной из борющихся сил²⁸. Именно благодаря активной заинтересованности и "партийности" авторов посвященных актуальной тематике сочинений, встречавших широкий отклик в самых разных слоях общества, историография получила возможность вмешаться в борьбу за мысли и взгляды людей, за приобретение новых сторонников той или иной позиции и таким образом оказывать влияние на ход событий.

Политизация и актуализация истории параллельно с другими факторами (прежде всего становлением антропоцентристского подхода к истории) повлияла и на развитие исторического метода. Та часть историографии, которая занималась изучением непосредственно проживаемых и, следовательно, хорошо знакомых всему обществу событий, тем самым становилась наиболее доступной для критики и должна была поэтому защищать и как можно более убедительно аргументировать свою позицию, особое внимание уделяя источникам. Отсюда – пристальный интерес авторов написанных с практическо-политической целью сочинений к документам, корреспонденциям, работам других авторов (в том числе – занимавших противоположные политические позиции). Этот интерес проявился в стремлении аргументировать практически любое положение, от изложения спорного факта до оценочных суждений, источниками путем обширного цитирования, полного включения документов в текст сочинений, сопоставления противоречивых источников и т.п.

В заключение – несколько слов о значении посвященных актуальной тематике исторических сочинений.

Во-первых, это ценнейший источник для изучения конкретных событий и процессов, происходивших в обществе на данном этапе.

Во-вторых, это источник по истории исторической мыс-

ли. В этой смысле особенно важным представляется следующий аспект. Позиция историка всегда социальна и партийна (независимо от признания или осознания данного факта им самим) и выражается в системе его общественно-политических воззрений. Эта позиция является "решающим фактором, определяющим сущность теоретических и методологических представлений, сущность конкретно-исторических концепций... Взаимосвязь этих компонентов носит сложный характер..."²⁹. Поэтому изучение посвященных актуальным тематикам исторических сочинений позволяет проследить соотношение конкретных общественно-политических взглядов отдельных историков с системой применяемых ими теоретических посылок и методов исторического познания, рассмотреть механизм их взаимодействия. Этот механизм, в свою очередь, составляет важную часть процесса формирования исторического сознания данной эпохи и, с другой стороны, во многом определяет уровень и характер выполнения историографией тех или иных социальных функций.

И, наконец, третий типичный рассматриваемого типа исторических сочинений - культурологическая. Каждое историческое сочинение является продуктом определенной эпохи, которая неизбежно накладывает свой отпечаток на его содержание и форму. вне времени, вне определенного общества и идеологического контекста невозможно правильно оценить концептуальную направленность и методологический уровень исторического труда. Сама ориентация автора, проявляющаяся в подборе и оценке фактов, характеристике и интерпретации источников, служит для современного историка ценным свидетельством восприятия данной эпохи ее современником (как правило, имеющим определенный уровень подготовки).

В подобных сочинениях более непосредственно проявляется личность автора. Любой труд о давно прошедших событиях (даже если они интерпретируются в пользу какой-либо современной теории) всегда составлен более продуманно извешенно, чем написанное "по горячим следам" и носящее ярко выраженную политическую направленность сочинение. Подобные сочинения, написанные в переломные периоды жиз-

ии общества (и, следовательно, автора) наиболее ярко доносят до исследователя дух времени, восприятие его проблем современниками и позволяют проследить процесс освоения общественными событий отдельной личностью, процесс, заставлявший ее биться за перо.

Историк – это не просто человек, пишущий о прошлых событиях, но и исследователь, который при рассмотрении современных проблем мыслит исторически, т.е. изучает их в развитии, стремясь выявить причинную связь явлений. Поэтому исторические сочинения, посвященные актуальным событиям, дают материал для изучения того, как историческое сознание данного общества проецируется на восприятие и осознание им современной истории.

1. Paměti Vilemá Hraběte Slavaty, I-II. Vyd. J. Jireček. -Pr., 1866-1868.
2. Břetan Václav. Životy posledních Rožmberků, I-II. Vyd. J. Pánek. -Pr., 1985.
3. Harant z Polžic a Bezdružic Kristof. Cesta z Království českého do Benátek, odtud po moři do semě Svaté, semě židské a dále do Egypta (I-08). Vyd. K. J. Erben. Pr., 1854.
4. Bartoš Písař. Knihy o pozdvížení jedných proti druhým (Kronika pražská), 1529-1530. Vyd. J. V. Simák. -Fontes rerum bohemiarum IV. -Pr., 1907.
5. Sixt z Ottersdorfu. Knihy památné o nepokojných letech 1546 a 1547, I-2. Vyd. J. Teige. -Pr., s. a.
Ibid. O pokročení stavu městského leta 1547. Vyd. J. Janáček. -Pr., 1950.
6. Skála ze Zhoře Pavel. Historie česká, I-V, 1602-1623. Vyd. K. Tiefftrunk. -Pr., 1865-1870.
Ibid. Historie česká. Od defenestrace k Bílé Hoře. Vyd. J. Janáček. Pr., 1984.
7. Budovec z Budova Václav. Akta o uňemu r. 1603. -Uňemy české, I. -Pr., 1900; ibid. Antialkoran (1593, 1614). -N. Rejchrtová. Václav Budovec z Budova. -Pr., 1934, s. 222-250;
ibid. Kratkej spis o zlatem věku. -Rejchrtová..., s. 199-217.

8. Karel starší ze Žerotina. *Apologie* (1606). - Karel starší ze Žerotina. Z korespondence. Vyd. N. Rejchrtová. - Fr., 1982, s. 207-223.
 Ibid. Sněm držaný léta 1612. Vyd. V. Brandl. - Pr., 1864.
 Ibid. Zápis o soudu panském 1594-1614. Vyd. V. Brandl. - Pr., 1866.
9. Daniel Adam z Veleslavína. Předmluva ke 4. knize spisu *Poltia historica* z r. 1584. - H. Kopecký. Daniel Adam z Veleslavína. Pr., 1962, s. 103-110.
 Ibid. 4 předmluvy ke Kronice moskevské z r. 1590. - Kopecký, s. 140-143.
 Ibid. Druha předmluva k Historii církevní Eusebia, příjmu Pamfila z r. 1594. - Kopecký, s. 168-172.
10. Bydžovský z Florentina Marek. Svět za tří českých králů: Výbor z kronikářských zápisů o letech 1526-1696. Vyd. J. Kolář. Pr., 1987.
- II. Stránský Pavel. Český stát (*Respublica Bojemia*). Vyd. B. Ryba. - Pr., 1953.
- I2. Подробнее об этом см. ниже.
- I3. См. сноски II.
- I4. Hájek z Libočan Václav. *Kronika Česká*. Vyd. J. Kolar. - Pr., 1981.
- I5. Bílejovský Bohuslav. *Česká kronika* (1537). - Pr., 1816.
- I6. Veleslavín. Z předmluvy ke Kronikám dvěma z r. 1585. - Kopecký..., s. II4, II6.
 Ibid. Předmluva ke Kalendáři Historickému z r. 1578. - Kopecký..., s. 94, 98.
 Ibid. Dédikace Kroniky světa z r. 1584. - Kopecký..., s. 100.
- I7. Kodicill Petr. Dopis P. Lupačovi z Hlaváčova. - Poselství ducha. Pr., 1975, s. 243-244.
- I8. Kocín z Kocíného Jan. *Prípis Fetrovi Vokovi z Rožemberka z "Historie církevní Eusebia Pamfila"* (1594). - Výbor z literatury české, II. Vyd. K. J. Erben. - Pr., 1868. - 1664, I666.
- I9. Kodicill. Dopis P. Lupačovi..., s. 244.
20. Kocín. *Prípis...*, I658, I666.
21. Veleslavín. Předmluva ke Kalendáři historickému z r. 1578. - Kopecký..., s. 95.
22. Veleslavín. Předmluva ke Kronikám dvěma z r. 1585. - Kopecký...,

а.113.
3. Kocík, František, 1861-1905.
4. Kodicil, Dopravá římská, Lukačovič, v. z... .

25. См.: Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. - И., 1987. - С.279-280.
26. Dačický z Neulova Mikuláš, Prostopevna, Paměti, Vyd. S. Petřík a K. Pražák, Fr., 1955.
27. См. сноски 2.
28. См. сноски 4-8.
29. Ковальченко И.Д. Историография истории СССР дооктябрьского периода. // В: История и историки. Историографический энциклопедический словарь. - 1979. - И., 1982. - С.259.

О.В.ЛЕНДЕНА

ИДЕЯ "ВСЕСЛАВИЧСТВА" В ЧЕХИИ И СЛОВАКИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Возникновение идеи "всеславянства", которая основывалась на факте этно-языкового родства славян, было обусловлено процессом формирования славянских наций. Каждое славянское движение имело свою специфическую форму общеславянских представлений в зависимости от культурно-исторической традиции, уровня национального самосознания, политических условий. Генезис славянских объединительных теорий связан, прежде всего, с эпохой романтизма, начавшейся в Центральной Европе после наполеоновских войн. Нарктерное для этого времени стремление любого общества понять движущие силы исторического развития, выдвинуть государственно-правовые идеали, осмыслить место своего народа среди других обществ отразилось на содержании "всеславянской" идеи. Существенное влияние на формирова-

ние национальной идеологии т.н. "малых" народов Центральной Европы оказалось немецкое объединительное движение, его идеология, ставившая во главу угла культ национального языка, идея общности судеб этически родственных народов. Чешские и словацкие идеологи находились в постоянном контакте с немецкой интеллигентской средой, имели всестороннее гуманитарное образование. Они были подготовлены к тому, чтобы переработать интеграционную концепцию немецкой философии в особую систему, обосновывавшую право славян на национальную сорью. В этом смысле общность теоретических поисков пангерманизма и панславизма не вызывает сомнений.

В исторической литературе термин "панславизм" имеет несколько основных значений: 1. Система великодержавных представлений о миссии России в "славянском мире" и во всей Европе, основным принципом которой является обеспечение "жизненных интересов" России как центра славянской консолидации. 2. Совокупность различных интеграционных идей (от всеславянских до региональных), обосновывавших различные варианты союзов дальних славянских движений) не только с Россией, но и без нее). 3. Идеологические построения, которые основывались на принципе "всеславянства", т.е. общности судеб и интересов всех славян.

В первом случае речь идет, на наш взгляд, о том варианте панславистских представлений, который сложился в особую систему в "славянофильских" кругах России лишь во второй половине XIX в. (после Крымской войны). Однако, национализм, лежащий в основе любой идеологии пан-движения, имел неадекватное содержание у народов, обладавших собственной государственностью, и утративших ее. Это дает основание говорить о двух видах панславизма - русском и славянском. Славянские народы в XIX веке развивались в сходных условиях, переживали опыт национального выживания, когда формирующаяся нация осталась поставлена перед угрозой ассимиляции. Это вызывало у представителей интеллигентских кругов обостренное чувство неповторимости, самобытности своего народа. Исходя из этого, следует под-

черкнуть, что панславизм и идея "всеславянства" обозначают одно и то же явление в общественном сознании славянских народов. Рассмотрение эволюции общеславянских представлений на примере Чехии и Словакии позволяет выявить особенности их развития в различных по своему экономическому, культурному и политическому уровню движениях. Уже в первой половине XIX века существовало много различных "всеславянских" идей как демократического, так и консервативного толка, каждая из которых заслуживает специального рассмотрения. В данной статье целесообразно сосредоточиться на анализе принципа "всеславянства" в основных политических концепциях чешского и словацкого национальных движений.

В первой половине XIX века ведущей политической концепцией в Австрии был государственный централизм, последовательно проводившийся во всех областях общественной жизни. В связи с этим уровень социальной мобильности у "малых" австрийских народов был низким, со стороны правительства к ним применялись методы насилиственной германизации¹. Осознание представителями национальной интелигенции неполноправного положения вследствие этнической принадлежности ставило их перед необходимостью выработки идеологии самозащиты. Первые ценные представления о "всеславянстве" возникли в 20-е годы в Словакии, где угроза ассимиляции ощущалась с наибольшей остротой. Специфика генезиса словацкой нации обусловила особую роль культуры, призванной доказать историческую самобытность народа, не имеющего традиции собственной государственности (за исключением периода Велико-Моравской державы). Поэтому первые "славянские идеи" имели выраженный культурно-лингвистический характер. Их создатели (Я. Геркаль, Я. Коллар, Ч. Голлы) исходили из того, что каждому славянину присуще сознание этнического родства. Понятие "Славянство" рассматривалось ими в качестве наднационального внепространственного явления, отражающего духовную общность единого славянского народа. Создавался образ могучих славян, воплощающий силу и миролюбие, подчеркивался демократизм их

общественного устройства. В соответствии с этими взглядами, славянские народы образовывали совершенно особый культурно-исторический тип в европейской системе. Однако, панславистское деление мира на "славяне и неславяне" не содержало элементов ксенофобии. Идея о вечной смене "исчерпавших себя" народов, заимствованная из немецкой философии, служила доказательством превосходства запоздалого развития. Поэтому идея мессионизма была слабо выражена, акцент делался не столько на задаче "обновления" Европы, сколь на мысли, что Европа признает самобытность и "моральные ценности" славянской культуры. Идеологи "всеславянства" осознавали себя европейцами, а историю своих народов - звеном европейского исторического процесса. Поэтому всеславянская концепция, защищавшая право славян на самостоятельное развитие, не строилась на альтернативном противопоставлении "Запад-Славяне".

Одним из основных компонентов теорий 20-30 годов было некритическое русофильство. Среди славянских народов популярность России особенно повысилась после наполеоновских войн. Сопричастность с сильным авторитетным государством была в общеславянской идеологии важным средством компенсации собственного неполноправного положения в Европе. Славянская интеллигенция видела в образе России воплощение своего идеала государственно-правового устройства и реальную гарантию защиты от германизации и мадьяризации. Основным источником ориентации на Россию было понимание слабости и малочисленности своего народа, а также почти полное отсутствие достоверной информации о русском государстве.

В целом, "всеславянская" концепция представляла собой тип панславизма, сформировавшийся не только к аргументации национально-освободительной борьбы. "Освобождение" славян рассматривалось как естественный результат их культурного сближения, целью которого было достижение морально-этического единства. Распространение гуманистических принципов среди широких слоев общества отвечало реальной потребности словацкого и чешского движений. Нацио-

нальная агитация имела прежде всего воспитательную функцию. В этот период идея "всеславянства" была одним из первых эффективных средств, с помощью которых преодолевалась инертность в сознании угнетенного народа, его региональная разобщенность. Основанная на материале герояческого прошлого и местных традиций, она была общедоступна и воспринималась различными социальными группами. Интенсивная культурно-просветительская деятельность, разворачивавшаяся под знаком "славянской идеи", играла важную роль в развитии национального самосознания у чехов и словаков². В то же время принцип "всеславянства" ограничивал осознание отдельными славянскими движениями своих национальных интересов. Чем интенсивнее шел процесс складывания нации, тем очевиднее становилась для его идеологов несостоятельность панславизма как политической и культурной доктрины.

Чешское движение имело более благоприятные условия, чем большинство "малых" европейских народов (наличие традиционного центра - Праги, богатое историко-литературное наследие на национальном языке, традиция политического самоуправления). Несмотря на широкое распространение идей славянской взаимности, в чешской гуманитарной среде преобладала национальная проблематика. Ведущей тенденцией в историографии и филологии были не столько всеславянские мотивы, сколько изучение чешской истории и культуры в контексте развития славянских народов (Й.Бингман, Ф.Л.Челаковский, Ф.Палацкий)³. Существенное влияние на эволюцию "всеславянских" представлений оказалось подавление польского восстания 1830 г. Протест передовых кругов чешской интеллигенции против великодержавной политики России положил начало отходу с позиций русофильства. В чешском движении уже со второй половины 30-х годов появилось новое демократическое направление, привнесшее в духе романтизма к борьбе против абсолютизма (К.Г.Маха, К.Сабина, И.И.Дангер).

Нарастание буржуазной революции в Европе отразилось на процессе формирования чешского политического мышления. В авангард национальных сил выдвинулось поколение, сов-

мешавшее научную деятельность с политической практикой, которое видело свою задачу в создании буржуазной национальной программы, обеспечивающей государственно-правовое существование чешского народа. Усиление либерально-демократических тенденций вызвало критику "всеславянства" и русофильской ориентации. Существенное влияние оказывала также либеральная европейская публицистика, в которой негативное отношение к России превратилось с начала 40-х годов в устойчивый стереотип⁴. В чешской прессе появились сведения о "деспотическом режиме" и крепостничестве в России, русификаторской политике в Царстве Польском, - все это ставило под сомнение миф о славяно-русской гармонии. В общественной мысли вырабатывался дифференцированный подход к России, отделяющий русский народ от самодержавия. Представления об агрессивности царской политики получили широкое распространение. Ведущий чешский деятель Ф.Палацкий был убежден, что чешскому народу угрожают две силы - Германия (немецкое объединительное движение) и "универсальная русская монархия", готовая поглотить "малые" народы⁵.

Как альтернатива "всеславянству" в 40-е годы оформляется идея австрославизма, стыкавшая в период революции основной политической программой чешского движения. Ее создатели (К.Гавличек-Боровский, Ф.Палацкий) видели гаранты самоизбранного развития в ориентации на Австрию, которая должна быть реорганизована в духе буржуазной конституционности на основе национального равноправия. Акцент ставился на сотрудничество с династией и другими австрийскими славянами, численность которых рождала иллюзию о возможном "ославянении" Австрии. Для чешского общества, где традиции общеимперского сознания имели глубокие корни, связь Чехия-Австрия была более осознанной и реальной, чем ориентация на Россию. Тактика движения строилась на основе двух принципов: опора на собственные силы (идеи уско-ренного экономического, интеллектуального и политического созревания чешского народа) и поиски союзников в пределах Австрии. Чешские политики стремились возглавить блок ав-

австрийских славян и создать, таким образом, в Центральной Европе третью силу, противостоящую давлению царской России и Германии. В мышления чешских лидеров соединились действительно национальные и националистические формы сознания. Это отражалось в идеях об особом значении чешского народа в австро-империи, его исключительном культурно-политическом развитии. За счет славянских движений они надеялись поднять значимость "чешского вопроса" и привлечь внимание правительства к его скорейшему решению.

Эволюция от всеславянской концепции к национально-политической программе австро-славизма за столь короткий период свидетельствует об интенсивном развитии чешского движения. Австро-славизм был переходной формой чешской национальной идеологии. С одной стороны, эта программа подчеркивала первичность национальных интересов, но с другой стороны, она строилась на идеях политического союза этнических родственных народов и представляла региональный вариант "славянского единства". В 60-е годы с возникновением новой модификации австро-федерализма, "славянская идея" перестает быть одним из принципов национальной политики и будет использоваться лишь как возможное средство ее идеологической аргументации⁶.

В словацком движении в этот период наблюдается определенная консервация всеславянских представлений. Это было вызвано прежде всего слабостью как в национальном, так и в социально-экономическом отношениях. Если в чешской общественной мысли акцент сместился с культурно-этнических идей на политические проблемы, то для словаков по-прежнему наиболее актуальной была задача кодификации словацкого литературного языка. Успление в 40-е годы маляризации активизировало выработку национальной программы. Развитие словацкого варианта "панславизма" связано с деятельностью Л. Штура и его сторонников - "штурковцев"⁷. В их интерпретации "всеславянская" идея получила политическую направленность. После подавления революции 1848-1849 гг. проявилась тенденция к "самоизоляции" славянского мира, стремление оградить его социально-политических катаклизмов. Л. Штур про-

тивопоставил "западному либерализму" гарючую славянского сообщества. Единственное спасение от влияния революционных идей он видел в осуществлении политического панславизма. Но присоединение всех славян к России должно было произойти только при условии демократических преобразований (отмены крепостного права, закрепление крестьянского самоуправления, ликвидация тайной полиции, отказ дворянства от своих привилегий). Подобная позиция отражала новое понимание принципов славяно-русского сближения. Россия уже не воспринималась в виде идеального общества, Штур отказался от безусловного признания ее ведущей роли в "славянство". Поэтому реализацию панславизма он видел только на основе общей заинтересованности, взаимных уступок. Под влиянием славянофильства, Штур считал принятие русского языка в качестве всеславянского и православия как единой славянской религии обязательным условием культурно-политического единения. Но это не означало "растворение" самобытных культур славянских народов. Напротив, Штур и его сторонники считали панславизм наиболее надежной защитой самостоятельного развития каждого славянского движения. Если ведущие чешские деятели видели гарантию самобытности в реорганизованной Австрии, то словацкие - в реформированной России. Исходная мысль этих программ общая - "малые" народы могут благополучно развиваться только в крупных государственных образованиях. К этому времени в чешском движении были созданы необходимые условия для проведения самостоятельной политической линии, у словаков установки "опора на собственные силы" не имела реальной основы. Выдвигая принцип "своебразие в гармонии", Штур стремился соединить в всеславянской концепции тенденции к обособлению нации с объединительной идеей.

Штуровскую теорию отличал от идей Я. Коллара и подход к проблеме единого "чехословавцкого народа". "Штурцы" доказывали самобытность словацкой нации и ее право на самостоятельное развитие. Программа австрославизма они противопоставляли собственную национальную концепцию.

Штур отрицал австрославизм, убежденный в последовательной антиславянской позиции Вены. Возможно, что приверженность чешских политиков теории "чехословакизма" была также одной из причин сохранения всеславянской традиции в словацкой общественной мысли.

Итак, идея "всеславизма" занимала ведущее место только в начальный период формирования национальной идеологии (в чешском движении - до 40-х годов, в словацком - до 60-х). Интенсивность ее эволюции зависела от уровня национального самосознания, наличия в общественной мысли этатических представлений, исторических традиций, от политических условий, в которых развивалось национальное движение. Значительное влияние на ее распространение оказывало международное положение России, характер проводимой ею политики по отношению к т.н. "славянскому вопросу". В 20-30 годы XIX в. можно говорить о существовании общего "чехословацкого" варианта панславизма, основывавшегося на идее морально-этической общности славянских народов. В Чехии и Словакии пролягалось два пути трансформации общеславянских представлений. Идея "всеславистства" послужила материалом для оформления новых национальных доктрий как чешского, так и словацкого движений. В Чехии, где сложилось достаточно предпосылок для выработки самостоятельной политики внутри австрийской империи, "всеславистство" видоизменяется в идею регионального славянского союза, которая становится одним из тактических средств борьбы за национальные интересы. В более слабом словацком движении, напротив, усиливается защитная функция панславизма, приобретающего выраженные политические черты. Идеология "всеславистства", строящаяся на идее совместных действий всех славян и России, была необходима слабому славянскому движению. По мере национального развития отказ от нее, как от ведущей политической концепции, был неизбежен в пользу национальных интересов.

I. Hroch II. Evropská národní hnutí v 19. století. Praha, 1986.
s. 297-313.

2. Kimball S.B. *The Austro-Slav Revival*. Philadelphia, 1973. P. 21-39, 46-64.
3. *Práhled dějin Československa*. Praha, 1982. V.1/2. S. 514-520.
4. Волков В.К. К вопросу о происхождении терминов "пангерманизм" и "панславизм" //Славяно-германские культурные связи. - М., 1969. - С.47.
5. Tobolka Z. *František Palacký jako politik a historik*. Vincobrady, 1898. S. 30. Šesták M. Štastný V. České slovanství v boji proti dualismu // *Československá slavistika*, 1988. S. 266.
6. Освободительные движения народов Австрийской империи. М., 1981. - С.240.
7. Lúdovít Štúr und die slawische Wechselseitigkeit. Bratislava, 1969. S. 361-421.

И.М.ДАЛИНА

"ВЕЛИКАЯ ИДЕЯ" НА БАЛКАНАХ
(вторая половина XIX – начало XX вв.)

Для раскрытия природы балканского (великосербского, великоболгарского, великогреческого, великорумянского) национализма существенное значение имеет анализ внутреннего идеально-психологического механизма его возникновения и эволюции. При этом типологический подход предоставляет несомненно большие возможности, чем изучение этих проблем на материале отдельных стран. Правомерность такой постановки вопроса определена типологической общностью механизма становления наций в Царо-Восточной Европе, спецификой зависимости от Османской империи, существенным образом отразившейся на условиях социально-экономического развития балканских народов. Этот способ обстрагированы предполагает нахождение некоторых основных форм, отражающих реальные процессы, хотя и не существующих в действительности в чистом виде.

Речь идет об изучении certain типов национализма в

странах исторически запаздывающего буржуазного развития¹. В регионах "вторичного капитализма", каким являлись Балканы XIX в., при преобладании традиционных структур этот тип национализма складывался как специфический идеино-культурный комплекс, выполняющий определенную задачу - обеспечить преодоление отсталости, служить импульсом развития становящейся нации. Для этого типа национализма характерен осознание отсталости одновременно со всемерным воззванием своего народа, его прошлого, культуры. Сознание ущербности при соприкосновении с более развитыми цивилизациями, которые выступают либо в качестве примера, либо внешней угрозы, потребность в идеино-культурной компенсации определяют механизм возникновения и характер национальной идеологии.

Кризис феодальной системы, появление ростков капиталистических отношений, опредяющее развитие Балкан по сравнению с этническими турецкими районами² составляли социально-экономическую основу процесса развития наций в Юго-Восточной Европе. В этом процессе можно выделить несколько этапов, для которых характерны определенные идеологические формы. На первом, приблизительно до конца XVIII - начала XIX в., преобладало воздействие идей Просвещения, а на втором, до 70-х годов XIX в., происходило утверждение национальных концепций³.

Осмысление опыта, накопленного в духовной области передовыми народами Европы, пошло на Балканах по линии игнорирования проблем индивида и индивидуальной активности (в частности, в плане правовых предпосылок и гарантий этой активности) к выработке качественно нового идеино-культурного феномена.

Общий для стран Юго-Восточной Европы становится "принцип перевода общих философских постулатов в национальные категории"⁴, замены идей европейского Просвещения идеями национального романтизма. Просветительский гуманизм отставших в социально-экономическом развитии обществ оказался направленным на защиту и обоснование требований свободы для материального и духовного развития падин как

единого целого⁵. Это ключевой момент, определивший в конечном счете процессы становления индустриальной цивилизации в Царско-Восточной Европе. Социально-экономические и политические программы, призванные придать новые импульсы общественно-культурному развитию балканских народов, оказались подчиненными национальной идеи. Национализм, таким образом, явился неизбежным и функционально необходимым в общественном развитии стран "вторичного капитализма".

Процесс складывания национальных идеологий в балканских странах завершился, т.е. воплотился в конкретные политические программы одновременно: в Сербии, Греции – в 40-е годы XIX в., в Болгарии – в период Боснийского кризиса, в Румынии – в период первой мировой войны. К этому времени идеи "Великой Сербии", "Великой Греции", "Великой Болгарии", "Великой Румынии" были выведены из сферы научных и литературных построений и сформулированы в качестве конкретной политической доктрины.

Очевидно, что "Великая идея" как организованное идеино-политическое течение оформляется на том этапе исторического развития, когда национальные движения достигают существенной высоты, когда открыто поднимается вопрос о завершении национально-государственного строительства.

Попытаемся определить балканский национализм как относительно систематизированную совокупность взглядов. В состав идеологического комплекса входили идеи, описывающие и оценивающие исторический опыт нации, а также выводящие из этих идей директивы действий. "Обозначающими" идеями балканского национализма стали следующие: – провозглашение нации высшей ценностью, при этом реальным воплощением ее представляло государство, прочное изнутри, способное осуществлять широкую экспансию (государство как цель и средство); – апелляция к "суду истории", рассуждения об особой "исторической миссии", выдвижение "исторических прав" как аргумента для территориальных притязаний;

– идеализация прошлого, обращение к временам былого величия, "золотому веку", призыв пробудить у соотечественни-

- ков национальный "дух" и "гений";
- подчеркивание древности цивилизации и континуитета народа, создание территориальных представлений о "законной" или "идеальной" родине;
 - формирование у нации предвоенного сознания, в качестве его наиболее эффективного элемента - образов "национального врага" и "партнера", определение иерархии "врагов и союзников".

Носителем "Великой идеи" являлась довольно разнородная по социальному положению "группа идеологов", к которой следует отнести представителей интеллигенции, создателей и руководителей политических партий, общественных деятелей⁶.

Во внутривеликобританском плане гегемонистские программы были направлены на превращение национальной идеи в инструмент развития нации в социально-экономическом и культурном аспектах, в средство политизации масс. "Великая идея" оказала существенное влияние на различные сферы общественной жизни: идеально-политическую, государственно-правовую, языково-культурную. Вся политическая символика стала немыслимой без национального принципа. В то же самое время "Великая идея" определила создание системы неравноправных национальных отношений в рамках государства, усиление авторитарного режима и т.д. К концу XIX в. "Великая идея" опладела различными социальными слоями, политическими партиями и группировками в балканских государствах, она находилась в активе, помимо всех юридических и фактических полномочий, балканских монархов, которые по существу, отали ее "знаменем" (примечательно, что в Греции, Румынии и Болгарии монархи были иностранцы).

Национализм приобретал все большее значение во всей системе мировоззрения, определяя взгляды и представления различных социальных групп о роли, которую они должны играть в процессе поисков пути национального развития.

Во внешнеполитическом плане "Великая идея" отразила стремление каждого из независимых балканских государств к военно-политическому преобладанию в регионе. Чрезвычай-

но силное воздействие на ускоренное формирование гегемонистских программ оказывала идеально-политическая борьба вокруг проблем "национального единства". Концепция "идеального" отечества, исходившая из модели государства в период его наибольшего территориального расширения (Византийская империя, царство Стефана Душана, Болгарские государства, кратковременное объединение Валахии, Молдавии и Трансильвании Михаэем Арабией) ставила конкретную политическую задачу - объединение всех "своих" земель в суверенное государство.

Специфическая проблема юго-восточной Европы состояла в том, что "идеальное" родина каждой нации, как правило, пересекала границы "идеальных" отечеств других народов.

Невозможность и острота территориальных конфликтов определили неподъемность, изогнутость, нереалистический характер внешней политики Греции, Сербии, Болгарии, Румынии конца XIX - начала XX в. Попытки осуществления "великих идей" вызвали балканские государства как в прямые межгосударственные конфликты (сербо-болгарский 1885 г., Балканской войны 1913 г.), так и в "скрытые" (нелегальная поддержка национальных движений на территории соседних государств, деятельность различных лиг и обществ, церковная борьба).

Известный авантюризм, обусловленный существованием широких "войниц" между далеко идущими целями и ограниченными экономическими и военными возможностями имел, однако, под собой реальные обоснования. При благоприятном стечении обстоятельств и внешней поддержке баланс сил в регионе могло быть изменено. Относительная малочисленность и политическая слабость каждого народа в отдельности, в связи с чем настоятельной необходимостью стали поиски союзников, объясняет возникновение ядер международного сотрудничества⁷.

Для осуществления общирных внешнеполитических программ балканские государства спирались на поддержку великих держав. Однако создаваемые отношения основывались

лишь на конъюнктурных соображениях, политические "привязанности" не носили "вечного" характера.

Будучи относительно единими в понимании национально-государственных интересов, различные круги исходили из собственных представлений о политических возможностях воплощения этих интересов. Отсюда смена внешнеполитических ориентаций и довольно резкие повороты в общественном мнении балканских государств по отношению к той или иной державе (например, массовому сознанию были свойственны более или менее устойчивые стереотипы).

Рассмотрение балканского национализма как идеологического комплекса и путей его государственного воплощения позволяет определить его как форму, характерную для региона "вторичного капитализма". Роль национализма в модернизации обществ, отставших в социально-экономическом развитии, как показывает балканский материал, двойственна: с одной стороны, получение возможности наиболее эффективного использования резервов для форсированной экономической модернизации, с другой, торможение демократических процессов, укрепление авторитарных режимов, рост милитаризма, усиление экономической и политической зависимости от стран "первичного капитализма", что в конечном счете вело к еще большему отдалению от европейского "эталона".

Потенциальная способность к быстрому рывку в национальном развитии (т.е. возможность усваивать достижения развитых стран, начинать сразу с высокой фазы развития, достигнутой другими нациями), на Балканах реализована не была. Причины, по-видимому, заключаются в отсутствии развитой культурно-цивилизационной основы, длительной социально-экономической отсталости, нарастающем экономическом и политическом давлении со стороны государств "первичного капитализма".

Изложенные в данной работе тезисы должны рассматриваться лишь как предварительные, они выдвинуты в порядке постановки вопроса. Центральная проблема, подлежащая решению, возможно, состоит в том, насколько национальные программы учитывали национально-государственные интересы, в

какой мере они могли способствовать созданию механизмы самоорганизации нации, т.е., в конечном счете, успеху модернизации. Решение этой проблемы требует сравнительного анализа типов национализма при различных вариантах социально-экономического развития.

Представляется необходимой также конкретно-историческая разработка проблем балканского национализма как регионального варианта: изучение взаимосвязи национальных идеологий, изучение особенностей психологии балканских народов, роли религии и церкви как объединительного элемента, способов включения их в национальную идеологию.

1. О проблеме выделения особого типа национализма См.: Пашин И.К., Плищик Е.Р., Лорос В.Г. Революционная традиция в России: 1783-1883 гг. - М., 1986; Рыжиковский Е.Б., Лорос В.Г. Проблема "Запад-Россия-Восток" в философском наследии П.Я.Чаадаева // "Восток-Запад". - М., 1988.
2. Виноградов В.Н. Процессы образования государств в Центрально-Восточной Европе в XIX - начале XX в. (Некоторые проблемы типологии. Соотношение внутренних и внешних факторов) // Балканские исследования. - М., 1984. - Вып.9. - С.88.
3. Кильников А.С. К вопросу о формировании национального самосознания в период складывания наций в Центральной и Центрально-Восточной Европе // Формирование наций в Центральной и Центрально-Восточной Европе. - М., 1981. - С.223.
4. Богданова И.А. Просвещение как начальный этап формирования национальных культур // Формирование национальных культур в странах Центральной и Центрально-Восточной Европы. - М., 1977. - С.61.
5. Там же. С.64.
6. Калибинский С. Опыт исследования социальной структуры польского общества в XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Центрально-Восточной Европы. - М., 1982. - С.32.

7. Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XIX - 70-е годы XIX в.). - М., 1986. - С. 424.

В. П. МЕНЦИКОВ
С. П. ЦЕМЛЯСТРЕНКО

БОРЬБА ГРЕЧЕСКИХ ПРАВИЩИХ КРУГОВ ЗА РЕШЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В 70-90-е гг. XIX в.

Проблема соотношения мирных и немирных путей решения национального вопроса продолжает оставаться одной из наиболее актуальных в современной исторической науке. История Греции в новое время содержит богатый материал для изучения этой проблемы, поскольку народ этой страны в течение почти целого столетия вел борьбу за воссоединение всех искоинно греческих земель. В процессе этой борьбы постепенно оформились две основные тенденции, отражающие два разных подхода греческих правящих кругов к решению национального вопроса. Первую из них можно условно назвать тенденцией "органической работы", понятием, заимствованным из политики. С известными оговорками это понятие может быть использовано и при изучении истории независимого греческого государства последней трети XIX в. При этом греческий вариант "органической работы" следовало бы, на наш взгляд, определить как теоретическую и практическую деятельность определенных политических сил в Греции, направленную на создание достаточной материальной базы, на основе которой при благоприятных международных условиях могло состояться объединение всей греческой нации. Вторую тенденцию можно также условно назвать тенденцией "вооруженной борьбы" и определить как стремление правящих кругов страны решить все национальные проблемы силой оружия, кевзирая на экономическую и военную слабость Греции. Обе тенденции в реальной истории сосуществовали одновременно, переплетаясь и оказывая взаимное влияние друг на друга. Исследование вы-

тенденций позволяет, на наш взгляд, объяснить с новых позиций многие известные события истории Греции последней трети XIX в. Выбор хронологических рамок исследования определяется тем, что именно в этот период и первая, и вторая тенденции получили наиболее яркое выражение.

Анализу внешнеполитической деятельности правящих кругов Греции последней трети XIX в. в данной статье предшествует рассмотрение экономического и внутреннополитического положения страны. Это дает возможность показать объективную обусловленность проявления и столкновения двух данных тенденций в историческом развитии греческого государства.

* * *

К 70-м гг. XIX в. Греция представляла собой небольшое государство на юге Балканского полуострова. Основной отраслью экономики страны было сельское хозяйство. Его характерной особенностью в последней трети XIX в. было сочетание старых, полуфеодальных и новых, капиталистических отношений в деревне. До 1871 г. большая часть обрабатываемых земель в стране принадлежала помещикам — чиртликовладельцам и государству, игравшему роль "коллективного феодала" по отношению к мелким землевладельцам. В результате аграрной реформы, начатой в 1871 г. правительством А. Кумундуроса и продолженной в 80-е гг. XIX в. Х. Трикуписом государство передало крестьянам 50 тыс. га земель, на которых возникли хозяйства фермерского типа¹. Но несмотря на это, аграрный вопрос в стране не был решен, основная масса земель продолжало оставаться в руках помещиков². Помещичьи круги, обладая значительной экономической базой, во многом определяли как внутреннюю, так и внешнюю политику страны. К середине 60-х гг. XIX в. оформился политический союз этих кругов с торгово-финансовой буржуазией, политическая роль которой также базировалась на крепком экономическом фундаменте. Внешняя торговля являлась второй по значению после сельского хозяйства сферой приложения сил и капитолов в экономике страны, греческие торговцы занимали гос-

подствующее положение в черноморской и дунайской торговле. Начиная с 70-х гг. XIX в. наблюдается приток иностранных и греческих капиталов, размощенных рацио за границей, в страну, что было связано с высоким процентом прибыли с капитала, доходившим до 30-40%³. Кроме того, греческое правительство было заморожено в займах для финансирования проектов развития инфраструктуры и военных программ. В 80 - начале 90-х гг. XIX в. Греция получила шесть займов на сумму в 630 млн. золотых франков, что явилось в конечном итоге причиной экономической и политической зависимости страны от держав-кредиторов, прежде всего Англии и Франции.

В 70-90-х гг. XIX в. наблюдается оживление в развитии греческой промышленности. Это было связано с попыткой модернизации национальной экономики, предпринятой в этот период греческим государством. Капиталистическое развитие рассматривалось правящими кругами, как средство для национального объединения и осуществления "Великой идеи" - программы, предусматривающей создание Великой Греции в рамках бывшей Византийской империи. В стране складывались предпосылки промышленного переворота: начинается крупномасштабное железнодорожное строительство, создаются фабрики, оснащенные механическими двигателями. Однако степень развития промышленности не следует преувеличивать, равно как и уровень развития капитализма в стране.

В 70-90-е гг. XIX в. Греция продолжала оставаться слаборазвитым аграрным государством. Замедленные темпы развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве страны предопределили экономическое и политическое господство помещичьих кругов и связанных с ними представителей торговой и финансовой буржуазии. Развитие капитализма происходило прежде всего в торговле и в сфере финансово-кредитной деятельности. Национальная промышленность, несмотря на определенные успехи легкой и добывающей промышленности, находилась еще в зачаточном состоянии. Банковский капитал в Греции, уклоняющийся от вложения средств в

промышленность, недостаточно стимулировал развитие производительных сил в стране. Благоприятные условия способствовали активному проникновению в Грецию иностранного капитала, прежде всего английского и французского, который занял в этот период господствующее положение в ряде отраслей греческой экономики. Последнее обстоятельство в значительной степени предопределило внешнеполитическую ориентацию греческих правящих кругов.

Экономическая отсталость Греции накладывала отпечаток и на внутриполитическое положение в стране. В период своего становления (30-60-е гг. XIX в.) торговля и финансировал буржуазия вела ожесточенную борьбу за власть с монархом и землевладельческой аристократией. Эта борьба имела прогрессивный характер. Ее этапами стали буржуазно-национальные революции 1843 и 1862 гг., в результате которых буржуазии удалось пробиться к власти и ограничить власть короля конституциями 1843 и 1864 гг. Несмотря на эти ограничения, король Георг I (1863-1913), искусно лавируя между различными группировками правящего класса, сумел добиться относительной независимости своей власти от конституционных учреждений.

Необходимо отметить также и то, что в греческом общественном сознании на протяжении всего XIX в. монарх независимо от его происхождения⁴ рассматривался, как "знамя" национального возрождения. Это давало королю дополнительные возможности для политических маневров. Что же касается расслановки политических сил после 1875 г., то нам хотелось бы отметить, что лицо политической жизни страны определяли главным образом две "партии личностей"⁵. Помощники,

⁴ Георг I по своему происхождению был датчанином (династия Глюксбургов), его предшественник Оттон I - баварцем (династия Виттельсбахов) (1832-1862).

⁵ "Партии личностей" - группировки, не имевшие четко оформленной внутриполитической программы и объединившиеся в парламенте вокруг какого-либо известного политического деятеля.

представители банковского и торгового капитала поддерживали А.Кумундуроса (а после его смерти - с 1883 г. - Т.Делияниса). Эта группировка была самой значительной силой во второй половине 70-х гг. XIX в. В 80-х гг. XIX в. вследствие относительно быстрых темпов экономического (прежде всего - промышленного) развития страны из первых роли выходит группировка А.Трикуписа, опиравшаяся на промышленную буржуазию, большую часть интеллигенции и зажиточные слои крестьянства, а также тех представителей торгово-финансовой буржуазии и помещичьей олигархии, которые связывали свои внешнеполитические планы с экономическим развитием государства. Необходимо подчеркнуть, что по внешней политике Греции во второй половине 70-х - начале 80-х гг. XIX в. проявляется весьма характерная тенденция: учитывая экономическую и военную слабость страны, правящие круги пытаются разрешить национальный вопрос преимущественно мирным путем. Полагаясь на благосклонное отношение держав, прежде всего Англии, пытающейся играть на противоречиях между ними, они в то же время собирают силы для реализации в судьбам "Большой идеи". Такая политика была присуща как группировке А.Трикуписа, так и "партии" А.Кумундуроса - Т.Делияниса (за исключением нескольких кризисных моментов в 1878 и 1885-1886 гг.).

Как известно, Греция, в отличие от других балканских государств, получила независимость в 1830 г., после девяносты лет упорной освободительной борьбы. Однако не все исторически греческие земли вошли в состав независимого греческого государства. Под властью султана остались очень важные в экономическом отношении и многогодичные, населенные по преимуществу греками, провинции - Фессалия, Эпир, Крит, Южная Македония и др. Борьба за их воссоединение красной нитью проходит через всю историю новой Греции вплоть до Балканских войн XIX века. Идеологическим обоснованием этой борьбы у господствующих классов стала националистическая программа, получившая название "Большая идея". Эта программа предполагала объединение всего альянзата⁴ и

программа предполагала объединение всего эллинизма³ и создание, как уже отмечалось выше, Великой Греции в рамках бывшей Византийской империи.

Социальная база мегалитов (т.е. сторонников "Великой идеи") в народе была весьма широка. Практически все слои населения Греции были заинтересованы в осуществлении этой программы, вкладывая в нее свое содержание. Торгово-финансовые круги выступали за присоединение к Греции тех земель, которые входили в зону их экономических интересов⁴. То же можно сказать и о промышленной буржуазии, которая, начиная с 70-х гг. XIX в., делает попытки выхода на внешний рынок, особенно в Европейской Турции, поскольку на внутреннем сильную конкуренцию ей составляла английская и французская буржуазия. Помощники и крестьяне стремились (и в этом смыкались их интересы) к решению аграрного вопроса за счет новых земель, отобранных у Османской империи.

Линия водораздела среди сторонников "Великой идеи" проходила по вопросу о том, какими методами следует проводить ее осуществление. Важно отметить, что вначале (40-е - 60-е гг. XIX в.) причиной этих разногласий была различная внешнеполитическая ориентация отдельных группировок греческих правящих кругов. Особую остроту они приобрели в период Крымской войны. Русофилы (сторонники "русской партии")⁵ выступали за активный внешнеполити-

³ В греческую нацию - эллинизм, как называли ее сами греки, - входили как греки, проживавшие на территории независимого греческого государства, так и на территории Османской империи. Кроме того, в различных уголках Европы, Азии и Африки существовали греческие колонии, население которых считало себя составной частью греческой нации.

⁴ До 60-х гг. XIX в. политические деятели поддерживали тот или иной внешнеполитический курс, связанный с ориентацией на одну из трех держав - Англию, Францию или Россию. Позже на смену "русской", "французской" и "английской" партиям пришли "партии личностей".

ческий курс: поддержку восставшего греческого населения Османской империи, вступление в войну на стороне России. "Франко-или" штались добиться решения национального вопроса, полагаясь на доброжелательное отношение держав при соблюдении Грецией нейтралитета. Обе эти "партии" ратовали за скорейшее осуществление "Большой идеи". Иной путь предлагала "английская партия". Ее лидер А.Маврокордатос, высказался за то, чтобы создать вначале экономические и политические предпосылки для ведения активной внешней политики, укрепить страну в военном отношении. Такая позиция отвечала политике Англии, пытающейся удержать Грецию от вступления в любой военный конфликт на Балканах, а также взглядам трезво мыслящих представителей буржуазно-помещичьих кругов⁵.

Таким образом, начиная с середины 50-х гг. в Греции закладываются предпосылки "органической работы". Здесь следует сразу оговорить, что в отличие отпольского, греческий вариант "органической работы" никогда не существовал в виде разработанной политической программы. Это была объективно обусловленная, имевшая прагматический характер тенденция, в большей или меньшей степени присущая деятельности той или иной группировки правящих кругов. Выделение данной тенденции в одну из определяющих мы можем отнести к рубежу 60-70-х гг., когда в результате изменения в системе "политических партий" Греции наряду с внешнеполитическим фактором источником разногласий между ними становится также фактор экономический, а различия между партиями постепенно начинают носить классовый характер. В большей степени "органическая работа" присуща деятельности той "партии", которая в какой-то степени выражала интересы промышленной буржуазии, а во внешней политике следовала проанглийской ориентации (как, например, "партии" Э.Делигиориса-Х.Трикуписа в 70-х гг. XIX в. и Трикуписа в 80-х - начале 90-х гг. XIX в.). Однако она была характерна и для других "партий", опиравшихся на феодально-помещичьи круги и торговую-финансовую буржуазию, в том случае, когда они из тактических соображений делали став-

ку на Англию, либо осознавали объективные потребности государства.

В этом плане интерес, на наш взгляд, представляют деятельность группировки А.Кумандуроса-Т.Делияниса в 70-х гг. XIX в. Пытавший симпатии в России А.Кумандурос выступает за участие Греции в русско-турецкой войне, однако, осознавая бедственное экономическое и военное положение страны, поддерживает нейтралитет, одновременно со-действуя развитию капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. В особо кризисные моменты второй половины 70-х гг. XIX в. на его позицию существенное влияние оказывал Т.Делиянис, в то время твердый сторонник проанглийской ориентации и нейтралитета Греции. А поскольку группировка А.Кумандуроса -Т.Делияниса находилась у руля политической жизни страны на протяжении длительного времени (во второй половине 70-х гг. XIX в. чаще, чем другие "партии"), поскольку в ее деятельности объективно проявляются тенденция "органической работы", независимо от субъективных устремлений того или иного ее политического лидера. Еще раз подчеркнем, что эта тенденция, как впрочем и тенденция "вооруженной борьбы", была характерна для всех без исключения "партий". Речь идет лишь о большей или меньшей степени ее проявления в их практической деятельности, создательном или вынужденном характере проявления соответствующей политики.

и и и

Как известно, Греция не приняла участия в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на стороне России. Тем не менее, ей удалось на Берлинском конгрессе при содействии России и Франции, добиться решения о пересмотре греко-турецкой границы в свою пользу. Это позволило Греции в 1881 г. присоединить Фессалию и часть Эпира. И хотя вне рамок независимого греческого государства остался еще ряд областей со значительным греческим населением (почти весь Эпир, Юная Македония, Крит и острова Эгейского архипелага), тем не менее правящие круги страны спрашивали-

во рассматривали достигнутое как успех, причем мирный путь воссоединения в значительной степени укрепил позиции сторонников "органической работы", породив в то же время иллюзии относительной легкости борьбы с Османской империей и возможности в одиночку добиваться подобных успехов в будущем. Стремление опираться на собственные силы в дело воссоединения всех греческих земель и осуществлены "великой идеи" привело к тому, что в 80-90-е гг. XIX в. правящие круги гораздо больше внимания уделяют проблемам внутреннего развития страны.

Экономический подъем в Греции в этот период был связан с деятельностью либерально настроенной группировки греческой буржуазии и капитализирующейся землевладельческой аристократии, возглавляемой известным политическим лидером Трикуписом. Во внешней политике эта группировка ориентировалась преимущественно на Англию и Францию. Как уже отмечалось выше, во внутреполитической жизни страны ей противостояла группировка Т. Делияниса, опиравшаяся на более консервативные круги греческого общества, в том числе на крупных землевладельцев — традиционалистов и крупную торговую-финансовую буржуазию. Внешнеполитическая ориентация этой группировки была более размытой; она всякий раз изменялась по мере необходимости: с Англии или Франции на Россию, и наоборот. Анализ практической деятельности "трикупистов" и "делиянистов" позволяет сделать вывод о существовании и борьбе в историческом развитии Греции двух более или менее ярко выраженных тенденций. Зародившись на рубеже 60-70-х гг. XIX в., они приобрели завершенные формы в 80-90-х гг. XIX в. Если Х. Трикупис олицетворял собой в эти годы тенденцию "органической работы", т. Т. Делиянис — тенденцию "вооруженной борьбы". Причем как и в 70-х гг. XIX в. обе эти тенденции могли проявляться во внутренней и внешней политике как первого, так и второго политического деятеля.

Одним из направлений "органической работы" в Греции в 80-90-е гг. XIX в., кроме преобразований в области эко-

номики, были также проводимые правительством Х. Трикуписа реформы в области государственного управления, образования и просвещения, а также - армии и флота. Греческий премьер-министр выступал за создание постоличной государственной администрации, независимой от смены политических лидеров и правительства, требовал соблюдения закона о несменяемости судей, уменьшил налогообложение некоторых категорий государственных служащих и офицеров греческой армии, принял закон, затруднявший назначение на те или иные государственные должности некомпетентных лиц. Был принят новый избирательный закон, который увеличил число избирателей и уменьшил количество депутатов⁶. Особое внимание Х. Трикупис уделял реорганизации армии и флота.

Проводимые правительством Х. Трикуписа реформы, и особенно перевооружение армии, требовали больших затрат. Со временем это привело к перерасходу государственных средств. Для того, чтобы избежать дефицита в государственном бюджете, премьер-министр ужесточил налоговую политику. Однако, несмотря на относительное увеличение государственных доходов, бюджет ежегодно продолжал сводиться с большим дефицитом. Это вынуждало Х. Трикуписа прибегать ко всем новым и новым займам, как внутри, так и вне страны. С 1880 г. по 1890 г. государственный долг Греции вырос в 2 раза: с 350 до 738 млн. драхм. К 1893 г. на выплату займов и процентов по ним ежегодно уходило до 40–45% бюджетных поступлений⁷.

Ускоренное экономическое развитие Греции, которое само по себе было положительным фактором, стало одной из причин хронического расстройства греческих финансов и роста государственного долга страны. Однако были и другие причины ухудшения состояния греческих финансов, связанные с изменением международной обстановки на Балканском полуострове в середине 80-х гг. XIX в. и со временными преобладанием тенденции "вооруженной борьбы" во внутривелической жизни Греции в этот период.

Восточный кризис 1885–1886 гг. пришелся как раз на то время, когда в Греции у власти находилось правительст-

во Т.Делиянниса (с апреля 1885 г. по май 1886 г.) - крайнего националиста, выступавшего за проведение активной внешней политики. "Делияннисты", в отличие от "трикупистов", направлявших свои усилия на создание необходимой материальной базы для завершения национального объединения, отдавали приоритет вооруженной борьбе за высшие национальные интересы, то есть за осуществление "великой идеи". Они выступали за немедленное присоединение Эпира, Македонии и Фракии. Достижение этой цели ошила подчинена их деятельность как внутри, так и вне страны. Многочисленные внутриполитические проблемы Греции - необходимость развития экономики и инфраструктуры, урегулирования финансов, проведения реформ государственного управления, армии и флота и др. - они считали второстепенными, по сравнению с главной задачей. Ставка Т.Делиянниса и его приверженцев на "вооруженную борьбу" препятствовала реализация планов "трикупистов" на преимущественно мирное, эволюционное развитие страны. Временное превладание первой тенденции над второй, курса на "вооруженную борьбу" над "органической работой", дорого обоходился Греции. Огромные расходы на мобилизацию армии и ее содержание под ружьем, как это было в 1880 г., 1885-1886 гг., а также участие в войне против Турции в 1897 г., поставившее страну на грань национальной катастрофы, в конечном счете тормозили поступательное развитие греческого государства.

В то время, как на территории независимого Греческого королевства усилия сторонников "органической работы" были направлены в основном на создание материальной базы, то на территории Македонии и других греческих земель, находившихся под властью Турции, их силы были прежде всего нацелены на создание духовных предпосылок национального объединения. Просветительская деятельность различных общественных организаций была одним из направлений греческого варианта "органической работы". В борьбе за национальное воссоединение греки широко использовали ненасильственные методы. В Македонии в 70-90-е гг. XIX в. был со-

лась настоящая "битва за умы" как греческого, так и славянского населения, объявленного "аллииами". Закрепили через образование в сознании местного населения идеалы аллинизма, греки подготовили благоприятную почву для захвата Македонии в будущем. Поддерживал националистическую пропаганду в Македонии, афинское правительство заявляло о своих притязаниях на эту территорию и одновременно демонстрировало Турции, великим державам и соседним балканским государствам косвенное присутствие Греции в этой части Османской империи.

Широкая пропаганда идеалов аллинизма среди славянского населения Македонии, территориально притязаний Греции на земли не только с греческим, но и славянским и албанским населением, греко-болгарские и греко-сербские противоречия из-за раздела сферы влияния в Македонии, а также другие явления свидетельствовали о деформации "великой идеи", о пытке смыть с течением времени ее демократических элементов и о возрастании в ней элементов великороджавых, националистических. В 80-90-е гг. XIX в. греко-славянское противостояние на Балканском полуострове приобрело ясно выраженную форму: от просветительской деятельности общественных организаций и вооруженной борьбы чет в Македонии, до малогосударственных столкновений по территориальным вопросам. На наш взгляд, это было связано с тем, что после Восточного кризиса 70-х гг. XIX в. греческие правящие круги значительно острее, чем раньше, стали осознавать опасность конкуренции в борьбе за турецкое наследство. Переоценка балканской политики отдельных великих держав и соседних балканских государств привела к установлению в греческом общественном мнении и в среде ведущих политических деятелей Греции своеобразной шкалы ценностей - "периодии врагов и союзников". Согласно ей врагами аллинизма, помимо Османской империи обявились также Болгария и Сербия, а заодно и покровительница южных славян Россия. Вышеописанные изменения в идеологии греческого национализма во многом определили внешнюю политику Греции в последние два десятилетия XIX в.

Тяжелое финансовое положение Греции, растущий государственный долг, невозможность в полном объеме выплачивать внутренние и внешние займы и проценты по ним вынудили правительство Х. Трикуписа в декабре 1893 г. объявить государственное банкротство. Этот шаг греческого правительства по существу означал временное поражение тенденции "органической работы", одним из слагаемых которой было привлечение иностранных капиталов в виде займов и частных вкладов для модернизации греческой экономики. Государственное банкротство 1893 г., ухудшив экономическое положение страны, сделало невозможным размещение новых займов за границей. Главными причинами временного поражения тенденции "органической работы" в ее греческом варианте были причины экономические: отсталая в экономическом отношении страна не выдержала ускоренного темпа социально-экономических преобразований, тем более, что значительная часть средств шла в непроизводственную сферу (на содержание государственного аппарата, на военные нужды и т.д.). Платежи иностранным кредиторам после декабря 1893 г. были на время приостановлены, а затем возобновлены, но уже в значительно меньших размерах (30% от необходимых). Государственное банкротство нанесло сильный удар по сторонникам "органической работы" в греческих правящих кругах, лишило их массовой социальной опоры, и, наоборот, усилило популярность приверженцев немедленной вооруженной борьбы с Турцией. Разочарование широких слоев в методах "органической работы" обусловило отход и обращение последних к методам "вооруженной борьбы".

В результате временного поражения и отступления сторонников "органической работы" на передний план в историческом развитии Греции в середине 90-х гг. XIX в. вышла тенденция "вооруженной борьбы", этому способствовали благоприятные международные обстоятельства. В начале 1896 г. на острове Крит вспыхнуло новое антитурецкое восстание, что сразу усилило позиции крайних националистов, возглавляемых Т. Делияннисом. Однако в 1896-1897 гг. методы "вооруженной борьбы" оказались несостоятельными. В войне

против Турции Греция потерпела сокрушительное поражение. Она была вынуждена уступить ей часть своей территории, выплатить большую военную контрибуцию и согласиться на установление в стране международного финансового контроля. Таким образом, платой за отказ от методов "органической работы" явилась частичная утрата Греческой национального суверенитета. В 1897 г. "непримиримые" потерпели крах потому, что они не принимали в расчет экономическую и военную отсталость Греции и не учитывали неблагоприятную международную конъюнктуру. В то же время им нельзя отказать в энергии и целеустремленности в реализации намеченных целей. В отличие от них "умеренные" были менее последовательными в своих действиях. Они сухивали цели "органической работы", подчинив ее реализации исключительно внешне-политических задач. Это предопределило временное поражение тенденции "органической работы" в Греции.

В свете этого тяжелого опыта Э. Венизелос - либеральный буржуазный политик, пришедший к власти в 1910 г., прежде всего попытался применить методы "органической работы" для радикального решения внутриполитических задач, а затем на этой базе успешно был решен национальный вопрос. В отличие от 80-х гг. XIX в., когда "органическая работа" существовала в виде объективной тенденции (реформы К. Трикуписа), реформы Э. Венизелоса осуществлялись вполне сознательно, на основе тщательно разработанной программы. Опыт последнего показал, что "вооруженная борьба" за завоевание национального объединения приносит успех⁴, если ее предшествуют глубинные, структурные преобразования всех сфер государственной и общественной жизни страны.

[1. Ιστορία του ελληνικού λαούς, τ. II; Αθήνα, 1977. с. 210.]

Димитров С., Мончев К. История на балканските народи, 1879-1918. София, 1975. - С.75.

⁴ Имеется ввиду, участие Греции в Балканских войнах 1912-1913 гг.

2. К 1914 г. 1000 крупным помоцникам принадлежало 35% обработываемых земель. - Νικολαΐδης Η. Πελέτσης πάγω στουν ελληνικούς τοποθεσίους. Αθήνα, 1976, с. 26.
3. Σεβορόνος Η. Επεικεπηση της υεοελληνικής επορίας. Αθήνα, 1981, с. 105—101.
4. Данова Н. Национализът въпрос във гръцките политически програми през XIX век. София, 1980. — С. 267.
5. Данова Н. Указ. соч., с.168-170; Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XIX — 70-е годы XIX в.). — М., 1986. — С.65-67.
6. Јорђевић В. Србија и Грчка 1891-1893. Београд, 1923. — С. 93.
7. Там же, с.102-103.

В.В.ХРОСОВА (ДУБРОВИНА)

СКЛАДЫВАНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО МЕХАНИЗМА В АВСТРО-ВЕНГРИИ И ПОЗИЦИИ ВЕНГЕРСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУТОВ

Переустройство Австрийской империи в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию, сочетавшую в себе элементы абсолютизма и конституционализма, включило в себя соответствующие преобразования механизма формирования и осуществления внешней политики. К участию в принятии основных внешнеполитических решений был допущен венгерский господствующий класс, имеющий свои специфические интересы в области внешней политики.

Соглашением 1867 г. внешнеполитические вопросы были признаны "общими делами"¹. Основополагающие внешнеполитические установки разрабатывало общее министерство иностранных дел во главе с общим министром, назначаемым и увольняемым императором и королем. В полномочия общего министра иностранных дел входило "дипломатическое и торговое представительство империи за границей и заключение международных трактатов с согласия и одобрения министерств обоих ее половин".

Каждое министерство должно было сообщать международные трактаты своему законодательному органу. Венгерский и австрийский парламенты обсуждали вопросы внешней политики, как правило, при обсуждении бюджета. Венгерское правительство было ответственно перед Государственным собранием. Премьер-министр обычно присутствовал на его заседаниях, и члены палат могли обратиться к нему с интерpellацией по международным вопросам.

Для контроля за ведением "общих дел" парламенты выделяли из своего состава специальные делегации по 50 человек каждой. Делегации обсуждали и утверждали общий бюджет и таким образом могли влиять на внешнюю политику. Как выразился один из венгерских делегатов, "Когда я голосую за бюджет, я... выражая одобрение внешнеполитическому курсу"². Это была не пустая фраза. До 1868 г. строгим контролем за военными расходами делегации чинили препятствия реформе армии, тем самым не давая возможности для подготовки реваншистов к войне с Пруссией. Не случайно Андраши в беседе с русским послом в Австрии Новиковым объясняет срочное доукомплектование австрийской армии в преддверии франко-пруссской войны опасностью вновь столкнуться с отказом делегаций в кредитах³.

Общий министр иностранных дел был ответствен перед делегациями. Бойст, первый министр иностранных дел дуалистической монархии, придавал большое значение позиции венгерской делегации. Он или сам присутствовал на ее заседаниях, или направлял туда представителя, имеющего высокий дипломатический ранг. С 1869 г. таким представителем, как правило, являлся барон Бела Орчи, уполномоченный венгерского правительства в министерстве иностранных дел. На большинстве заседаний делегации присутствовал первый премьер-министр Венгрии граф Дьюла Андраши.

Кардинальные вопросы внешнеполитической ориентации обсуждались и решались на общем совете министров или в особо важных случаях на Коронном совете под председательством монарха. Соглашение предусматривало обязательное

участие в обсуждении обоих премьер-министров, с согласия которых должны были приниматься окончательные решения по внешней политике. Как заявил Андраши на сессии венгерской делегации, "венгерский премьер-министр прямо ответствен за все, происходящее в области иношной политики"⁴. Последнее слово по внешнеполитическим вопросам принадлежало государю. Он мог вынести решение вопросы позиции большинства своих советников (обоих министров и глав австрийского и венгерского правительства). Так что наибольшую роль в определении внешнеполитического курса страны играло не столько соотношение сил в общем совете министров, соответственно Королевскому совету, сколько позиция императора и короля.

Международные соглашения должны были утверждаться на сессии венгерского Государственного собрания и соответственно австрийского Рейхсрата. Как заявил на заседании делегации один из депутатов, "по венгерской конституции нельзя проводить такую иношную политику, которую бы не одобрило большинство парламента"⁵. Однако было бы ошибкой преувеличивать значение подобного права. В компетенцию монарха входил созыв и распуск парламентов, т.ч. при желании он мог разогнать неугодный форум.

С другой стороны, и депутаты лишь начинают осознавать себя силой, способной влиять на определение внешнеполитического курса. Как свидетельствуют протоколы заседаний венгерского Государственного собрания, формой участия его членов в формировании внешней политики были лишь парламентские запросы и изложение своих точек зрения. Таким образом, парламент (наряду с прессой) прежде всего играл роль рупора общественного мнения.

Общественное мнение являлось важным фактором политической жизни Австро-Венгрии 60-х гг. XIX в., которое нельзя было игнорировать при проведении внешней политики. Государственные деятели, стремясь заручиться поддержкой общественного мнения, оказывали на него формирующее воздействие. Франц Иосиф I, признавая верховыше грамоты французского посла, не случайно замотыл, что нужно "в первую очередь подготовить общественность к союзу с Францией"⁶.

Бойст, осуществляя профранцузскую политику, пытался добиться одобрения праильных кругов Венгрии. Он обещал, ссылаясь на заверения Наполеона III, содействие Франции в решении проблем с Дунайскими княжествами, где в это время усилилось движение за аннексию Трансильвании.

Однако и таким шагом не удалось преодолеть венгерскую оппозицию в данном вопросе. Несмотря на традиционные симпатии к французам, уходящие корнями еще в эпоху реформ, а также страх перед антилиберальным режимом Бисмарка, венгры либералы отыскали не стремились в союз с Францией вылизываться в войну с Пруссией. Андраши еще во время встречи в Зальцбурге предупредил Наполеона III, чтобы тот в случае войны с Северо-Германским союзом не рассчитывал на венгров⁷, для которых однинаково отрицательно последствия будет иметь как победа, так и поражение Пруссии. (Победа этого агрессивного соседа привела бы к его чрезмерному усилению, а поражение – к созданию мощного сообщества немецких государств во главе с Австро-Венгрией и крушению дуализма).

Накануне франко-пруссской войны в политических кругах Будапешта сломилось мнение о необходимости коренной переориентации внешней политики империи на союз с Германией. Такую позицию занимали партия Левый центр во главе с Кальманом Тисой, а также большинство правительственный Партии Деака. Как заявил Тиса за заседании делегации, "в отношении внешней политики Австро-Венгрии в германском вопросе надо самым категорическим образом показать, что ...не может быть возврата к старому – к вмешательству в дела Пруссии. Кроме того, необходимо заключить договор с Северо-Германским союзом, суть которого будет в обоюдном соблюдении интересов и, если потребуется, во взаимной поддержке"⁸.

Стремясь урегулировать отношения с Пруссией, Андраши через итальянского посла в Вене предупредил Бисмарка, что, если тот будет продолжать поддерживать антивенгерские устремления Дунайских княжеств, венгерское правительство

присоединится к Вене и Парижу. Постающий перед альтернативой: Бухарест-Пешт, Бисмарк выбирает последний. Необходимость в союзе с Францией для Венгрии окончательно отпала.

Однако Бойст не теряет надежды добиться поддержки венгерских правящих кругов или хотя бы создать всплеск таковой. Он вошел в контакт с профаундистской фракцией Партии Долка, близкой к романтикам Дворцовой партии. В декабре 1868 г. член этой группы Даниэль Бикоп опубликовал в правительственной газете "Пошти напло" две статьи, в которых говорилось о том, что Венгрия будет смотреть на пересечение Пруссией линии Майна (т.е. на объединение с югом Германии), как на "клус болли", т.е. повод к войне Австро-Венгрии с Пруссией⁹.

Борясь с линией Йозефа, Андраши, при поддержке большинства в парламенте, потребовал дать опровержение заявленной, содержащейся в статьях. Партия Долка вынуждена была заявить, что статья Йигора выражает его личное мнение, но не позицию партии. Так же стремясь использовать прессу для пропаганды своей политики, Андраши попросил известного журналиста Мишку Залака осветить официальную позицию Венгрии в германском вопросе. "Пока Андраши — премьер-министр, Венгрия не предпримет ничего, чтобы удержать Пруссию от пересечения линии Майна", — было заявлено со страниц газеты "Поштор ллойд"¹⁰.

Венгерское общество с возмущением встретило известие о зальцбургской встрече Фрайца-Йосифа I с Наполеоном III. Депутат от Левого центра изгостиной писателю Мор Йокай на заседании парламента критиковал "прогокационную политику" Бойста, его стремление гноиться во внутренние дела других стран, имел щифту Пруссию. Он выразил также недовольство по поводу того, как Андраши отстаивает в общих органах монархии точку зрения венгерского парламента. Премьер-министр вынужден был неубедительно оправдываться, заявляя, что "монархия не хочет ничего, кроме мира"¹¹.

Однако Бойсту, сопровождавшему императора во время поездки в Хорватию, удалось заручиться его поддержкой в

своей профранцузской политике. Андраши был осенчен что-либо изменить, несмотря на яростные атаки депутатов парламента. Механизм принятых решений по вопросам внешней политики в Австро-Венгрии оставил министру иностранных дел возможность действовать в обход общественного мнения. И по прошествии прогерманской позиции венгров накануне франко-прусской войны не мешала Бойсту делать шаг за шагом по подготовке союза с Францией¹⁴.

Ситуацию в корне изменила начавшаяся война между Францией и Пруссией. В условиях войны сторонники рояльства уже не могли пренебречь позицией венгерского общества, т.к. для осуществления их планов требовалась не только поддержка, но и активное участие Венгрии. Как заявил Андраши на заседании венгерского Государственного собрания, не существовало опасности, "что монархия будет вымучена в войну без согласия венгерского парламента"¹⁵.

Венгерское общество единодушно высказалось за нейтралитет. Лозунг "тырдого нейтралитета" выдвинули все будапештские газеты. "У нас бесполезно ожидать какого-либо восторга по поводу участия во франко-прусской войне, нейтралитет и еще раз нейтралитет - вот единственный лозунг монархии в этом вопросе", - можно было прочитать в эти дни на страницах "Пешти наилло". Мнение газеты "Реформа", левого крыла Партии Доаки, которое поддержали политику "свободных рук" Бойста, было подвергнуто критике самим руководителем партии. Он заявил в парламенте, что правящая партия не имеет ничего общего с профранцузской позицией указанных членов партии¹⁴.

Венгерское Государственное собрание три раза в июле 1870 г. обсуждало сложившуюся ситуацию и пришло к выводу о возможности нарушения нейтралитета только после вступления в войну России. Выступая в палате представителей, Андраши в ответ на интерpellацию К. Тисса заявил о необходимости обеспечить оборонспособность монархии на случай войны. При всеобщем одобрении он закончил свою речь словами: "Долг правительства заботиться о том, чтобы независимость монархии... в случае войны не подвергалась опас-

ности... и зависела только от собственных сил." "Парламент почти единогласно проголосовал за подготовку к войне¹⁵.

Таким образом, когда на общем совете министров, состоявшемся 18 июля 1870 г., Андراши выступил со своей программой твердого нейтралитета, о котором следовало объявить в специальной ноте, о частичной мобилизации в целях обороны, за его спиной стоял практически весь венгерский правящий слой. Это придало его предложениям больший вес и не позволило Францу-Иосифу пренебречь ими. Несмотря на то, что остальные члены Общего совета министров с различными оговорками поддержали план Бойста (вооруженный нейтралитет как "единственное средство приблизиться к действительной цели внешней политики монархии, т.е. вступления в войну с Пруссией после соответствующей подготовки") - Франц-Иосиф, активный сторонник реванша, поддержал Андраши. В эти дни Бойст писал французскому дипломату Казо: "Я - Ваш друг, даже союзник, но бессилен что-либо изменить"¹⁷.

Наряду с практически единодушной позицией венгерской правящей верхушки, сиригской, бесспорно, решавшей роль в определении политики Австро-Венгрии в начале войны, немаловажное значение в этом имел и возросший личный авторитет Андраши, его влияние на императора. В дипломатических кругах складывалось убеждение, что позиция монархии теперь во многом зависит от Пешта, так как Андраши практически отстранил Бойста от руководства внешней политикой¹⁸. Как отметил французский консул в Пеште маркиз

Кастеллан, "...возросший авторитет графа Андраши среди советников Его императорского величества скоро заставит канцлера (Бойста - авт.) считаться со своим коллегой. Заявление венгерского премьер-министра французскому послу, что Франция не получит военной помощи от Австро-Венгрии несмотря на обещания Бойста, произвело международную сенсацию. Позиция Андраши особенно укрепилась в связи с явно неудачными попытками вывести монархию из дипломатической изоляции. Когда накануне войны Андраши в Вене, испроив аудиенции у Франца-Иосифа, указал в беседе с ним на

опасность политики Бойста и необходимость сохранить нейтралитет в случае войны, император вынужден был прислушаться к мнению главы венгерского кабинета.

Во время войны Андраши был столь влиятельной фигурой в политическом мире, что мог и не считаться в своих действиях с парламентским большинством. Осенью 1870 г., когда агрессивные намерения Пруссии в отношении Эльзаса и Лотарингии ни у кого не вызывали сомнения, венгерский "мощий свет" проникся франкофильскими настроениями. "Вся Европа с болью наблюдает за трагедией... благородной нации, с которой связали лучшие события из истории борьбы за буржуазную свободу и демократию", - так откликнулась на аннексию французских провинций правительственный газета. После Седана "Нешти напло"продупреждала о возможных последствиях политики немошательства, которая "приведет к тому, что мы, как созревший плод, упадем перед Гогенцоллернами на колени". Даже Калман Тиса, наиболее исследовательский сторонник пропрусской ориентации, отмечал в письме к Мору Нокам в сентябре 1870 г. опасность распространения в Европе "бисмаркализма"²⁰.

Однако, несмотря на взрыв возмущения в венгерском общественном мнении, Андраши продолжал ориентацию, на деле выгодную Пруссии. Он отклонил проект резолюции протеста против аннексии Эльзаса и Лотарингии, внесенный депутатом Даниэлем Ирани и заворил прусского посла, что он использует все свое влияние, чтобы монархия не противодействовала Пруссии²¹. Для осуществления своих планов он даже готов был пойти на соглашение с Россией, в то время дружественной Пруссии. На совете министров, состоявшемся 22 августа 1870 г., он с различными оговорками поддерживает идею сотрудничества с царем, выдвинутую Бойстом. Но, если Бойст с помощью России стремился добиться предотвращения аннексии французских территорий, то Андраши видел в этом облегчении перспективу союза с Пруссией.

Таким образом, несмотря на то, что элементы конституционализма в Австро-Венгрии позволили через представительские органы и прессу учитывать общественное мнение

при определении внешнеполитического курса, парламентская демократия по сути дела бездействовала и вопросы внешней политики продолжали решаться, в основном, старым, абсолютским способом. Решающее слово принадлежало монарху и особое значение имело то, к чьему мнению он прислушивался.

Несмотря на то, что австрийский и венгерский парламенты и их делегации получили право косвенно влиять на внешнюю политику, обсуждая и принимая бюджет, а парные парламенты кроме того пользовались правом давать или не давать согласие на ратификацию международных договоров Австро-Венгрии, представительские органы не имели решающего голоса в принятии внешнеполитических решений, а выполняли лишьсовещательные функции. С другой стороны, позиции парламента уже начинают учитывать при разработке внешнеполитической концепции и депутаты постепенно начали осознавать свою потенциальную роль в определении ее исходных пунктов.

Австро-венгерские государственные деятели, проводя свою линию, стремились заручиться поддержкой общественного мнения, однако государственно-правовой механизм позволял общему министру иностранных дел и обоим премьер-министрам действовать в обход общественности, опиралась лишь на поддержку монарха. Так, венгерский премьер-министр граф Д. Альфреди, будучи официально ответствен перед Государственным собранием, проводил на общих советах министров и Королевских советах свою собственную политику, нередко расходившуюся с позицией парламентского большинства. Однако он не мог полностью игнорировать представительные органы и считал необходимым с трибуны Государственного собрания всячески обосновывать свои действия, стремясь добиться поддержки.

Таким образом, существовавший в дуалистической монархии механизм формирования и осуществления внешней политики сочетал в себе элементы, с одной стороны, абсолютизма, а, с другой стороны, конституционализма. Он соответствовал зачаточному уровню развития буржуазного парламентаризма в Венгрии и в Австро-Венгерской монархии в це-

лом.

1. Здесь и далее цитаты из Соглашения см: *Corpus Juris Hungarici*, k.7, Вр., 1896, 334-344 old.
2. Delegació Napló, 1900, jan. 12.
3. Ширерсон Л.М. Франко-прусская война и Россия. Из истории русско-прусских и русско-французских отношений в 1867-1871 гг. - Минск, 1976. - С. 170.
4. Цит. по: Galántai J. Az 1867-es Kiegyezés. Вр., 1967, I23 old.
5. Delegació Napló, 1870, dec. 14.
6. *Les origines diplomatiques de la guerre de 1870-1871.* Р., 1931, v.29, p.726. (*Les origines...*)
7. Decay J. Prime Minister Gyula Andrássy's Influence on Habsburg Foreign Policy During the Franco-German war of 1870-1871. N.Y., 1979, p.47.
8. Delegació Napló, 1868, marc. 10.
9. Pesti Napló, 1868, dec. 5, 12.
10. Peuster Lloyd, 1868, dec. 24.
11. Gróf Andrássy Gyula beszédei. Вр., 1891, k. I, 283, 304 old. (Gróf Andrássy...)
12. Tapié V.L. Autour d'une tentative d'alliance entre la France et l'Autrich. 1867-1870. Р., 1971.
13. Gróf Andrássy..., p.3II.
14. Pesti Napló, 1870, jul. 14; Hon. 1870, jul. 16; Peuster Lloyd, 1870, Jul. 15; Reform, 1870, jul. 17; Kónyi M. Deák Ferenc beszédei. Вр., 1903, k. 6, 192 old.
15. Gróf Andrássy..., k. P., 336 old.
16. Díbszegi I. Austria-Magyarország és a Francia-Perusz háború 1870-1871. Вр., 1965, 72 old.
17. Цит. по: Decay J. Op.cit., p.92.
18. Архив внешней политики России, конц., 1870, л. 146, л. 372, 379; д. 146, л. 372, 379.
19. *Les origines...*, v.23, n 7157.
20. Pesti Napló, 1870, aug. 25; szepet. I, 3; okt. II.
21. Gróf Andrássy..., k. P., 359-361, 482 old.

Л.Е.ГОРИЗОНТОВ

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Эпоха перехода от феодализма к капитализму на землях Центральной и Юго-Восточной Европы и проблематика эволюции социальных структур в том числе не обделены вниманием советских историков. Вряд ли ошибемся, сказав, что в постановке многих вопросов и разработке терминологического аппарата слависты и балканисты значительно опередили своих коллег, занимающихся отечественной историей XIX века. Такое положение вещей не только результат тесного общения наших ученых с исследователями из социалистических стран, но и плод велущихся на протяжении почти двух десятилетий оригинальных сравнительно-исторических штудий переходного периода. В настоящее время они как никогда нуждаются в дополнительном монографическом обеспечении, стривоведческих данных, способных послужить материалом для нового уровня обобщений. Вместе с тем ввиду отсутствия труда, который бы обобщил уже наработанное нашей наукой¹, продолжается обсуждение разнообразных теоретико-методологических аспектов перехода от феодализма к капитализму². Некоторым соображениям на этот счет и посвящено настоящее сообщение, в основу котороголожен наиболее близкий автору польский материал.

При анализе динамики социальных структур конца XVIII - первой половины XIX в. справедливо подчеркивается главное направление происходящих изменений - традиционное деление общества на феодальные сословия постепенно вытесняется противостоянием классов капиталистической формации. Менее обоснована верхняя грань переходного периода и изучены механизмы, обеспечивающие длительное противоречивое сосуществование старого и нового. При этом содержание соответствующих процессов далеко не полно описывается широко распространенными понятиями "обуржуазивание" и "пролетаризация".

Приходя всего более глубокого осмысливания требует то обстоятельство, что непосредственным продуктом разложения феодальных структур были социальные элементы переходного типа, весьма далекие от классического буржуазного эталона. Атрибуция их формационно-стадиальной принадлежности предстаивает значительные трудности. Весьма расходятся между собой, например, оценки социально-правового положения крестьян ^{стадии} центральной части Польши в первой половине XIX в., когда, еще не сделавшись собственником земли, оно получило личную свободу из рук победоносного Бонапарта. Там, где З. Станкевич видит важный шаг в складывании предпосылок для капитализма, Я. Лескевичева склонна усматривать практическое продолжение прежнего крепостничества³. Неоднозначный характер имело дореформенное предпринимательство помоек, которое, хотя и реализовывало накопления, полученные от эксплуатации крестьян, зачастую сопровождалось существенным изменением формы последней и вносило большой вклад в капиталистическую индустриализацию. В городах выраженные чертами переходности обладали так называемые ремесленные рабочие. Социальная аморфность многих слоев общества могла со временем не исчезать, а консервироваться; прочно интегрируясь в систему общественных связей новой эпохи. Эта историческая перспектива, чрезвычайно важными политическими последствиями, заставляет считать создание типологии переходных социальных типов актуальной задачей специалистов по Восточной Европе.

Социальную мобильность переходного периода вообще едва ли правомерно однозначно сводить к обуржуазиванию одних и пролетаризации других слоев общества. Дело в том, что традиционные общественные структуры еще обладали большими возможностями самовоспроизводства и даже немалой поглощающей способностью. Капиталистическая авантюризация нередко оказывалась обратной: обуржуазивание и пролетаризация сочетались с проявлениями рефеодализации. Польские исследователи, например, отмечают постоянный оживленный взаимообмен между такими группами разлагавшегося шляхетского сословия, как земельладельцы-помощники, крупные

арендаторы и экономи-официалисты. Крестьянин, в том числе безземельный, за свою жизнь также мог несколько раз изменить имущественно-правовой статус⁴. Значительную роль в преодолении социальной деградации играл субъективный фактор - стремление крестьянства вернуть утраченный народ, а ремесленника - собственную мастерскую и положение в цехе. Молодая буржуазия, не стремясь к созданию собственных идеально-политических цеппостей и стиля жизни, как правило, ориентировалась на помочничью среду. Эти закономерности указывают на необходимость включить в программу изучения базисных явлений исследование менталитета различных социальных групп.

С чем же следует связывать разрушение своеобразного динамического равновесия между старым и новым, без учета которого, как нам кажется, модель переходного периода не будет соответствовать историческим реалиям? Формализованный водораздел принято датировать моментом обнародования аграрных законоположений. Но и они, сохранив малочисленные пережитки феодализма и, конечно, не сразу обеспечив качественному новому состоянию общества, не привели к формированию "чистых" социальных типов. Видимо, корректируя более сдержанно говорить о том, что крестьянские реформы лишь придали происходящим в общественном организме изменениям выраженную капиталистическую направленность.

Решение аграрного вопроса значительно варьировалось на землях Центральной и Цго-Восточной Европы. Хотя уже около тридцати лет назад на повестку дня нашей историографии ставилось "сравнительное исследование крестьянских реформ... к востоку от Эльбы"⁵, эта задача до сих пор не выполнена. Между тем в регионе имели место как реформы прусского типа, так и аграрные перевороты (Сербия, Болгария), решительно покончившие с помещичьим землевладением⁶. Подробного сопоставительного изучения заслуживают по крайней мере три крупные волны законодательных инициатив в крестьянском вопросе: преобразования и планы просвещенного абсолютизма, кульминацией которых стала юзефинские реформы 80-х годов XVIII столетия, новые аграрные по-

рядки, которым Восточная Европа была обязана наполеоновской Франции, и социально-экономические последствия Весны народов. Взятые во взаимном соотношении, они составляют как бы двигательный остов социальных структур переходной эпохи.

В дополнительном изучении нуждается еще один важный аспект рассматриваемой проблемы - влияние аграрных преобразований, приведших к становлению крестьянства-собственника, на рост национального самосознания населения. Вопрос этот имеет тем большее значение, что народы региона были лишены национально-государственной самостоятельности и, как правило, крестьянин получал землю из рук инонациональных властей, не в последнюю очередь рассчитывавших на ответную политическую лояльность своих подданных.

Уникальная этническая гетерогенность восточноевропейского региона осмыслена исследователями в категориях полной и неполной этносоциальных структур. Приставка "этно" в данной definicции несет важную смысловую нагрузку, поскольку речь идет не о классовой полноте или ущербности общества в целом, а об особенностях социального состава отдельных формирующихся наций. Указанный метод типологизации в настоящее время широко внедрен учеными-марксистами социалистических стран в исследовательскую практику, что, однако, не равнозначно их приоритету в его теоретической разработке, как это иногда утверждается нашими авторами. В действительности же концепцию полноты общественных структур на стадии формирования буржуазной нации следует считать итогом длительной работы научной, прежде всего философско-исторической мысли. Впервые в рамках своей историософской схемы классификацию народов по степени их "историчности" предложил Гегель. Четверть века спустя Ф. Энгельс наполнил гегелевские поиски исторических и неисторических народов социально-революционным содержанием, исходя из степени причастности каждой нации к процессу всестороннего обновления мира. Однако уже на рубеже XIX-XX веков видение теоретики социал-демократии поставили под

сомнению научную корректность концепции Энгельса⁷. Наиболее полно этот скепсис, разделенный и современными исследователями-марксистами, выразил в своей книге "Национальный вопрос и социал-демократия" О. Баэр. "Неисторическими, — писал он, — мы называем... нации лишь в том смысле, что в ту эпоху, когда носителями национальной культуры были только господствовавшие классы, эти нации не имели национально-культурной истории, не знали культурной эволюции"⁸. Оставляя без комментариев видение Баэром собственно историко-культурных проблем, подчеркнем главное: в приведенной цитате уже заложен краеугольный камень концепции — тезис об отсутствии национального господствующего класса дворян-землевладельцев у так называемых неисторических народов. Важно и то, что далее теоретик австро-марксизма пишет о превращении ионисторического народа в исторический по мере складывания в его недрах буржуазии и пролетариата.

По нашему убеждению, в гораздо большей степени, нежели до сих пор, исследователи социальных процессов должны иметь в поле своего зрения богатый мир раздумий современников о путях развития общества. Правда, у народов Центральной и Юго-Восточной Европы, лишенных национальной государственности, концепция его переустройства сравнительно редко получали возможность непосредственного влияния на действительность. И все же по многим соображениям было бы ошибочным игнорировать причастность общественной мысли к формированию новых социальных структур. Укажем лишь на достаточно распространенные в новое время⁹ необходимости для здоровья общественного организма "среднего сословия" и пагубности пролетаризации (пауперизации) народа. К "язве пролетариата" — перспективе роста численности рабочего класса — одинаково враждебно относились люди весьма разных общественно-политических взглядов и положений. В Королевстве Польском 40-х годов XIX века, например, по этому вопросу во многом солидаризировались гайдарынский генерал А. Я. Стороженко, англофил-латифундист А. Замойский и крупный теоретик польской демократической мысли Г. Каменский. Большое значение в этом по превышению "язви" при-

давали, как правило, и чиновные авторы аграрных законоположений: таким образом утопическое по своей природе представление становилось важным фактором формирования социальной действительности.

Как предмет исследования история общественной мысли далеко не исчерпана не только в связи с новой для нашей историографии постановкой проблем роли человеческого фактора в истории и альтернативности исторического развития. Она продолжает серьезные требования и к совершенствованию методологического аппарата, что обнаружили в частности еще не завершенные дискуссии о типологической атрибуции славянофильства и народничества⁹. По сути дела постепенно сталкиваются два подхода: одни исследователи основывают свои оценки на констатации объективно-классового содержания той или иной идеально-политической программы, другие исходят из реконструкции тех ценностных установок, которые в нее заложены¹⁰. Как показывает практика дискуссий, подобное противостояние позиций затрудняет решение многих научных вопросов. Принципиальным условием выхода из создавшегося тупика нам представляется обязательное лабораторное разграничение общественной мысли и общественного движения, что позволит проследить, с одной стороны, генезис, внутреннюю структуру и субъективную мотивацию идеальных систем, с другой, их объективную роль в жизни общества. Необходима ясность в том, что течения общественного движения, общественно-политические лагеря могут объединять представителей различных идеальных ориентаций. Типология общественной мысли, следовательно, не должна строиться исключительно на решении историческими деятелями отдельных, пусть даже чрезвычайно важных, практических вопросов. Естественно, сказанное ни в коей мере не означает призыва к отрыву мысли от действия: рассмотрение того, как идеальные представления о развитии общества переносятся в плоскость практических мер по его прообразованию, призвано вновь синтезировать эти две органически единые сферы, смешивание которых, однично, не способствует успеху ведущихся исследований.

Признание многообразия связей между социальными, этническими и идеологическими процессами не должно приводить к их искусственной подмене друг другом. Свидетельством того, что подобная опасность реально существует может служить статья Л.В.Кошман, посвященная складыванию русской буржуазной нации. Определения признаки нации, автор жестко соотносит завершение ее формирования с "наличием капиталистического уклада в рамках мануфактурной стадии в промышленности". С другой стороны, наряду с уровнем национального самосознания Л.В.Кошман включает в число показателей "зрелости" нации также "присутствие в общественном сознании буржуазных, антифеодальных идей"^{II}.

Даже далеко не полное и скучно аннотированное перечисление проблем, связанных так или иначе с социальными структурами переходного периода, показывает, что базисные явления требуют к себе пристального внимания историков. Очевидно, что наряду со ставшим дефицитным конкретными разработками необходимы теоретическое и историографическое осмысление ряда вопросов, координация со специалистами в области социальной психологии и общественной мысли, а также этнических процессов.

1. Речь идет прежде всего об издававшейся на протяжении более десяти лет серии "Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Проблемы истории и культуры".
2. Примером может служить дискуссия на страницах журнала "Новая и новейшая история", начатая публикацией статьи Т.М.Исламова и В.И.Фрейдзона "Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Некоторые решенные и дискуссионные проблемы" (1986, № 1).
3. Лескевичова Я. Социальная структура общества в Королевстве Польском (1815-1864) //Социальная структура общества в XIX в. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы. - М., 1982. - С.56, 59, 60; Stankiewicz Z. Szlachta -

- siermianie w świetle ankiety włóczęgińskiej 1814 r. // Ziemiaństwo polskie 1795-1945. Warszawa, 1985, s.87-89.
4. Przemiany społeczne w Królestwie Polskim 1815-1864. Wrocław 1979.
 5. Костышко И.И. Крестьянская реформа 1864 г. в Королевстве Польском. - М., 1962. - С.3-4.
 6. В советской историографии проблематика аграрных переворотов затрагивалась Е.П.Наумовым: Наумов Е.П. К истории аграрного переворота в Сербии в 30-х годах XIX века //Советское славяноведение, 1971. - № 5.
 7. Herod Ch.C. The Nation in the History of Marxian Thought. Martinus Nijhoff, 1976; Chlebowczyk J. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Warszawa; Kraków, 1983, s.21-22.
 8. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия. - СПб., 1909. - С.198.
 9. Последний по времени обзор споров вокруг славянофильства принадлежит перу В.А.Китаева: Китаев В.А. Славянофильство и либерализм //Вопросы истории. - 1989. - № 1.
 10. Удачным примером приложения второго подхода к конкретно-историческому материалу является книга Р.Людвидковского: Ludwikowski R.R. Główne partie polskiej myśli politycznej 1815-1890. Warszawa, 1982.
- II. Кошман Л.В. К вопросу о формировании русской буржуазной нации //История СССР. - 1986.-№ 5. - С.55, 57, 62.

А.И.МИЛЛЕР

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ XIX И НАЧАЛА XX ВВ.
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ШТО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Хелание встронуть в рамках этого небольшого текста ряд вопросов по национальным проблемам, обсуждение которых представляется мне полезным, вынуждает меня прибег-

нуть к тезисной форме изложения.

Первый мой тезис заключается в том, что тот слой лексики, которым мы пользуемся при разговоре о национальных проблемах, очень мало пригоден для этой цели. Он оккупирован и деформирован идеологией. Всякий, кто пытается говорить о национальных проблемах сколько-нибудь высвобождался из-под давления господствовавших в течение десятилетий схем, сразу обнаруживает ряд трудностей. Замечательным примером такого рода может служить сегодняшняя прибалтийская пресса, посылающая этим скандалам много внимания. Там столкнулись, например, с тем, что трудно адекватно перевести на литовский, латвийский, эстонский и русский западные тексты по национальной проблематике. Диагноз прибалтийской прессы поставил довольно верно: "Отказ от принятого во всем мире нейтрального терминологического смысла слова национализм заставляет нас все время подыскивать описательные слова-заменители - национальные чувства, национальное самосознание и т.д."¹ Но автор этих слов К.Скусис говорит здесь же: "Слово национализм слишком долго употреблялось произвольно, стало ярлыком, поводом для притеснений и преследований. Ленин употреблял этот термин в достаточно конкретном и нейтральном смысле и дифференцировал национализм большой и малой нации по степени их особенности, причем основную опасность видел именно в велико-державном национализме". Таким образом, К.Скусис снова погружается в плен привычных схем.

Недуг тяжелее, чем может показаться. Точный его анализ дал М.Н.Эштейн в работе "Способы воздействия идеологического высказывания"². Он показал, как используется конверсия, то есть создание парных понятий, которыми можно описывать одни и те же явления. Но при этом такие понятия имеют неотъемлемый антонимичный оценочный оттенок. Пример таких пар - миролюбие - пристречество, самостоятельность - бесконтрольность, патриотизм - национализм, интернационализм - космополитизм. Нетрудно заметить, что оценочный элемент неотъемлемо присутствует именно за счет фиксации таких оппозиций. В языковой структуре возникают

устойчивы, жесткие конструкции – тетрали, примером которых и является вот эта – национализм – патриотизм – космополитизм – интернационализм

Их возникновение и существование не является плодом чьего-либо заблуждения или индивидуального злого умысла – это результат идеологической индоктринации языка, давшей особенно тяжелые последствия в условиях тоталитарного общества. Как раз на этой тетраде видно, как неотвратимо она достраивалась из пары национализм-интернационализм в тетраду добавлением патриотизма накануне войны и космополитизма сразу после нее.

Это важно иметь в виду для того, чтобы у нас не возникло иллюзий, будто можно заимствовать конвенцию, что мы считаем, например, понятие "национализм" нейтральным, и решить таким образом все эту проблему. Оценочная нагрузка будет, может быть в смягченных формах, восстанавливаться в имеющихся условиях существования нашего языка, то есть освобождение нашей лексики – процесс длительный. Здесь не может быть локального успеха – освобождение возможно только при успешном излечении от идеологической индоктринации в целом.

Пока что можно предложить некоторые частные рецепты.

Необходимо членение, анализ самого понятия национализм, поскольку именно как категория общая, недифференцированная он и может быть успешно использован в качестве идеологии.

До сих пор мы имели практическое одно узаконенное членение этого понятия – национализм малой и большой нации, угнетенной и угнетающей. Мне кажется, что было бы интересно подумать на эту тему иначе, с точки зрения, подсказанной Х.Арендт в ее книге "Истоки тоталитаризма"³. Х.Арендт различает конкретный национализм оседлого сообщества – то есть привязанность к обжитому месту, институтам, истории, культуре и племенной, расовому, метафизическому национализму, который не содержит лояльности к каким-либо полоантезельным реально существующим ценностям, который аморфен и конституируется по принципу враждебности, на идеи борьбы и зах-

вата. Она подчеркивает, что империалистическая тенденция, опиравшаяся на избиточных людей, была свойственна ряду европейских держав, но одни ее экспортировали за море, удалившись из общества метрополии, другие были лишены такой возможности, что таило в себе серьезную опасность. В последнем случае реализуется "континентальщики" империализм в виде пан-движений. Наиболее яркие примеры такого рода - российский пан-славизм, а также пан-германизм. Родство этих движений и обслуживающих их идеологий отмечалось неоднократно. Они опирались на вполне метафизические ценности и понятия - славянская душа, германский дух. Возможна и модернизация такой метафизики, например, встречающиеся выше рассуждения о связи славянства с идеей социализма.

Современность предоставляет нам немало примеров опасности для общества метрополии процессов, происходящих вовне, но при участии членов этого общества. Мы мало ощущали влияние войны в Афганистане в том смысле, о котором идет речь, на начальном ее этапе, когда она была изолирована. И мы все остree ощущаем проблему сегодня, когда наша участие в войне окончено, но продукт ее, люди с деформированной системой ценностей и разрушенной системой конвенциональных ограничений вернулись в наше общество, которое с трудом может их переварить, а иногда и пытается эксплуатировать приобретенные этими людьми качества. (Сходные проблемы породили Алжир для Франции и Вьетнам для США).

Противопоставление метафизического и конкретного национализмов не следует понимать как только лишь переосмысление традиционной оппозиции национализма большой и малой нации. Как показала И.И.Далина, малые нации на Балканах демонстрировали способность к национализму метафизическому⁴. С другой стороны, вспомним, что польская приверженность к границам 1772 г., трактуемая часто как великородовая, имела в качестве составляющей, по крайней мере в течение значительной части XIX в., защиту вполне конкретных ценностей культуры, усадеб и так далее.

Вполне закономерно, что национализм метафизический и конкретный по-разному решали вопрос об отношении к другим.

В одном случае мы имеем дело с агрессивностью, ксенофобией, с настойчиво эксплуатируемой идеей "гнилой, больной Европы". В другом находится место стремления к обогащению своей национальной жизни органическими заимствованиями, стремлению занять свое, но не исключительное место в Европе. Иными словами, идея принадлежности к европейской семье преобладает над отрицанием ценностей этой семьи.

Конкретный национализм, обращенный преимущественно во внутрь, может, таким образом, иметь не только защитную или национально-освободительную функцию, но и адаптационную, ориентируя на реорганизацию национальной жизни в соответствии с требованиями внешнего мира, с императивом развития. Здесь образ конкретного и строго локализованного врага (в этом отличие от ксенофобии метафизического национализма) уступает место проблеме вызова, и отношение к источнику этого вызова будет уже амбивалентным.

Упомянутые варианты конкретного национализма называют иногда патриотизмом, из чего видно, что патриотизм выступает по отношению к национализму как понятие второго порядка, как определение некоторого типа национализма. А значит, оппозиция национализм – патриотизм в принципе некорректна.

Здесь уместно оговориться, что не следует искать непременно чистые варианты национальных идеологий. В конкретных вариантах могут быть заключены обе потенции (конкретная и метафизическая). И в то же время могут быть механизмы, блокирующие до определенной степени ту или иную тенденцию. Пример – славянофильство, где романтизм блокировал метафизику, но стояло только романтизму выпасть из этой идеальной структуры, как неославянофилы и даже в большей мере поздние славянофилы 60-х годов оказались поглощены пан-тенденцией. В движении, не в идеологиях, при массовизации, та или иная тенденция проступают с большей определенностью.

Мы выходим здесь на другой вариант членения понятия национализм как родового. Национализм может воплотиться на

разных уровнях политики: на уровне идеологии (причем в одном национальном социуме может быть несколько национальных идеологий, то есть концепций нации и ее будущего); на менее рефлектируемом уровне ментальности (национальное самосознание, национальные стереотипы); на уровне политической деятельности (объединение национальными лозунгами, определением пониманием национальных задач движения, партии).

В заключение я хочу обратиться еще к одной привычной нам оппозиции – национального и классового. Испо, что сегодня мы уже очень неустроены чувствуем себя в рамках традиционной трактовки этой оппозиции в духе безусловного приоритета классового над национальным. И не только потому, что национальная мотивация очень часто оказывалась в истории сильнее классовой. Думая, что оценивая соотношение этих факторов для Центральной и Юго-Восточной Европы, нужно обязательно оттолкнуться от того, что это регион догоноящего развития капитализма. В XIX и XX вв. он переживает модернизацию, причем в таких формах и с такой интенсивностью, что это порождает в обществе региона огромную социальную напряженность. Разрушение традиционных структур отнимают у массового человека возможность самоидентификации с малой социальной группой. И это в то время, когда происходит не просто экспансия и активизация низов; но их огромный численный рост, ведь население Европы в течение XIX в. выросло со 180 до 460 млн. человек⁵. И вот эта масса имеет теперь, в описанной ситуации, две возможности для новой самоидентификации – классовую и национальную. Очевидно, что в обществе с отсутствующей или слаборазвитой политической парламентской культурой и соответствующими механизмами разрешения конфликтов, то есть в обществах, где окружающий (если воспользоваться привычным определением) социум как целостная система с соответствующей политической организацией еще не сложился⁶, так вот, в подобном обществе преобладание классовой тенденции дает трудно контролируемый рост напряженности, который может привести к взрыву, грозящему разрушением того, что уже наработано обществом в процессе модернизации.

Преобладание национальной тенденции, в том случае, если речь идет о конкретном национализме с алантайонной мотивацией, ведет к классовому солидаризму, который мы должны сегодня оценить иначе, чем мы привыкли это делать. Включение дополнительных механизмов гашения социальной напряженности, исключая, конечно, разрушительную тоталитарную тенденцию, давало в той ситуации новый шанс развитию в русло магистрального направления европейской цивилизации.

1. "Родник", 1989. - № 1. - С.55.
2. Образ человека ХХ века. - М., ИНДОН. - 1988.
3. Arendt H. *The Origins of Totalitarianism*. N.Y., 1956
4. См. настоящий сборник, с. 107-114, статья И.М.Давиной.
5. Подробнее см.: Ортега и Гассет. Восстание масс //Вопросы философии. - 1989. - № 3, 4.
6. Отсюда видно, что господствующая до сих пор периодизация развития социумов в регионе, которая относит формирование, в основном, буржуазных обществ ко второй половине XIX в., противоречит системному подходу, поскольку она опирается на наличие отдельных элементов (прежде всего наличие новых классов), а не на возникновение соответствующего типа взаимодействия этих элементов. Из этого же, в свою очередь, следует, что понятие "буржуазная нация" мало удобно, во всяком случае, применительно к странам Центральной и Юго-Восточной Европы.

О.Ю.ТАРАСОВ

РЕЛИГИОЗНЫЙ ОПЫТ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ НАРОДОВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПОСЛЕ
ОКОНЧАНИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(к постановке проблемы)

Современная мировая политология – это необыкновенно

сложный и противоречивый спектр самых разнообразных методологических направлений и концептуальных подходов, находящихся в постоянном движении и развитии. И сама логика этого развития последних десятилетий все больше заставляет задуматься и резче ставить вопрос о поиске ценностных, "человеческих" оснований политических наук. Многочисленные и весьма острые дискуссии о методе еще продолжаются, но постепенно, надо признать, они как бы уходят на второй план по сравнению со стремлением ученых разных стран найти и более или менее четко определить сам предмет своих научных изысканий. Осознание того, что политическая система представляет собой совокупность более тонких зависимостей и взаимодействий (чем это считалось, например, полвека назад) неуклонно ведет не только к большей инансировке выводов, имеющих "ценностное" содержание, но и заставляет все больше концентрировать внимание на такой извечной проблеме как человек и его внутренний мир. Сегодня вряд ли уже у кого вызовет возражение констатация, что особенности индивидуального и колективного сознания имеют свое "политическое" значение. Вот почему очень многие из политологов приходят к убеждению в возможности, если не синтеза, то существования самих разнообразных научных направлений — бихевиорализма и функционализма, марксистских, психологических, институциональных и прочих концепций. И именно поэтому, надо думать, мировая политическая наука движется в сторону примирения с другими дисциплинами — культурологией, этнологией, исторической антропологией, искусствознанием и т.п., то есть с теми дисциплинами, которые могли бы дать политологу возможность как бы с разных сторон и "изнутри" выйти на решение самых общих и глобальных задач.

Исследование роли религиозного опыта в массовом сознании относится преимущественно к "скрытым" и безусловно сложно уловимым единицам анализа, которые, как правило, оказываются на периферии "Классических" политических трудов. Но такое исследование не может, на наш взгляд, не затрагивать фундаментальных проблем, касающихся форм и ти-

пов коллективного политического поведения.

Особенно возрастает значение таких исследований при анализе переломных рубежей человеческой истории, когда происходит колоссальный рост массового сознания. И одним из таких рубежей явилось окончание первой мировой войны, буржуазные и социалистические революции, крушение империй и утверждение социализма в России. Именно здесь, видимо, лежала граница новейшей истории в развитии человеческой личности, зарождении новых ментальных структур. Первая мировая война привела, как известно, к крушению моральных ценностей, нравственности, которая всегда связывалась с сознанием человеческой индивидуальности. В вихре истории ценностное понимание человеческой личности во многом оказалось потерянным, а ее способность к индивидуальному восприятию страшно снизилась. Все больше человек стал склоняться к тому, чтобы руководствоваться в принятии решений или своими эмоциями, или определенной идеологической доктриной. И скорее всего именно на этой глубине, когда за счет снижения индивидуального сознания происходит колоссальный рост сознания колlettивного, можно на наш взгляд, обнаружить те отдаленные черты, без которых особенности дальнейшей политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы не поддаются достаточно полному объяснению.

и и и

Природа массового сознания является достаточно сложной и далеко еще не разгаданной! Так как и по сей день еще не ясно, как организовано сознательное и бессознательное, то в целом происходит путаница между "культурно" обусловленным поведением, с одной стороны, и мотивационными глубинами личности - с другой. Между тем зондирование современной наукой познания снова и снова возвращает область рационального в глубочайшие слои человеческой психики. Исследователи все больше убеждаются в том, что правила, логический порядок, точнейшие математические формулировки (т.е. квинтэссенция того, что принято называть "рациональ-

шм") - все это заложено глубоко в царстве подсознательного. То же самое относится к вере и к потребности человека в религиозных символах. Все это позволяет предположить, что изучение особенностей религиозного опыта может помочь соорудить характеристику симптомов и проявлений массового сознания народов (представляемого собой, как известно, сложную динамику сознательного и бессознательного с превалированием коллективного бессознательного), то есть то, что было "общим для всех". И здесь может быть поставлен целый ряд взаимообусловленных вопросов: связь национального религиозного опыта со стереотипизированными представлениями народов, роль конфессионального фактора в распространении националистической идеологии, так сказать, на низовом, "бытовом" уровне (в плоскости исследование микроструктур и процессов), религиозный опыт и национальное самосознание и т.п.

При исследовании религиозного опыта, на наш взгляд, следует исходить из того, что последний при всем возможном предположении сходства отдельных черт религиозной практики, поведения и языка, сопоставленных человеческих ситуаций, состояний и форм сознания, должен обладать своей спецификой. Против этого положения выступают, как известно, представители одного из наиболее влиятельных направлений в современной философии религии - "религиозного эмпиризма", опиравшиеся на единство мистического опыта как на "эмпирическое свидетельство в пользу истинности религиозной жизни" и на первый план выдвигавших в его исследовании понятие объекта опыта (У.Т.Стейн, Н.Смарт, У.Джеймс и др.). Если принять во внимание, что человеческий опыт является продуктом взаимодействия концептуальных структур (установок) о внешними стимулами, то, на наш взгляд, достаточно сложно не учитывать тот факт, что влияние первых (вносящих в опыт элементы интерпретации) тем больше, чем дальше отстоит сам опыт от простого восприятия окружающего мира. Культурно-социальная природа интерпретационных установок позволяет заключить, что мистический опыт (как наиболее удаленный от обычного восприятия физических тел) является

вероятнее всего в высокой степени социализированы. Поэтому вряд ли выдерживает строгой критики представление о религиозном опыте как имеющем регрессивный характер, т.е. возвращающем человека к нерасчлененному восприятию ребенка. Представители различных культур и религиозных традиций вероятнее всего должны иметь различий религиозный опыт, поскольку описание опыта всегда есть одновременно его интерпретации. Через язык этого описания (пластический, литературный и т.п.) в него входит как бы "онтология" описателя, его интерпретационная установка. Сходную точку зрения разделяет, в частности, английский исследователь Б.Гарсайд в статье "Язык и интерпретация мистического опыта".¹

Так, религиозный опыт угнетенных наций Центральной и Юго-Восточной Европы в новое время был тесно связан со спецификой складывавшего национального самосознания и во многом обуславливался порождением конфликта - религиозного, культурного, политического и социально-экономического. Этот мир с подавленными национальными чувствами постоянно создавал ситуации, в которой изменение и неопределенность являлись основными чертами. Фиксированное или постоянное приспособление к чуждым национальным формам становилось невозможным. Необходимо было все время заново приспосабливаться к ним, что не могло не отражаться на духовном мире человека. Его этноцентрическая модель мышления, по которой другие нации созидаются и расцениваются только по отношению к ней, к которой принадлежал он сам, постоянно подвергалась сомнению или отвергалась вообще в зависимости от той системы национального угнетения, в которой он находился. Отсюда степень сакрализации, сфера религиозно освещенного и осмысливаемого у этих народов по идеи должна была быть шире; она предполагала включение самых широких слоев народа и как бы понимание "национального". Если религия вообще стремится объять и привести в единство человеческую жизнь во всей ее полноте, то в данном случае христианская религия угнетенных наций региона выступала, как можно допустить, в одной из форм символизации смысла на-

циональной жизни и ее ценностей. Другими словами, религиозный опыт этих народов был обострен конфликтом складывания национального самосознания с насилиственным подавляющим национальных чувств и включен в подсознательное переживание ими своей особой национальной судьбы.

Чтобы показать это, конечно, недостаточно какой-либо единой методики или анализа какой-либо изолированной группы источников. Здесь исследование должно быть комплексным. Между тем, учитывая сложность исследования религиозного народного сознания нового времени в связи со сравнительно несольшим количеством источников, частичное подтверждение этих мыслей можно обнаружить, на наш взгляд, при анализе такого источника как народные религиозные живопись угнетенных народов. Так, при самом общем взгляде на болгарскую народную школу XIX – начала XX вв., сразу бросается в глаза ее "заземленность", ее "реальный мир", которая ориентировалась на символику народной иконы этого региона на связь с миром действительности, получая при этом особое знаковое содержание. Этот "реальный мир" достигался разрушением пространственно-временных законов иконы и ее цветной символики, народной орнаментикой, национальным костюмом и национальным типажем действующих лиц, предметами национального народного быта, национальной военной атрибутикой и т.д. Притом, например, по сравнению с русской (великорусской) народной иконой этот "реальный мир" (как он символизировал ту, "национальную" сферу религиозно осмысливаемого) гораздо значительней и полнее. И здесь надо подчеркнуть, что во многом он был обусловлен желанием прислизить бога к людям, пережить угнетенными народами христианские образы и мотивы нововаветных повествований близко соотнесенные с собственной национальной судьбой, начонец, как он внести высшую гармонию в переживающий конфликт.

Почему после образования самостоятельных восточноевропейских государств достаточно легко произошло снижение националистических и "великодержавных" концепций тех групп, которые оказались у власти, на уровне "битовой" идеологии? На наш взгляд, частично это может объясняться

многовековым внутренним и внешним переживанием национального конфликта как конфликта религиозного, подсознательным переживанием национальной трагедии как трагедии личной. Весь это переживание на протяжении длительного времени формировало личность и ее стереотипизированное представление. На переломном этапе, в ситуации гипертрахиронного массового сознания (когда в активное действие вступили механизмы "экономии мышления") религиозный опыт ранее угнетенных народов именно на уровне полсознания, надо полагать, составил одну из важных "горизонтальных" сил сцепления общества, некий "дух национального родства", нашедший выход из конфликта и реализацию в истории.

В той ситуации, когда система национального угнетения и подавления этноцентрической модели мышления была в целом разрушена с падением европейских империй, важная потребность индивида и группы как в самоуважении, так и в уважении со стороны других наций вновь утверждает себя. Происходившие в период угнетения изменения в концепции человека самого себя привели к тому, что он должен был как бы найти себя вновь, реконструировать свою концепцию самого себя, а также найти свое место и роль как в своем обществе, так и среди других народов. Между тем, накопившееся возмущение и комплекс неполноценности в отдаленных случаях компенсировался в массовом сознании чувством преоценки своей личности и самозальтаций, а также возникшим из коллоктивного взаимодействия чувством национальной исключительности, связанным отчасти и с возрождением этноцентризма мышления, т.е. высвобождением этой модели мышления. На уровне "бытовой" идеологии эта компенсация, надо отметить, нашла свое отражение не только в отрицательных гетеростереотипах о "нациях-завоевателях", но также и в стереотипах мышления в отношении ранее угнетаемых наций, т.е. тех, кто еще совсем недавно находился в той же ситуации, что и носители данной идеологии. Этот момент, значительно облегчил манипуляцию массовым сознанием со стороны тех групп буржуазии, которые оказались у власти и которые сразу выдвинули концепции создания "сильных" государств - ли-

деров региона за счет ослабления своих соседей. Свое собственное понимание "исторических" прав на "национальные" земли сразу же привело не только к внешнему, политическому конфликту, например, Польши с Чехословакией, Румынии с Венгрией, Югославии с Болгарией и т.д., но и к конфликту внутреннему; причем как на личностном уровне, так и на уровне массового сознания народов этих стран. В подсознании были включены механизмы религиозного страдания за "национальное", обращенности этого страдания к своей исторической национальной трагедии и судьбе (о чем шла речь выше). И здесь они сыграли, надо думать, свою немаловажную роль.

Но случайно поэтому, что в отдельных случаях идеи национальной исключительности и классового интернационализма сложно переплетались с идеями религиозного мессианизма. Например, трудно отрицать, что мессианско-католический аспект великороджавших концепций Пилсудского не находил в Польше поддержки. Ведь мессианско-католические идеи в своем сниженном, массово-упрощенном варианте получили там достаточно широкое распространение и они как бы возрождали массовый миф, ходивший в Польше XVII в. о ее исключительном месте в "мире пограничных крепостей", питали механизмы памяти и религиозные чувства все той же историей национального страдания.

C. International Journal for philosophy of religion, № 6, 1972, 2, p 93 - 102.

И. И. КРЫЛОВА

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОЛЬСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
В 1918-1929 ГГ.

Победа Великой Октябрьской социал-демократической революции в России, дав мощный импульс мировому рабочему и коммунистическому движению, одновременно активизировала процесс сознательного приспособления капитализма к новым условиям.

С целью нейтрализации опасных для власти капитала проявлений социального протesta государство было вынуждено взять на себя разработку и осуществление мер, устанавливавших и регулирующих условия труда и воспроизводства трудящихся классов и слоев, т.е. проведение социальной политики.

В настоящее время социальная политика в ведущих капиталистических странах на основе новейших успехов научно-технической революции достигла значительного развития, что особенно заметно на фоне застойных явлений в социалистических странах. Социальная политика стала одной из самых важных сторон соревнования двух общественно-политических систем. Вот почему актуальную практическую значимость получает изучение появления и развития социальных функций капиталистического государства, анализ их содержания, классовой направленности и форм осуществления. Эта необходимость усиливается в условиях современной Польши, когда история ПНР противопоставляется идеализированная история межвоенного периода, когда в массовом сознании сильное распространение получили иллюзии относительно уровня жизни и социальной защищенности трудящихся в 1918-1939 гг.

Первые годы после восстановления независимости Польши (1918-1921) могут быть с полным основанием названы периодом бурного развития социального законодательства. Уже в манифесте Люблинского правительства, наряду с объявлением об образовании Польской народной Республики, говорилось об необходимости проведения ряда социальных реформ. В первую очередь речь шла об аграрной реформе и национализации отдельных отраслей промышленности. Одновременно были выдвинуты лозунги о введении в Польше 8-часового рабочего дня, охраны труда, страхования по безработице, болезни, старости, всеобщего, обязательного и бесплатного образования¹.

Через несколько дней это правительство прекратило свое существование, но отказаться от выдвинутых им лозунгов в условиях охватившего Польшу революционного подъема было невозможно. 23 ноября 1918 г. на второй день своей

девательности в качестве начальника государства Ю. Пилсудским был издан декрет, установивший 8-часовой рабочий день и 46-часовую рабочую неделю для рабочих и служащих промышленных, горных, торговых и предпринятий связи при одновременном сохранении заработной платы. Позже такая продолжительность рабочего дня и недели была подтверждена законом от 18 декабря 1919 г.²

Следует назвать и другие не менее важные акты: создание инспекции труда, обязавшей не только осуществлять контроль за соответствующим применением законодательства об охране труда, но и выступать арбитром в индивидуальных и коллективных конфликтах между предпринимателями и рабочими (декрет от 3 января 1919 г.); введение обязательного страхования по болезни,хватывавшего работников умственного и физического труда, занятых в промышленности, торговле, сельском и лесном хозяйстве, в том числе и сезонных (декрет от 11 января 1919 г., закон от 19 мая 1920 г.); легализацию рабочих профсоюзов (декрет от 8 февраля 1919 г.)³.

Права последних подкрепились и расширились трудовыми договорами, получившими в 1918-1920 гг. в Польше большое распространение, несмотря на отсутствие юридического признания института коллективного трудового договора на большей части территории страны.

В эти же годы под влиянием существенного обострения положения в деревне в польском государстве сформировался принцип регулирования условий и оплаты труда сельскохозяйственных рабочих на основании коллективных договоров, а также система арбитражных комиссий, функционировавших в случаях, когда рабочие и предприниматели не могли прийти к соглашению.

10 июля 1919 г. сейм принял постановление об основных принципах аграрной реформы, определившее направление

² Декрет действовал на территории Варшавского, Лодзинского, Келецкого, Люблинского и западной части Белостокского воеводства, с августа же 1922 г. и на территории Виленского воеводства.

решения остройшей проблемы для Польши - земельной.

Параллельно проводились и мероприятия, направленные на борьбу с безработицей. Их необходимость вынуждалась тем, что в конце 1918 г. число безработных более, чем в десять раз превышало число занятых. Такое положение объяснялось в первую очередь бездействием многих предприятий, молчанием темпами восстановления польской промышленности. Безработным оказалась помочь в денежной и натуральной формах, организовывались общественные работы, возобновилась экономическая эмиграция. Ряд мер был направлен на обеспечение безработных жильем.

В 1920 г. были предприняты первые робкие попытки по определению минимума заработной платы. С этой целью в ряде городов были созданы специальные комиссии, занимавшиеся изучением изменения прожиточного минимума работих семей. Принята, результаты деятельности этих комиссий значительно отличались тем, что их выводы имели рекомендательный характер.

Следует отметить, что с самого начала рабочий класс, профсоюзы и крестьянские массы получили сильную поддержку со стороны научных центров. Прежде всего необходимо подчеркнуть большой вклад Института общественного хозяйства⁸, а в более поздний период - Института социальных проблем.

В конституции от 17 марта 1921 г., оформляющей польское государство как буржуазно-демократическую республику с демократическим избирательным правом, политическими свободами, широким местным самоуправлением, была официально и юридически закреплена и функция социальной деятельности.

⁸ Он был создан в 1920 г. вначале как автономная секция Общества польских экономистов и статистиков, а с 1926 г. как самостоятельная единица. В нем работали основатель польской школы социальной политики Л.Кривицкий, а также замечательные ученые, как К.Кречковский, С.Рыльинский, О.Ланге, Г.Минц, Э.Стшелецкий и др., создававшие работы по теории социальной политики и разрабатывавшие методику исследований в этой области.

Это отразило дальнейшее расширение регламентации общественных отношений, отказ от традиционной концепции о невмешательстве государства в область социально-экономических прав и интересов граждан. В преамбуле и ст. 102 конституции подчеркивалось, что труд, как главная основа богатства Речи Посполитой, должен находиться под особой опекой государства, но вопрос о гарантиях права на труд не обходился. Основной акцент конституции делала на право в области социального обеспечения, но и это должно было установить отдельный закон. Для последних вазии ст. 103 посыпалась охрана здоровья работающих женщин и детей. В ст. 108, в которой велась речь о правах и обязанностях граждан, провозглашалось право коалиции, созбраний и основания обществ и союзов.

Конституционное закрепление общих положений о социальной деятельности произошло под влиянием подъема демократических и революционных настроений в Польше и отражало успехи классовой борьбы польских трудящихся масс. Формулировки целей социальной политики, хотя они и не сопровождались признанием конкретных прав трудящихся, не накладывали никаких юридических обязательств на государство, а тем самым ослабляли возможности для оказания на него давления со стороны трудящихся и их организаций, тем не менее имели известное положительное значение. Закрепление в конституции даже тех прав, которые в тот период не могли быть реализованы, было крайне важно, поскольку оно открывало перспективу движения вперед, давало юридическую основу требованиям трудящихся.

Окончание польско-советской войны и принятие конституции от 17 марта 1921 г. свидетельствовали о стабилизации и укреплении буржуазно-помещичьего государства. Все труднее становилось не только проводить новые законы, способствовавшие улучшению положения трудящихся, но и отстаивать завоевания первых лет после восстановления независимости. Крупная буржуазия, объединившаяся в Центральном союзе польской промышленности, горного дела, торговли и финансов, заслуженно окрещенном именем бискупейского

чудовища Левиафана, начала организованное наступление. Под лозунгом того, что при формировании принципов социальной политики использовались критерии, вытекавшие из нереальных, завышенных представлений о возможностях социального развития, она возглавила борьбу за уменьшение влияния профсоюзов на жизнь предприятий, за введение 48-часовой рабочей недели, "действительного" рабочего времени, в которое бы не включались простой (пусть и не по вине рабочего), время, затрачивавшееся на подъемы и спуски в шахты и проч. Одновременно выдвигались требования увеличения продолжительности допустимой по закону сверхурочной работы при снижении оплаты за нее.

Некий "хозяйственных сфер" не остался без ответа.

14 февраля 1922 г. была осуществлена первая модернизация закона о рабочем времени в промышленности и торговле. Отмена двухчасового обеденного перерыва в магазинах привела на практике к увеличению продолжительности рабочего дня в торговле до 10 часов в сутки⁴.

К этому времени относится и своеобразное решение вопроса о профсоюзах в законе от 4 июля 1923 г. Не желая распространять действие, охватывавшего в военное время декрета о профсоюзах от 8 февраля 1919 г. на всю страну, правящие круги пошли на компромиссное решение вопроса: главным объединением профсоюзов, зарегистрированным в инспекции труда, было предоставлено право основания филиалов на территории всей страны без ограничений, вытекавших из права об организаций⁵.

В качестве примера определенных достижений в сфере социальной политики в 1921–1923 гг. следует назвать закон об отпусках от 16 мая 1922 г. и закон о социальной опеке от 16 августа 1923 г.⁶ Они относились к группе немногочисленных еще в ту пору нормативных актов, изданных для всей Польши. Решением вопроса об отпусках Польша опередила большинство других стран, кроме Австрии и Латвии, а также международные постановления. Правда, право на отпуск распространялось не на все категории трудящихся, а сам закон изобиловал неточностями и оговорками, позволявшими

шими по-разному трактовать его положения.

Закон от 16 августа 1923 г. подчинял государствен-
ному контролю организованную территориальными управлени-
ями опеку, понимая под последней "обеспечение из обществен-
ных средств необходимых жизненных потребностей тех
лиц, которые постоянно или временно собственными матери-
альными средствами или собственным трудом не могли этого
сделать"⁷. Кроме выполнения контрольных функций, госу-
дарство должно было нести расходы, связанные с опекой
лиц, по отношению к которым оно имело "специальные обя-
занности" (например, ветераны национальных восстаний), а
также в том случае, если вид и масштабы опеки превышали
возможности коммунальных союзов.

На практике социальные законы сбывались далеко не
всегда. Предприниматели всеми способами стремились уре-
зать завоевания рабочего класса. Нажим имущих классов в
рассматриваемый период сдерживался сопротивлением трудя-
щихся. Подъемом классовой борьбы польского пролетариата
во второй половине 1923 г. и его кульминацией – вооружен-
ным выступлением в Кракове – завершилась целая полоса
классовых боев, которые вели трудящиеся Польши с первых
дней восстановления ее независимости. Поражение этого
выступления рабочего класса создало условия для перехода
буржуазии в наступление.

1924–1926 гг. характеризовались как укрепление го-
сударственной власти, попытками стабилизации финансовой
системы, так и экономическим кризисом, который серьезно
препятствовал политике социального маневрирования и выз-
вал новую волну забастовочной борьбы. Своей главной за-
дачей правительство В. Грабского, существовавшее в 1924–
1926 гг., считало укрепление финансовой системы госу-
дарства. В социальной сфере оно стремилось к сохранению
статус-кво. Это удавалось далеко не всегда. Организации
промышленников усилили борьбу против 8-часового рабочего
дня и 46-часовой рабочей недели. Косвенным ударом по так
называемой английской субботе явились попытки предприни-
мателей снизить заработную плату в субботние дни. 1924 г.

был отмечен и крушением наступлением верхнесилезских предпринимателей: на металлургических заводах Верхней Силезии продолжительность рабочего дня была увеличена до 10 часов.

Эти же годы отмечались и наличием противоположных тенденций. Так, летом 1924 г. правительство вынуждено было пойти на то, чтобы в экстренном порядке принять закон, вводивший обязательное страхование рабочих по безработице. 28 октября 1925 г. было введено страхование по безработице и работников умственного труда⁸.

В рассматриваемый период завершились дискуссии в сейме, и 30 января 1924 г. был принят закон о страховании рабочих от несчастных случаев, который в несколько, правда, урезанном виде распространял действие страхования, существовавшего прежде лишь на территории, аннексированной в прошлом Австро-Венгрией, на омытое Королевство Польское и восточнее воеводства⁹. 2 июля 1924 г. был принят закон об охране труда женщин и подростков. Диапазон действия этого закона был ограничен промышленностью и торговлей. Предусмотренный им запрет занимать подростков и женщин на тяжелых, опасных и вредных для их здоровья работах был подкреплен списком запрещенных работ от 29 июля 1925 г.¹⁰

В отношении сельскохозяйственных рабочих в 1924-1926 годах не произошло никаких существенных изменений по сравнению с предшествующим периодом. Некоторое, весьма ограниченное, правда, влияние имели статьи закона о сельскохозяйственной реформе от 28 декабря 1925 г. Так, лицо, проработавшее 25 лет в одном поместье или у одного помещика, приобретало право на получение участка из парцелировавшейся части поместья и кредита на его освоение. Если этим правом рабочий не воспользовался, то ему выплачивали денежное выходное пособие. Последнее полагалось к лицу, стаж работы которого превышал 10 лет. Правом на приобретение участка в последующие два года воспользовалось лишь около 9% рабочих¹¹.

Основным источником правового регулирования условий и оплаты труда сельскохозяйственных рабочих в рассматри-

ваемый период продолжали оставаться коллективные договоры. Сложности, возникавшие при их заключении, решались чрезвычайными арбитражными комиссиями с помощью вынесения решений, имевших обязательную силу (принудительный арбитраж).

Таким образом, 1924-1926 гг., с одной стороны, характеризовались снижением номинальной и реальной заработной платы трудящихся, увеличением продолжительности рабочего дня в некоторых отраслях промышленности, применением в сельском хозяйстве принудительного арбитража, с другой, — именно тогда было введено страхование по безработице, принят закон об охране труда женщин и подростков, расширен диапазон страхования от несчастных случаев.

В экономической программе приходивших к власти в результате государственного переворота польских, представленной в июне 1926 г. министром промышленности и торговли З.Квятковским, подчеркивалось стремление к снижению издержек производства и одновременно содержались высказывания, направленные против ограничения трудового законодательства.

В первые годы правления "санации" благоприятная экономическая конъюнктура способствовала улучшению положения рабочего класса в экономической области. Кроме того, правительство предприняло определенные шаги и по его улучшению с правовой точки зрения. Для этого оно использовало ряд проектов из области трудового права, разработанных до 1926 г., издав их в виде распоряжений с силой законов (так называемых декретов), что позволило "санации" полученные результаты записать в свой актив. В первую очередь следует назвать декрет об инспекции труда от 14 июля 1927 г., существенно расширявший полномочия инспекторов¹². Большое значение имели также декрет от 24 ноября 1927 г. о пенсионном страховании работников умственного труда; декреты от 16 марта 1928 г. по вопросам о трудовых договорах рабочих и работников умственного труда, унифицировавшие действовавшие в этой области нормы; решение Верховного суда от 9 марта 1928 г. по вопросу интерпретации по-

ложений об отпусках для рабочих, облегчавшее их получение; декрет от 22 августа 1927 г. о профилактике профессиональных заболеваний и от 16 марта 1928 г. о безопасности и гигиене труда, направленный на создание более благоприятных условий для сорьи с несчастными случаями на производстве¹³. Декретом от 22 марта 1928 г. был основан новый для СССР институт трудовых судов с упрощенной процедурой судопроизводства¹⁴. Этот декрет был единственным из изданных в 1926–1928 гг. нормативных актов в области трудового права, проекта которого "санация" не получила от предшественников.

Эти годы характеризовались, однако, и мерами, направленными на свертывание трудового законодательства. Так, под давлением предпринимателей и их организаций, в первую очередь "Левицкана", 22 марта 1928 г. был издан декрет президента о продолжительности работы торговых и некоторых промышленных предприятий. Он изменил закон о рабочем времени от 16 декабря 1919 г. в духе новеллы от 14 февраля 1922 г.¹⁵ Формально в силе оставался 8-часовой рабочий день, что теоретически означало необходимость применения новой организации труда (например, работа по сменам, использование неполного рабочего дня и т.п.). На практике в большинстве торговых заведений (независимо от того, были ли там наемные работники) продолжительность рабочего дня определялась их временем работы.

В годы благоприятной экономической конъюнктуры министерство труда и социального обеспечения было буквально захвачено представлениями предпринимателей о предоставлении им разрешений на сверхурочную работу. В тех случаях, когда такие разрешения не давались, предприниматели часто шли на прямые нарушения закона о рабочем времени, поскольку им выгоднее было выпустить больше продукции, а возможный штраф включить в издержки производства. Рабочие, как правило, не протестовали против такой практики. Даже если оплата сверхурочных шла по обычным ставкам, это означало для них увеличение заработка.

7 июня 1927 г. был издан декрет, вводивший так называемое промысловое право¹⁶. Его статьи с III по 125 и со 148 по 157 касались договора об обучении профессии в промышленности и ремесле. Промысловое право не ограждало ученика от сверхэксплуатации: оно разрешало не только его бесплатную работу, но и взимание с него платы за обучение профессии. Более того, оно накладывало на ученика множество обязанностей. Например, существовавшее положение о том, что ученик должен быть послушным и держаться пристойно, нередко интерпретировалось как запрещение ему вступать в профсоюз и участвовать в стачках.

Отмечая несомненные достижения в области социальной политики 1926-1929 гг., необходимо помнить, что обилие декретов, нормировавших трудовые отношения, не было (по крайней мере полностью) заслугой санкционных правительств. Кроме того, изменения в сфере трудового законодательства были не столь революционны, как первые акты после восстановления независимости Польши. Косвенным свидетельством, говорящим в пользу такого вывода, являются тот факт, что ни против них, ни за их введение не велось практически никакой борьбы.

Краткий обзор социальной политики правительства Польши 1918-1929 гг. показывает, что социальное законодательство, как и политические права и гражданские свободы, было принято в результате борьбы трудящихся. Наиболее важные институты социальной политики были сформированы в первые 4-5 лет после восстановления независимости Польши. После 1923 г., когда борьба трудящихся приобрела в основном оборонительный характер, проведение социальных реформ резко замедлилось. В число наиболее существенных исключений можно назвать лишь введение охраны труда женщин и подростков и страхования по безработице рабочих и работников умственного труда. Такое положение частично объяснялось тем, что наиболее насущные для того времени законы уже были приняты, и основная борьба разворачивалась в сфере их применения на практике. И хотя дистанция между буквой закона

эго последующей реализацией была огромной (это во мнении объяснялось недостаточным контролем за соблюдением узового законодательства и тем, что государство практически не выступало гарантом декларировавшихся им же норм), а не менее социальная политика уже в 1918-1929 гг. сыграла существенную роль в улучшении правового и материального положения трудящихся масс, а кроме того, она внесла определенный вклад в дело объединения в единый государственный организм территорий, более 120 лет принадлежавших разным державам.

Kumaniecki K.W. Odbudowa państwowości polskiej. Najnowsze dokumenty. 1912-styczeń 1924. Warszawa, 1924.

Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej (далее - DURP) 1920, 2. Rocznik. 7.

Dziennik Praw Państwa Polskiego (далее - DPPP) 1919, N 5. z. 90; DURP 1920, N 44. Poz. 242; DPPP 1919, N 15. Poz. 209. DURP 1922, N 14. Poz. 127.

DURP 1923, N 76. Poz. 594.

DURP 1922, N 40. Poz. 334. Ustawa o opiece społecznej.// Opieka społeczna. Zbiór ustaw i rozporządzeń. Opr. Grochalski S., Salewik E. Warszawa, 1929.

Ustawa o opiece... S. 9.

DURP 1924, N 67. Poz. 650; 1925, N 120. Poz. 185.

DURP 1924, N 16. Poz. 148.

. DURP 1924, N 65. Poz. 636; 1925, N 81. Poz. 558.

. Madajczyk Cz. Burżuazyjno-obazarnicza reforma rolna w Polsce (1918-1939). Warszawa, 1956. S.244.

. DURP 1927, N 67. Poz. 590.

. DURP 1927, N 106. Poz. 911; 1928, N 35. Poz. 325; 1927, N 78 z. 676.

. DURP 1928, N 37. Poz. 350.

. DURP 1928, N 38. Poz. 364.

. DURP 1927, N 53. Poz. 468.

Т.В.КИРИЛЛОВА-УГРЮМОВА

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА НА ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ЮГОСЛАВИИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Образовавшееся в декабре 1918 г. многонациональное югославское государство - Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС) - в целом представляло собой отсталую аграрную страну со слабо развитой капиталистической экономикой^к. Быстрый рост численности населения государства, рекордный в Европе^{мк}, привел к избытку рабочих рук в сельском хозяйстве. Для их трудоустройства требовалась ускорение темпов экономического развития, прежде всего, индустриализации. В стране существовали все условия для ее успешного проведения: обилие сырьевых и топливных ресурсов, гидравлической энергии, значительная емкость внутреннего рынка, в первую очередь, для предметов потребления, наличие рабочей силы. Главное препятствие на пути ускоренного подъема промышленности югославские правящие круги видели в нехватке национального капитала и делали все возможное для привлечения в страну капитала из-за границы.

Проникновение иностранного капитала в экономику Югославии - долгий исторический процесс, который начался задолго до образования Королевства СХС (передача в 1859 г. Сербией медных рудников в Майданпеке Франции, создание в 1869 г. первого сербского банка с участием австрийского капитала и т.д.). Этот процесс усилился в начале XX века с вступлением капитализма в свою высшую стадию - имперализм, одной из характерных черт которого является вывоз капитала. Заметное влияние иностранного капитала на эко-

^к Согласно переписи 1921 г. в сельском хозяйстве страны было занято 80,4% населения (I.g.303).

^{мк} В 1918 г. численность населения югославского государства составила 11,6 млн. человек, а в 1938 г. - уже 15,6 млн. (2. С.31).

номику Королевства СХС объясняется вхождением в его состав югославских провинций Австро-Венгрии, среди которых были такие относительно развитые в прошлом отношении области как Словения, Хорватия и Воеводина. На территории бывших австро-венгерских областей было сосредоточено около 4/5 всего акционерного капитала страны. В 1919 г. правительство приступило к национализации предприятий, принадлежавших иностранным подданным, но эта кампания успеха не имела.

Для первого десятилетия существования Королевства СХС был характерен усиленный приток капиталов, большей частью в виде государственных займов. В 1922 г. внешний долг страны составил 17,8 млрд. дин.⁵ (Г. з. 65). На выплату процентов по внешним займам расходовалась значительная часть национального дохода. Без учета расходов по посредническим операциям (выплаты иностранным банкам комиссионных и премиальных за заключение и реализацию займов) она равнялась 10-12% бюджетных расходов югославского государства. Бремя внешнего долга было тем более тяжелым, что займы по большей части не реализовывались продуктивно^{**}. Даже в тех случаях, когда они использовались для капиталообразований в экономику, это было связано преимущественно с иностранными концессиями на строительство промышленных объектов, поставками материалов из-за рубежа и т.д.

Помимо государственных займов существовали и такие виды участия иностранного капитала в экономике Югославии как кредиты и инвестиции. Предоставление иностранными государствами кредитов Югославии было выгодным, прежде всего, благодаря высокой процентной ставке. По данным печат-

⁵ Был учета 15 млрд. дин. военного долга Сербии.

^{**} Из 100 млн. долларов займа, заключенного югославским государством в 1922 г. с СИА, 30 млн. предполагалось использовать для покрытия части военного долга, а 70 млн. - для строительства железной дороги. Из предусмотренной суммы было получено менее половины, а проект строительства железной дороги так и не был осуществлен (З.з. 10).

ного органа финансово-промышленных кругов Загреба "Югославски Ллойд" от 13 марта 1933 г., процентная ставка эмиссионных банков Швейцарии, Англии, Франции равнялась 2%, США - 2,5%, Чехословакии - 3,5%, Германии - 4%, Венгрии - 4,5%, Югославии - 7-7,5% (4.C.959).

В 1926 г. в стране насчитывалось 700 частных банков, а в 1938 г. - 632 (5.з.74). В большинстве это были мелкие банки с акционерным капиталом от 1 до 5 млн. динар. Вместе с тем несколько десятков банков с капиталом выше 10 млн. динар владели 2/3 всех денежных средств, что свидетельствовало о значительной концентрации банковского капитала. В 15 из 22 крупнейших частных банков с капиталом выше 20 млн. динар участвовал иностранный капитал (6.з.20). Обладая сильными позициями в кредитно-банковской системе иностранный капитал влился и на финансирование банков югославской промышленности, причем крупные международные банки, помимо непосредственных капиталовложений в югославские банки, владели акциями промышленных предприятий (крупнейший венский банк Остераихие Кредитенштальт, парламент с участием в капиталах четырех югославских банков, владел акциями текстильной фабрики Маутнер в Любляне, пивоваренного завода в Сараево и т.д.)⁴. Кредиты таким предприятиям предоставлялись иностранными капиталистами на льготных условиях.

В 1918-1926 гг. - так называемом конъюнктурном периоде развития сельского хозяйства в Королевстве СХС финансирование банками промышленности приняло широкие размеры. Следствием роста цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом рынке явилась концентрация значительных денежных вкладов в банках. В 1929 г. крупнейший банк Югославии - I Хорватская сберегательная касса предоставила промышленности кредиты на сумму 630 млн. динар., а номинальная стоимость принадлежавших ей промышленных акций равнялась

⁴ Одним из путей расширения сферы влияния банков в промышленности была санация промышленных предприятий, т.е. превращение кредита, предоставленного банком, в акции.

129 млн.дин. (I.5.55). И Хорватской сберегательной кассой финансируались такие отрасли промышленности, как производство вагонов, кожи, лаков, химической, электротехнической отрасли и т.д.

Долгосрочное финансирование промышленности и вложение в нее банками средств, доверенных им для краткосрочного хранения, ставило их в непосредственную зависимость от развития экономики. В 1929 г. разразился мировой экономический кризис, который начался в Югославии в 1930 г., т.е. позднее, чем в развитых капиталистических странах. Следствием кризиса явилось массовое изъятие депозитных вкладов в банках^к. Нестабильность югославской экономики и финансовый кризис в Центральной Европе вызвали отлив иностранных капиталов из Югославии, прежде всего, краткосрочных кредитов. После краха в 1931 г. венского банка "Острайхише Кредитештальт", который имел многочисленные филиалы в Югославии, произошла утечка 300 млн.динар из страны^л. В связи с этим, а также сокращением объема внешней торговли, прекращением выплаты репараций, уменьшением денежных переводов эмигрантов^м образовалась нехватка валюты, что повлекло за собой отрыв золотого обеспечения динара и контроль валютных операций (7 октября 1931 г.), который продолжался в том или ином виде вплоть до гитлеровской оккупации.

Банковский кризис принял столь угрожающие размеры,

^к Общая сумма вкладов населения Югославии составила в 1931 г. 12170 млн.дин., а в 1933 г. - 9663 млн.дин. (7.я.161).

^л По мнению югославских историков В.Розенберга и Й.Костича, крах этого банка, как финансового посредника между Югославией и европейскими странами, имел и положительное значение, так как начиная с 1931 г. Югославия стала расширять непосредственные контакты с иностранными финансистами (8.я.72).

^м Размер ежегодных денежных переводов эмигрантов достигал 800 млн.дин. (2.б.7).

что правительство было вынуждено вмешаться с целью предотвращения банкротства банков, которые "хили больше за счет иностранных вкладов, чем за счет капиталов акционеров" (7. s.160). 4 декабря 1933 г. был принят закон о запите банков и их клиентов. Обращение за помощью к государству означало на деле крах частного банковского дела, от которого страна не оправилась до второй мировой войны. С тем, чтобы преодолеть банковский кризис, государство приступило к расширению своего сектора: Народного банка, Государственного ипотечного банка, Привилегированного аграрного банка и т.д. Усиление позиций государства в банковской дележе означало и изменение в соотношении сил финансовых группировок Загреба (где традиционно был сильным частный банковский капитал) и Белграда.

В 1933 г. кризис банков ослабел. Денежные вклады сюда начали поступать в первую очередь в государственные банки, а затем и в частные. После выхода стриги из кризиса иностранный капитал сохранил ведущую позицию в частном банковском деле. В 1937 г. на него приходится 59,69% от общей суммы акционерного капитала (8. s.27). Банки с участием иностранного капитала активно вкладывали средства в югославскую экономику. Сращивание банковского капитала с промышленным привело к созданию концернов. Из 14 концернов, действовавших в стране, 11 находились под контролем иностранного капитала. Наиболее значительными среди них были Хорватский кредитный банк (13 промышленных предприятий) и Югославский банк (17 промышленных предприятий) (5. s.76). Власть финансового капитала над промышленным нашла выражение и в личной унии. Так, по данным 1940 г. члены правления Югославского банка входили в состав правлений 56 предприятий (6. s.223).

Иностранные капиталовложения в промышленность имели большое значение для подъема югославской экономики. Выгодными условиями для притока иностранных капиталов являлись значительные и недостаточно используемые национальным капиталом природные богатства страны^x, обилие дешевой рабо-

^x Из 26 видов важнейшего стратегического сырья, среди ко-

чай силы, государственная политика протекционизма в промышленности (введение повышенных таможенных барьеров в 1922 г. и т.д.), практика предоставления югославскими правящими кругами многочисленных концессий и различных привилегий иностранному капиталу (освобождение от уплаты налогов при строительство новых предприятий и т.п.), относительная слаборазвитость национального капитала как серьезного конкурента на внутреннем рынке. Доля иностранных капиталовложений в промышленность в 1918-1931 гг. постоянно увеличивалась. Если в период до 1926 г. участие иностранного капитала в акционерных промышленных предприятиях⁴ составило 508,7 млн. дин. (59% от общей суммы иностранных капиталовложений), то в 1926-1931 гг. оно равнялось уже 555,7 млн. дин. (61% от общей суммы) (б.з. 68).

Одним из важнейших средств расширения сферы влияния иностранного капитала в экономике Югославии являлись такие монополистические организации, как картели, трести и концерны. Путем включения в монополистические объединения предприятий югославской промышленности иностранные предприниматели распространяли свое влияние и на национальный капитал⁴⁴. Сила картелирования проявилась и в том, что в картелях входили, как правило, ключевые объекты отрасли, в то время как за пределами их влияния оставались мелкие неконкурентоспособные предприятия. Образование монополий,

торах большинство - руды, Югославия располагала в том или ином количестве 23.

⁴ Участие иностранного капитала в неакционерных предприятиях составило в 1940 г. 8,3% от общей суммы иностранных капиталовложений (б.з. 174).

⁴⁴ Расширение сферы влияния иностранных монополий шло и путем приобретения контрольного пакета акций предприятия национальной промышленности, которое в свою очередь приобретало контрольный пакет акций другого предприятия и т.д. Так участие спичечной фабрики "Драна" из Осиока в Объединенном югославском банке на долю было участием шведского треста "Штаб".

в том числе и картелей, в Югославии облегчалось и тем, что иностранный капитал, действовавший в стране, был в большинстве случаев крупным международным капиталом, представленным корпорациями "Стандард ОИЛ", "Электро-инвест", "Штаб", "Фарбенинг-индустрие", "Тунгерам" и т.д. Деятельность иностранных монополий в югославской промышленности приводила к значительной ее концентрации - особенности, присущей развитому капитализму. В 1939 г. из 107 фабрик с количеством рабочих мест более 500 (2,6% от общего числа) приходилось 31,1% капиталовложений, 39,3% рабочих мест и 25,4% производственных мощностей (5.с.44). При этом средняя фабрика, принадлежащая иностранному капиталу, в 4,5 раза превышала по количеству капиталовложений чисто югославское предприятие и была в 3,3 раза больше по числу рабочих мест (6.с.180-181).

Мировой экономический кризис 1929-1933 гг. усилил монополистические тенденции в югославской экономике. С 1930 по 1932 гг. число акционерных компаний в Югославии увеличилось с 340 до 645, в то время как неакционерных сократилось с 2175 до 1508 (9.с.112). В 1931-1935 гг. на весь основной капитал в 560 млн. динар основанных в этот период акционерных предприятий 268,2 млн. динар приходилось на иностранный капитал (8.с.70). Значительно увеличилось в годы кризиса и число картелей в Югославии. Монополизировав большую часть внутреннего рынка, картели искусственно поддерживали высокие цены на некоторые товары. Так, средняя цена цемента в Югославии была в 2 раза выше мировой. Югославское правительство в 1934 г. приняло решение о запрете картелей, однако оно последовательно в жизнь никогда не проводилось^к.

В Югославии первые признаки экономического оживления появились в конце 1934- начале 1935 гг. В послокризисный период существовала тенденция к уменьшению общей

^к К 1 июля 1939 г. в Югославии насчитывалось 79 картелей. Причем в иностранный картель по производству сахара входила и государственная фабрика сахара в Чукарице.

суммы иностранных займов и к росту прямых капиталовложений в экономику, что объяснялось, прежде всего, ростом прибылей предприятий, в то время как процентная ставка при предоставлении займов оставалась неизменной, а также ширасширением военной угрозы. В течение 1936 - первой половины 1939 г. иностранный капитал участвовал в создании 27 акционерных компаний. Причем в большинстве случаев новые предприятия создавались предпринимателями иностранного капитала уже существовавшими в Югославии (8.3.70).

Наиболее активное участие иностранный капитал принимал в таких отраслях промышленности Югославии как горнорудная и литейная (25,4%) от общей суммы иностранных капиталовложений), производство электроэнергии (23,25%) и химическая⁶ (16,69%) (8.5.228). Особенно прибыльной была для иностранных предпринимателей горнорудная промышленность, в которой вложенные капиталы окупались, как правило, в течение нескольких первых лет эксплуатации предприятий, а все оставшееся время до истечения срока концессии, которая давалась обычно на 50 и более лет, иностранные капиталисты получали чистую прибыль. В течение 1928-1937 гг. прибыль от эксплуатации французским капиталом медных рудников в Боре в 26 раз превысила номинальную стоимость акционерного капитала. Рудники олова в Трапче, которые с 1929 г. принадлежали Англии, были после борских медных рудников самыми рентабильными. За первые пять лет своей деятельности английская компания получила прибыль почти равную первоначально выплаченному акционерному капиталу. Когда в 1940 г. встал вопрос о выкупе рудников государством английские предприниматели оценили его в 10 раз выше номинальной стоимости акций.

Перед началом второй мировой войны иностранный капитал в Югославии контролировал полностью добчу меди, олова, бокситов, серного колчедана и т.д. Стремясь удовлетворить все возрастающие потребности европейских промышлен-

⁶ В 1937 г. на югославскую промышленность приходилось 80,5% всех иностранных капиталовложений (Р.5.228).

но развитых стран в цветных металлах иностранные владельцы рудников увеличивали, прежде всего, добчу этого вида природного сырья. Если в 1938 г. стоимость добычи угля в Югославии выросла по сравнению с 1929 г. на 1,1%, а железной руды на 42,9%, то руд цветных металлов на 252,2% (5.3.47). Иностранным капиталистам было выгоднее вывозить руды в виде сырья и полуфабрикатов и ввозить их уже обработанными. Обладая богатейшими природными ресурсами Югославия находилась на последнем месте в Европе по производству чугуна, занимала одно из последних мест по производству стали. Во многом благодаря иностранному капиталу развитие югославской экономики приобрело односторонний характер. Долгие годы из Югославии вывозилась медная руда, а когда национальная промышленность нуждалась в продукции из меди, ее ввозили из-за границы. Преимущественная ориентация промышленного производства на экспорт наблюдалась и в других отраслях. Перед началом второй мировой войны 75-77% продукции электрохимической отрасли, которая также контролировалась иностранным капиталом, шло на экспорт (6.3.246).

В условиях безраздельного господства иностранного капитала в горнодобывающей промышленности Югославия была по сути дела превращена в сырьевую базу для развитых капиталистических стран Европы. Диспропорция между развитием групп "A" и "B" промышленности⁵, для преодоления которой и были привлечены иностранные средства, продолжала существовать в течение всего межвоенного периода.

Одним из важнейших факторов ускоренного развития тяжелой промышленности было укрепление обороноспособности страны. Начиная с 1935 г., югославское правительство предприняло ряд мер в этой области. С привлечением иностранных средств началось строительство прокатного цеха в Зенице, плавильного завода в Звечане, фабрики алюминия в Лозовце и завода по очистке меди в Боре. Это позволило оократить экспорт металлоизделий и экспорт руд, приступить

⁵ В 1918 г. из 1 831 фабрики только 462 могла быть причислена к группе "A" (35.12).

к их обработке и использованию в стране. Вместе с тем, это не решило проблемы в целом и не привело к отказу от иностранных поставок вооружений югославской армии.

В 1939 г. доля иностранного капитала в югославской промышленности достигла 41% всех капиталовложений, 55% производственных мощностей, 42% рабочих мест (5.3.56). При этом распределение его по отдельным областям было крайне неравномерным и находилось в прямой зависимости от исторических сложившихся особенностей (традиционно сильные позиции иностранного капитала на территории бывших австро-венгерских провинций), обилия природных ресурсов, наличия коммуникаций, емкости местных рынков. В 1940 г. на иностранный капитал приходилось около половины всех рабочих мест в промышленности Словении, Дорватии, Славонии и Далмации, около трети рабочих мест в промышленности Сербии, Боснии и Герцеговины⁶ (6.3.169).

Для оценки иностранного капитала в развитии промышленности Югославии в межвоенный период следует выделить два аспекта: необходимость его привлечения для финансирования экономики и последствия его господства. В 1937 г. журнал "Правредни преглед" (№26) писал: "Альтернатива - иностранный или национальный капитал в нашей промышленности - является ошибочной. Такой альтернативы нет, в есть другая - или подъем промышленности с помощью иностранного капитала или отсутствие подъема как такового". Другую точку зрения выразил югославский историк М.Миркович, который считал, что "страна должна смириться с тем, чтобы жить за счет прибыли от собственного труда и собственного производства" (I.3.73).

В целом влияние иностранного капитала на экономику Югославии вряд ли можно характеризовать целиком как негативное. Отрасли промышленности, в которых были привлечены иностранные средства, отличались ускоренным развити-

⁶ Среди владельцев иностранного капитала в югославскую промышленность были представители всех ведущих капиталистических держав за исключением Японии.

ем, применением передовых технологий⁶, повышением концентрации и монополизацией производства. Вместе с тем, привлечение иностранных капиталов вело к развитию таких отраслей промышленности, которые приносили доход, прежде всего, иностранным предпринимателям, что не всегда отвечало интересам государства. Следствием этого явилось усиление диспропорций в развитии югославской промышленности и экономики в целом. Деятельность крупного финансового капитала в слабо развитой капиталистической стране привела к его монопольному положению в ряде отраслей (горнодобывающей, электрохимической и т.д.). Наличие значительного числа иностранных картелей в условиях практического отсутствия конкуренции со стороны национальных промышленных объединений не только не способствовало развитию национального промышленного производства, но в ряде случаев препятствовало ему (например, иностранный картель чугуна, сокращавший производство этого важнейшего продукта для экономики Югославии, ввозил его из-за границы). Так, обеспечение необходимые финансовые средства для подъема югославской промышленности иностранный капитал в то же время в условиях по существу безграничного господства в ряде отраслей стал тормозом для дальнейшего всестороннего и эффективного развития экономики страны в межвоенный период.

1. Mirković M. Ekonomika historiјe Jugoslavije. Zagreb, 1958.
2. Обрадович С. Торговая политика Югославии. Н., 1940.
3. Vučo И. Agrarna kriza u Jugoslaviji 1930-1934. Beograd, 1968.
4. Класна борба.

⁶ Это не относилось к таким отраслям промышленности как, например, лесная, в которой иностранные предприниматели предпочитали использовать дешевую рабочую силу, а не совершенствовать технический уровень производства.

5. Lovrenović S. Ekonomika politika Jugoslavije. Sarajevo, 1956.
6. Dimitrijević S. Strani kapital u privredi bivše Jugoslavije. Beograd, 1958.
7. Ujedinjeni sindikati. Organ slobodnih sindikata u sastavu Ujedinjenog radničkog sindikalnog saveza Jugoslavije. Sept.-oktobr 1934. Broj 9-10.
8. Rosenberg V., Kostić J. Ko finansirao jugoslovensku privredu? Beograd, 1940.
9. Dimitrijević S. Privredni razvitak Jugoslavije od 1918 do 1941 godine. Beograd, 1962.

Ар.А.УДУКИН

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ПОЛИТИКЕ ГРЕЦИИ В ОТНОШЕНИИ
СОСЕДНИХ БАЛКАНСКИХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
(1919-1925 гг.)**

Установление Версальской системы и подписание комплекса международных договоров в начале 20-х гг. не привнесло умиротворения Балканам. Внешняя политика стран региона, находившихся на разных уровнях экономического и политического развития, продолжала являться выражением тех внутренних кризисов, которые захлестнули эти государства. Стремление обеспечить стабильность внутриполитической ситуации активными успешными действиями на международной арене – такова была суть предпринимавшихся правящими кругами балканских стран шагов. Вмешательство европейских держав лишь усугубило противоречия между государствами полуострова. Для Греции 20-е годы стали сложным периодом испытаний ее внешнеполитического курса. На смеси официальной доктрины "Великой идеи" пришла политика реалистма и гибкости, проявившаяся прежде всего в отношениях Греции с соседними славянскими странами – Болгарией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. (Королевством СХС)

Официальная внешнеполитическая доктрина, основными элементами которой являлись утверждения об "угрозе со славянского севера" и необходимости "похода за исконно греческими землями", претерпела изменения и во главу угла был поставлен тезис о политическом решении спорных вопросов, посыпших по большей части в отношениях с соседними странами территориальный характер. Главным среди них был вопрос о национальных меньшинствах. При этом вышло два главных аспекта проблемы, порожденных послевоенными условиями. Во-первых, образование новых независимых буржуазно-национальных государств, на территории которых проживали группы меньшинств. Во-вторых, существенные территориальные изменения, произошедшие в Восточной Европе после войны и в результате – подчинение групп меньшинств под управление государств, большинство населеных которых имело отличное от этих меньшинств происхождение, другой язык и исповедывало другую религию (I.C.29).

В развитии внешнеполитического курса Греции в указанное время можно выделить три главных этапа в соответствии с теми задачами, которые стояли перед греческой дипломатией в отношении соседних славянских стран. Первый, хронологически охватывающий 4 года (1919–1923) – это выработка "нового курса" в рамках складывавшихся международных правовых отношений в послевоенной Европе, и, в частности, в ее юго-восточном регионе – на Балканах. Их юридическая основа закладывалась Нейским договором 27 ноября 1919 г. и Севрским мирным договором 10 августа 1920 г. Второй период, главным событием которого было подписание Лозаннского договора 24 июля 1923 г. явился "переходный" к активной внешнеполитической линии в отношениях с Болгарией и Королевством САС после краха малоазиатских планов правящих кругов Греции, которые вновь прибегли к вопросу о национальных меньшинствах для решения широкого спектра социально-экономических и политических проблем в собственной стране. На заключительном, третьем этапе (1925–1929 гг.), внешнеполитический курс Греции был расчетан на проведение дифференцированной политики в отношении со-

седних славянских стран с целью недопущения их в район Эгейской Македонии.

Парижская мирная конференция, собралась во французской столице 18 января 1919 г. имела целью выработать решения по послевоенному устройству мира. Участие Греции было наиболее активным (об этом позаботились Франция и Великобритания) в работе одного из комитетов конференции - "Комитета молодых государств и защиты прав меньшинств". С самого начала своего существования он занялся вопросами болгарского и греческого меньшинства в двух странах. Учитывая тот факт, что Болгария как страна-союзница Германии должна была быть допущена на конференцию лишь после выработки проекта мирного договора с ней, греческая сторона в лице руководителя делегации Э.Венизелоса постаралась представить вопрос о национальных меньшинствах лишь в плоскости греко-болгарских отношений. Такой подход, по мнению Венизелоса, обеспечивал бы на первых порах продуктивные результаты. Развивая свой прежний план относительно обмена национальными меньшинствами с Болгарией, который он представил на имя короля Константина в записках от II в 17 января 1915 г. (2.0.331, 332 I, глава греческой делегации), и на Парижской конференции настаивал на подписание специального протокола о меньшинствах. Он предлагал создание смешанного комитета (комиссии) для разрешения вопроса о добровольном и взаимном обмене болгарским и греческим меньшинствами. Принятое сначала предложение Э.Венизелоса изтолкнулось на противодействие Белграда, который не хотел допустить широкого обсуждения вопроса о национальных меньшинствах на Балканах, как на этом настаивали Болгарские державы, стремившиеся в свою очередь использовать его как предлог для своего вмешательства во внутренние дела балканских стран. Нежелание югославских правящих кругов объясняется озабоченностью за целостность недавно образованного Королевства СХС. После долгих и ожесточенных дебатов в Комитете и его подкомитете, созданном для конкретизации условий проведения в жизнь предложению Венизелоса, был выработан проект договора между

Грецией, Королевством СХС и Болгарией [1, с.37-1], предусматривавший обмен национальными меньшинствами на трехсторонней основе. Представители Королевства СХС хотя и заявили о том, что они не возражают против такого плана, в то же время высказались за то, чтобы "проблема меньшинств решалась в ходе двусторонних переговоров заинтересованных держав" [3, с.27-31]. Болгарская же делегация приветствовала план трехсторонних договоров (план Н. Политиса – участника греческой делегации на Парижской конференции), надеясь подвергнуть осуждению и спорные с югославским государством вопросы о населении Вардарской Македонии, чего совершенно не желали представители Королевства СХС. Выдвинутая греками схема переговоров была расчитана на разжигание противоречий между Югославией и Болгарией для получения "политического капитала" в виде главенствующей роли на Балканах при поддержке Франции и Англии.

27 ноября 1919 г. между потерпевшей в первой мировой войне Болгарией, с одной стороны, и одержавшими победу в войне Сербами и Объединившимися державами, с другой, был подписан мирный договор. В соответствии с ним, в территориальном отношении Болгария передавали Королевству СХС территорию размером 2566 км², лишалась Западной Фракии, переходившей в распоряжение Великобритании, Франции, США, Италии и Японии, выступавшими гарантом выхода Болгарии к Эгейскому морю, но затем передавшие свой мандат Греции. Четвертый раздел договора обязывал Болгарию принять на себя международные обязательства в отношении национальных меньшинств, а часть второй статьи 56-ой регулировала процедуру обмена национальными меньшинствами. В этот же день был подписан соответствующий болгаро-греческий протокол об обмене меньшинствами. Югославская сторона весьма настороженно отнеслась к договору, так как в соответствии с официальной национально-государственной доктриной Королевства СХС, славяне, проживавшие в Эгейской Македонии, считались сербами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Жесткую линию в отношении греко-болгарской конвенции о переселении заняла эмиграция из Эгейской Македонии в

Болгарии. В своей брошюре "Македонская эмиграция и греко-болгарская конвенция о выселении", опубликованной в Софии в 1920 г., исполнительный Комитет Союза македонских братств в Болгарии писал, что с помощью договора "греческое правительство стремится в ближайшее время искусственно изменить этнографический характер всей Македонии... 14, с.740 !. Аргументация исполнительного Комитета включала также обвинения идеологов и создателей концепции в том, что, предоставляя право на выселение славянского населения этого района, они нарушают международные правовые нормы, так как "международное право не знает случаев применения права выбора по отношению к лицам, проживающим на территории, которая не перешла от одного государства к другому" 14, с.741 !, а в дальнейшем это, как указывалось в брошюре, приведет к "воспринимавшему применение известной клаузы о покровительстве национальных меньшинств", так как после выселения исчезают и сам объект договора 14, с.740 !. Одновременно ИК внутренней македонской революционной организации в протоколе о возобновлении деятельности от II июня 1920 г.ставил своей задачей в районе Эгейской Македонии "сохранение национального сознания и имени болгарского населения" и срыв процесса переселения 14, с.754 !.

В свою очередь, греческие правящие круги для обеспечения контроля в районах проживания славянского меньшинства создали специальную территориальную единицу Эгейская Македония со своим генерал-губернатором при министре Северной Греции, которому подчинились Западно-Фракийская и Игно-Эпирская области. Эгейская Македония была поделена на три генеральные державки - Центральную, Западную и Восточную 15, с.247 !.

Греко-турецкая война, длившаяся с мая 1919 г. до сентября 1922 г. и закончившаяся поражением Греции, означала окончание внешнеполитического курса, направленного на возвращение греческих земель, захваченных османскими завоевателями у Византийской империи. "Малоазийская катастрофа" обошлась греческому народу в 125 тыс. убитых и раненых, 600 тыс. убитых греков Малой Азии и 1,5 млн. беженцев 16,

с. 11 1. Внешний долг составил 400 млн. золотых франков
17, с. 84 1. Подписанный 17 января 1923 г. греко-турецкий
протокол охватывал широкий спектр двусторонних отношений,
включая и вопросы национальных меньшинств. Этот пункт до-
говора самим неожиданным образом появился на отношениях
Греции с Болгарией и Королевством СХС. Новая волна эми-
грантов, хлынувших в Грецию, обострила и без того сложное
экономическое положение в стране. Чтобы как-то ослабить
создавшуюся социальную напряженность, правительство Гона-
таса, прошедшее к власти в результате военного переворота,
направило эмигрантов в северные районы и попыталось тем
самым не только изменить экономические условия в стране,
но и попутно решить вопрос со славянским меньшинством в
Эгейской Македонии. В связи с действиями греческого пра-
вительства, правительство Болгарии выразило озабоченность,
так как по условиям предыдущих двусторонних соглашений
славяне в Эгейской Македонии находились под покровительст-
вом Болгарии. Особый накал приобрели болгаро-греческие от-
ношения после инцидентов в Эгейской Македонии, в резуль-
тате которых 26 июня 1924 г. погибли представители славян-
ского населения в селе Тирлиз. Это событие обострило и
без того накалившееся противоречия между двумя странами,
а болгарское правительство Цанкова потребовало вмешатель-
ства Лиги Наций в расследование инцидента, на долюри
это смешанному комитету 1 1, с. 47 1. К болгаро-греческой
подемике активно подключились правительства круга Королевства
СХС, которые стремились получить из этого спора для себя
определенный капитал и превратить Грецию в союзника уже в
своем споре с Болгарией относительно деятельности воору-
женных отрядов проболгарской ориентации в районе Вардаро-
ской Македонии. В результате призыва круга Греции, ведущие
явно антиболгарскую политику в отношении населения север-
них районов, стали использовать разногласия между Королев-
ством СХС и Болгарией с целью оказания давления на послед-
нюю. Таким образом, заинтересованность в расширении вопро-
са национальных меньшинств объединила Королевство СХС и
Грецию на антиболгарской платформе и более того, вгослав-

скол стороны все чаще ссыпалась на союзнические отношения 1913 г. Этому способствовал в некоторой степени тот факт, что созданная в 1920-1921 гг. под покровительством Франции блок Малая Антанта, куда входили Румыния, Чехословакия и Югославия был направлен против Болгарии и Венгрии.

Начавшая работать 1 сентября 1924 г. Уссесия Лиги Наций помимо общих международных вопросов подверглась рассмотрению проблемы, затрагивавшей греко-славянские отношения. Среди них - баженский заем Греции после "малоазийской катастрофы", выход Болгарии к Эгейскому морю. Спустя 2 дня вопрос о национальных меньшинствах в Греции был поставлен в Совете Лиги Наций председателем смешанного болгаро-греческого комитета по переселению до Рувером. Греция начала вести активную кулуарную работу по привлечению на свою сторону потенциальных сторонников Болгарии, главную роль среди которых играла Великобритания. В ходе двусторонних консультаций англичане недвусмысленно заявили греческой стороне, не считавшей возможным подписание каких-либо договоренностей с Болгарией, что такие договоренности "необходимы по политическим причинам" ! I, с.47! . Стремление Англии сколотить под своей эгидой блок балканских стран шло вразрез с планами правящих кругов Греции, вынашивавших идею о главенствующем положении своей страны на полуострове.

В ходе активных обсуждений в Лиге Наций и интенсивных переговоров между представителями Греции и Болгарии 29 сентября 1924 г. был подписан документ, регулирующий вопрос о национальных меньшинствах в двух странах. Английский представитель в Лиге Наций профессор Мюррей, поддерживавший болгарский проект договора, был охарактеризован одним из греческих дипломатов в сообщении в Министерство иностранных дел Греции как "не только известный альянтист и переводчик Эвропы, но и ... политик самого низкого уровня, утопист и фанатичный болгарофил" ! I, с.77 ! .

В соответствии со статьями договора, называвшегося "Задача болгарского меньшинства в Греции", подписанныго министром иностранных дел царской Болгарии Калфовым и

представителем греческого правительства Политисом, славянское национальное меньшинство Греции называлось болгарским, его права гарантировались (а это требовало пересмотра греческой конституции).

Сразу же после подписания договора Политиса-Калюва реакции на него официальных кругов Греции, Болгарии и Королевства СлС были совершенно противоположной. Прежде всего разыгрывавшиеся правительственные кризисы в этих трех странах, вызванные внутривеликими причинами, привели к формированию новых правительств, которые резко взялись за изменения прежнего курса.

В Греции правительство не комментировало в печати договор. Это было связано с негативными оценками греческой общественностью действий правительства Цанкова в отношении греческого меньшинства в Болгарии. В Болгарии, наоборот, подписание договора рассматривалось как победа. В Королевство СлС реакции привычных кругов была однозначной — протест против того, чтобы считать жителей Северной Греции болгарами, против образования Болгарской экзархии в этом районе, выдвигавшей как основание сербское, но их словами, происхождение славян в южной Македонии. В создавшейся парадоксальной ситуации, заключение болгаро-греческого договора не только не способствовало сближению этих стран, но еще больше обострило противоречия между ними. Одновременно Греция оказалась и под огнем критики Королевства СлС. Последующий ход событий показал заинтересованность европейских стран в развитии южнобалканских отношений. Англо-франко-итальянские противоречия, в которых были втянуты и балканские государства сыграли свою роль в формировании внешне-политического курса Греции в отношении Королевства СлС и Болгарии. Деконсигнирование 10 июля 1925 г. греко-болгарского договора со стороны Лиги Наций ставило на повестку дня вопрос об интенсификации греко-югославских контактов и восстановлении в полном объеме союзных двусторонних отношений. В этой связи усилились попытки Греции повлиять на СлС через Францию и Англию. Однако, как об этом сообщал в своей депеше в МИД

Греции ее представитель в Лондоне Кахламанос 12 июля 1925 года, "отказ английского правительства от проведения более активной политики, о чем мне заявили в Союз офис, объясняется тем, что не предстает полезной деятельность Англия в смысле полного восстановления прошлой атмосферы греко-сербских отношений! I, с.220-221!.

Греко-югославское сближение, тем не менее, проходило достаточно интенсивно. Несмотря на вполне очевидное желание Великобритании недопустить вхождение Греции в орбиту Малой Антанты с ее антиболгарской направленностью и гарантиями со стороны Франции "не давить на Афинами", ситуация объективно складывалась в пользу югославо-греческих отношений. Правда, здесь существовали и определенные трудности, заключавшиеся в необходимости предоставления Королевству САС ряда уступок. В Белграде возобладала точка зрения о необходимости сближения с Афинами, но при этом выдвигались два условия: заключение договора о национальных меньшинствах, в соответствии с которым славяне Эгейской Македонии признавались бы сербами, а также обеспечение железнодорожного транзита Салоники-Генголи. Стремление обозначить свое положение в системе сложившихся международных отношений на Балканах и боязнь потерять северные земли – вот какой был характер чувств и мотиваций дальнейшего поведения Греции на международной арене. В этой ситуации европейские державы, прежде всего Франция и Великобритания, постарались выдвинуть гарантии Греции, с тем, чтобы сплотить все балканские страны с целью создания "санитарного кордона" против СССР и обезопасить себя от германской опасности (о чём больше всего заботилась Франция). Уже упоминавшийся представитель Греции Д.Кахламанос сообщал министру иностранных дел К.Рендишу в этой связи: "Англичане, которые откровенно говорят с нами, сообщили, что в случае существования сербской опасности Салоникам, они не были бы для нас полезны так, как французы... ввиду особого положения, в котором находится Британская империя сейчас, ее принцип – не запутывать несбыточными обещаниями, а обещать, наоборот, меньше, чем она в состоянии сде-

лать" | I, с.225-226 |.

Помимо весьма неясной перспективы греко-югославских отношений, которые, как уже об этом говорилось выше, ставились на повестку дня объективным ухудшением греко-болгарских отношений, не достаточно понятным для Афин (как об этом свидетельствуют некоторые документы) был вопрос об отношении Англии к проблеме национальных меньшинств.

Сентябрь-октябрь 1925 г. стал критическим моментом в болгаро-греческих отношениях. Пограничный инцидент на границе двух стран перерос в интервенцию Греции против Болгарии, в результате которой греческие войска дошли до болгарского города Петрич. Ситуация на Балканах вновь обострилась и со всей очевидностью продемонстрировала сладость Лиги Наций как ароитра в конфликтных ситуациях | 8, с.164-166 |.

Таким образом, внешнеполитический курс лавирования и временного союза с одной из соседних славянских стран оказался для Греции не достаточно стабильным и сил чреват рано или поздно открытой конфронтацией. В этих условиях национальный фактор во внешней политике по сути превращался в вопрос о выгодности сделки с одним из северных соседей, в которой национальные меньшинства выступали как козырь и одновременно прикрытие общестратегической линии во внешней политике.

1. Тодоро-Серданъ А. *Българско-гръцките релации*. София
и по МИА-ДАФР 1924-1925. Бессарабия, 1926.
2. Гюлбенхъ А. *България 1908-1929*. София, 1929.
3. Ladas S. *The Exchange of Minorities. Bulgaria, Greece and Turkey*. New York, 1932. P. 27-31.
4. Македония. Сборник документов и материалов. София,
1878. - С.740.
5. Историја на македонскиот народ. Книга трета. Скопје,
1959. - С.247.
6. Корнеліадѣ С. *Ανοιγμα των εργασίων του πανεπιστημιού Δικηρεου//
Σ Μεκροστατική σχοτράτεσα και καταστοσφή. Αθήνα, 1921. Ι. II.*

7. Катохоб Г. Основоположение, или външно-външното съмнение, тъо
Избрани текстове на генетрата // И. Николович и др. С. 39.
8. Ильинина Р.М. Лига Наций 1919-1934. - М., 1981. - С. 164-
-166.

Е.П.СЕРАЛИНОВА

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СПОРОВ В РАЗВИТИИ ЧЕХОСЛОВАЦКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА

В настоящее время наблюдается некоторое обострение как национальных отношений внутри отдельных социалистических стран (Югославия, СССР), так и обострение межнациональных, то есть межгосударственных отношений (Румыния-Венгрия). Не последнюю роль в этом играют территориальные споры между отдельными нациями и народами. Изучение исторических корней этих разногласий, попытка оценить их причины и последствия приобретает таким образом особую актуальность. Во времена польского кризиса начала 80-х годов в Польше вновь стал подниматься вопрос о границах с Чехословакией в районе Тешина, появились требования их пересмотра в пользу ПНР. В середине 80-х годов в Чехословакии опубликован ряд работ прямо касающихся истории этого вопроса^{1,2}.

Целью данной статьи является выделение основных этапов чехословацко-польских отношений в период между двумя мировыми войнами и определение той роли, которую играли вопросы о спорных пограничных территориях в эволюции этих отношений.

Две соседние, близкие в языковом и этническом отношении страны, после победы Октябрьской революции и распада Австро-Венгрии приобрели национальную независимость. Отношения между молодыми буржуазными республиками с самого начала складывались сложно. Уже с конца первой мировой войны между ними возникает спор о государственной принадлежности густо населенной Тешинской области со смешанным

составом населения. Несмотря на многочисленные исследования, национальный состав населения области и его изменения в первой четверти XIX века и по сей день остаются предметом спора между историками ПМР и ЧССР. Согласно чехословацким данным, в тот период в области проживало 88 тыс. поляков, польским - 130, 170 и даже 250 тыс. поляков. К тому же в области был достаточно велик процент немецкого населения³, владевшего основными промышленными предприятиями. Речь шла о небольшой по площади (около 850 км²), но крайне важной в экономическом и стратегическом смысле территории, на которой расположен крупнейший угольный бассейн, богатые металлургические предприятия и проходит железнодорожная ветка, соединяющая Чешские земли со Словакией. Чехословацкая сторона аргументировала свою претензию на этот район "историческим правом" (эти земли еще в XIII-XIV веках были отвоеваны Чешской короной), польская - этническими доводами, ссылаясь на преимущественно польский состав населения. Консолидации обоих государств проходила в условиях борьбы с революционным движением внутри самих стран, активизировавшимся под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, и сопровождалась стремлением к расширению своих границ в ущерб соседей.

5 ноября 1918 г. между двумя странами было заключено временное соглашение о Тешинской области, согласно которому большая часть ее входила в состав Польши. Чехословацкая сторона, неудовлетворенная этим, 23 января 1919 г. оккупировала польскую часть Цешина, что в свою очередь вызвало отпор польских вооруженных сил и протест со стороны западных союзников, под пажимом которых Польша и Чехословакия подписали соглашение о демаркационной линии, передвинутой в пользу Чехословакии. 3 февраля 1919 г. административная власть над Тешинской территорией была передана межсоюзнической комиссии. Но ее решению еще дважды в марте и в мае 1919 г. велись двусторонние чехословацко-польские переговоры о границах, но закончились безрезультатно⁴. Вопрос о Тешине стал предметом обсуждения на Парижской мирной конференции. Согласно американской концеп-

ции послевоенного устройства, Чехословакия в отличие от Польши не должна была играть сколько-нибудь заметной политической роли в Европе. Именно поэтому США поддержали польские требования этнических границ, тем более, что они были выдержаны в духе ноты президента Вильсона. Италия также высказалась в пользу Польши. После определенных колебаний Великобритания также поддержала эту точку зрения. За чехословацкую позицию выступила лишь Франция. Таким образом было принято решение провести в Тешинской Силезии плебисцит⁵. Однако изменение международной обстановки, а в связи с этим и позиций Великих держав, привело к тому, что тешинский вопрос был решен 28 июля 1920 г. на совещании послов Антанты – область была разделена, причем к Чехословакии отошла часть польской этнической территории, почти весь Карвинский угольный бассейн, железнодорожная ветка с главным вокзалом и большинство фабрик. Польша получила большую часть самого Тешиня. Одновременно с этим были разделены еще 2 небольших района – Спиш и Орава в Татрах⁶. Польская реакция на подобное решение была негативной, но из-за внешнеполитических причин (польско-советская война 1920 г.) Польша была вынуждена отказаться от плебисцита и подчиниться решению союзников.

Следующий этап взаимоотношений двух стран связан с созданием в 1920–1921 гг. Малой Антанты – политического и военного союза Чехословакии, Румынии и Югославии под патронатом Франции, а также с заключением в 1921 г. польско-румынского и франко-польского союзов. Ввиду настойчивых требований Франции и Румынии Чехословакия взяла на себя обязательства нормализовать свои отношения с Польшей. В 1921 г. взаимной политической поддержкой – Чехословакия Польше в вопросе о Верхней Силезии, Польша Чехословакии негативной позицией в отношении реставрации в Венгрии Габсбургов, было достигнуто некоторое сближение стран. Свидетельством этого явился и подписанный 6 ноября 1921 г. министрами иностранных дел Э. Бенешем и К. Скирмунтом договор, согласно которому стороны обязывались уважать территориальную целостность, проводить арбитраж по спорным во-

просам и придерживаться нейтралитета в случае конфликта с третьей стороной. Кроме того стороны брали на себя обязательства ликвидировать на своей территории враждебные друг другу вооруженные силы. Однако Варшава не ратифицировала этот договор из-за продолжавшегося еще с 1920 г. конфликта с Чехословакией в отношении другого пограничного района — Яворинь⁷.

Окончательно спор из-за Явориня был решен лишь в 1924 году подписанием протокола от 6 мая. В этот момент стороны стремились нормализовать отношения в связи с готовившимися Локарнскими соглашениями, направленными против интересов малых стран. В том же 1924 г., во время Женевского совещания Лиги Наций министрам иностранных дел Э. Бенешу и К. А. Скишиньскому удалось договориться о нормализации отношений. 25 апреля 1925 г. в Варшаве они подписали З договора: о ликвидации взаимных территориальных претензий и признании равноправия национальных меньшинств; об арбитраже для решения всех разногласий, исключая лишь территориальные, и финансовых и торговых отношений⁸. После этого состоялся обмен послами. Однако до политического союза дело не дошло. Бенеш, проводя своеобразную дипломатическую игру с Германией, отклонил в апреле 1926 г. предложение Скишиньского о союзническом договоре.

Майский переворот в 1926 г. отразился на развитии чехословацко-польских отношений. В связи с угрозой германской опасности в регионе все более явно стала проявляться тенденция к тесному сотрудничеству. Это был период, когда Польша начала сближение с Малой Антаной, что нашло свое кульминационное выражение в участии нового польского министра иностранных дел А. Залесского в Белградской конференции Малой Антанты в 1932 г. В целях укрепления своих международных позиций Польша подписала 25 марта 1932 г. пакт о ненападении с СССР, переговоры о котором велись еще с 1926 г.⁹.

Однако приход к власти в Германии Гитлера в 1933 г. означал и значительные изменения в международных отношениях. Следующий поворот в чехословацко-польских отноше-

ях был связан с подготовкой и заключением пакта 4-х (Великобритании, Франции, Германии и Италии). После его подписания 23 марта 1933 г. Польша и страны Малой Антанты протестовали против него. Однако общий фронт длился недолго. Бенеш, анализируя международную ситуацию, решил, что Польше угрожает большая опасность со стороны Германии, чем Чехословакии, и не захотел увеличивать свой собственный риск союзом с Польшей (хотя возможность такого союза существовала, а ставший в 1932 г. во главе министерства иностранных дел Польши Ю.Бек проявлял в связи с этим инициативу). Чехословакская же сторона предложила Польше вместо союза формулу о "вечной дружбе", которая в свою очередь не удовлетворила Польшу, так как не усиливала ее позиций в отношении Германии. Используя тот факт, что страны Малой Антанты одобрили пакт после того, как в мае того же года Франция заверила, что он не противоречит их интересам, Польша прервала переговоры с Чехословакией.

Польша в этот период начала проводить так называемый "независимый" курс равновесия между Западом и Германией и вернулась к практике непосредственных контактов с Германией. 26 января 1934 г. между Польшей и Германией была подписана декларация о неприменении силы во взаимных отношениях, которая сыграла негативную роль в дальнейшем развитии отношений Чехословакии и Польши. В Польше вновь стали подниматься вопросы о передаче ей всего Тешинса, активизировалась античешская кампания в печати, польские политики начали вновь сближение со словацкими сепаратистами, глинковскими людаками. Свидетельством напряженности отношений явились и 3 декабря Пражского и Варшавского комитетов взаимопонимания прессы. Даже те организации журналистов, которые были специально созданы для содействия взаимопонимания сторон, опубликовали декларации полные взаимных обвинений, претензий и подсчета старых обид¹⁰. С 1934 г. польско-чехословакские отношения вступают в кризисный период.

Чехословакия, находясь под угрозой со стороны всех своих соседей, стала активно поддерживать политику кол-

лективной безопасности и концепции Восточного пакта. 16 мая 1935 г. ЧСР заключила союзнический договор с СССР, к которому в Польше отнеслись как к антипольскому альянсу. В 1935 г. стороны отзывали своих послов. В 1935-1936 гг. Франция берет на себя функции посредника в урегулировании чехословацко-польских отношений. Существовал даже французский проект договора двух стран, который, правда, не был реализован из-за противодействия польской стороны. Проведенные франко-польские переговоры с целью укрепления союзнических отношений привели к формальной нормализации чехословацко-польских отношений. В марте 1936 г. послом в Варшаву был назначен Ю. Славик, а польским послом в Прагу — К. Папе. Однако отношения между двумя странами в действительности были далеки от дружественных. Польский публицист В. Липашевич писал в 1936 г., что в Польше и в Чехословакии существуют ассоциации дружбы, которые в основном занимаются славянофильскими декларациями, тогда как степень обострения чехословацко-польских отношений не может быть ликвидирована никакими декларациями¹¹.

В 1937-1938 гг. отношения между двумя соседями еще более обостряются. Предметом резкой критики в обеих странах становится политика в отношении национальных меньшинств. Используя благоприятную международную обстановку и националистические настроения в стране, Ю. Бек, заручившись поддержкой Германии и Италии и согласием Великобритании и Франции, посылает в Прагу ультиматум о передаче Польше всего Тешинска. После Мюнхена чехословацкое правительство вынуждено было принять ультиматум, и 1 октября 1938 г. польские войска оккупировали область. Фактически это означало участие Польши в мюнхенском разделе Чехословакии.

Спорные территориальные проблемы, существовавшие между Чехословакией и Польшей, пресловутое "яблоко раздора" были, как мы видим, весьма существенными и болезненными, так как здесь были затронуты национальные чувства, но далеко не единственными причинами негативного развития отношений двух стран. На ход их развития существенное

влияние оказывала изменявшаяся международная обстановка, позиции западных держав, складывание отношений с СССР, а также расстановка политических сил внутри стран. По сообщениям чехословацкого посла в Варшаве Ю.Славика, в Польше существовала сильная оппозиция режиму санации (В.Сикорский, М.Ратай), представители которой считали необходимым укрепление чехословацко-польских отношений¹². Кроме того необходимо учитывать различные внешнеполитические концепции, а также эволюцию взглядов высшего эшелона власти в той и другой стране. Для польских политиков на протяжении всего межвоенного периода решающее значение имели их отношения с Германией и Россией. Отсюда заключение пакта с СССР и польско-германская декларации, которые рассматривались польской стороной как тактические шаги. В качестве гарантий на случай конфликта с одной из этих стран Польша имела союз с Францией на Западе и с Румынией на Востоке. Отношения же с Чехословакией были для Польши второстепенными. Для Чехословакии первостепенное значение имели отношения с Германией и Венгрией. В качестве гарантии в случае возможной агрессии со стороны Германии – союз с Францией и с СССР, а как гарантия против реваншистских устремлений Венгрии – Малая Антанта. Таким образом и чехословацкая сторона не считала отношения с Польшей слишком важными. К тому же активизировавшаяся во второй половине 30-х годов в польской политике идея создания "системы дружественных государств от Балтики до Черного моря" под эгидой Польши, так называемая концепция "междуречья" или "третьей Европы" расценивалась чехословацкими политиками как шовинистическая и вызывала лишь враждебную настороженность (2.5.201).

Последовавшее за Мюнхеном расчленение Чехословацкой Республики и оккупация Чешских земель, а затем и нападение гитлеровской Германии на Польшу со всей очевидностью обнаружили крах буржуазной дипломатии двух стран и необходимость пересмотра их внешнеполитических концепций.

Период второй мировой войны стал своеобразным переходным этапом в развитии чехословацко-польских отношений (от внешнеполитических концепций буржуазных государств к

новой внешнеполитической ориентации стран народной демократии, а затем и социалистических стран). В период гитлеровской оккупации народы Чехословакии и Польши на практике убедились в том, что свобода и независимость их стран может быть обеспечена лишь тесным сотрудничеством и союзом с СССР, прочной взаимной дружбой, привели к заключению о необходимости борьбы за коренные перемены во внутренней и внешней политике своих государств¹³. Последовавшая победа рабочего класса Чехословакии и Польши, достигнутая под руководством КПЧ и ПОРП, сделала возможным впервые в истории создать союзнические отношения между странами, основанные на принципах интернационализма. Однако территориальные проблемы, доставшиеся в наследство народно-демократическим государствам после войны, решить было не просто. Заключенный странами 10 марта 1947 г. союзнический договор оставил эти проблемы открытыми. Окончательно вопрос о Тешине и других пограничных территориях был решен лишь в 1958 г.¹⁴.

1. Klimko J. Politické a právne dějiny hranic predmaršíchovskej republiky 1918-1938. Bratislava, 1986.
2. Deák L. Zápas o střední Evropu 1933-1938. Bratislava, 1986.
3. Kába O., Pavolka R. Těšínsko v polako-československých vztazích 1918-1939. Ostrava, 1970.-S.12-14.
4. Gajanova A. ČSR a středoevropská politika volnočí (1918-1938). Praha, 1967.-S.46-47.
5. Raková S. US Central European Policy (November 1918-June 1919).-In: Historica, XXII, Praha, 1983.-S.176-180.
6. Raubal S. Granica polityczna polsko-czeska. Warszawa, 1927.-S.22-24.
7. Wandyer P.S. France and her Eastern Allies 1919-1925. French-Czechoslovak-Polish Relations from the Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962.-S.395-397.

9. Михутин И.В. Советско-польские отношения 1931-1935. -
М., 1977. - С.20-52.
10. Spór polaco-czechosłowacki w zwierciadle trzech deklaracji prasowych i rzeczywistości. Praga, 1934.
11. Lypaciewicz W. Polish-Czech relations. Warszawa, 1936.-Р.3-4.
12. Kowalczyk J. Za kulismi wydarzeń politycznych. Warszawa, 1976.
13. Borodovčák V. Poláký národ a národy Československa na dôležnej křížovatce (1939-1948). Bratislava, 1982.
14. Umowy graniczne PRL Warszawa 1974.-S.18-20.

С.В.ШУЛЬЦ

РАЗВИТИЕ ЭТАТИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В ПОЛЬШЕ 1918-1929 ГГ.

Проблемы, касающиеся экономического развития Польши межвоенного периода, представляют несомненный интерес для исследователя, поскольку оно имело ряд особенностей. Молодое государство, возрожденное из обломках трех империй, получило в наследство слабую, полуразрушенную промышленность, сельское хозяйство экстенсивного типа с избыточным населением и несколькими экономическими укладами, а также неравномерность социально-экономического развития между районами страны. К этим основным чертам следует прибавить слабость национальной буржуазии, неразвитость экономических связей, практическое отсутствие единого рынка и устаревшее промышленное оборудование. Все это создавало определенные трудности для успешного развития. Не следует оставлять без внимания и внешние условия – наличие экономически сильных соседей с развитой капиталистической экономикой, с которыми было довольно сложно конкурировать. Все это создавало предпосылки для использования новых методов управления экономикой, когда необычайно возросла роль государства. Одним из таких методов стал этатизм. Под данным термином придается подразумевать активную экономическую

политику, проводимую государственными органами, которая направлена на укрепление основ буржуазного строя и имеет в качестве основной цели укрепление народного хозяйства.

Этатистские тенденции были характерной чертой польской экономики на протяжении всего межвоенного периода. Прежде всего им была присуща неравномерность в проявлениях, обусловленная особенностями социально-экономического и политического развития буржуазно-помещичьей Польши, с одной стороны, и общим ходом развития мировой капиталистической экономики, с другой. Следует также отметить их стабильный характер, продолжавший причинять стагнационного характера польской экономики и нентробежными процессами, имевшими в ней место.

Из всех аспектов темы мы сосредоточим особое внимание на: 1) процессе формирования этатизма; 2) особенностях процесса его развития, указав основные методы вмешательства в экономику; 3) роли кредитно-финансовых учреждений в данных процессах.

Хронологически рамки сообщения ограничены периодом с 1918 по 1929 гг., т.е. от момента провозглашения независимости до начала мирового экономического кризиса. Это вызвано прежде всего тем фактом, что после кризиса 1929 г. этатизм претерпевает значительную трансформацию в связи с изменением экономического курса санационного режима и постепенно начинает использоваться в качестве основной государственной экономической доктрины вплоть до 1939 года. В период же с 1918 по 1929 гг. процесс его развития протекает полностью самостоятельно, т.е. под воздействием объективных экономических и политических факторов. Данный период условно разделен на этапы, которые в своем развитии прошла экономика страны.

Для успешного выявления причин возникновения этатистских тенденций следует проанализировать состояние экономики только что возникшего государства с точки зрения глобального соотношения структур и стоявших стратегических задач. Выполнив эту установку можно выделить 5 основ-

ных экономических укладов:

- патриархальный, сохранившийся на незначительной части сельскохозяйственной территории и не игравший существенной роли;
- мелкотоварищий, доминировавший в сельском хозяйстве и в промышленности;
- капиталистический, преобладавший в крупной промышленности;
- монополистический, процесс формирования которого начался еще до первой мировой войны и продолжался весь межвоенный период;
- государственно-капиталистический, возникший после 1918 г. в результате национализации собственности, принадлежавшей ранее Австро-Германии и России.

"Многоукладность - свидетельство переходного состояния экономики и общества"¹. В условиях буржуазной государственности в Польше объективно ключевые позиции предстояло занять капиталистическому укладу, без чего нельзя даже было и думать о расширенном воспроизводстве капиталистических отношений. В особенности это относилось к сельскому хозяйству, в котором сильные позиции занимало помещичье землевладение и объективно иззрала необходимость реформ в целях ускорения развития буржуазных отношений.

В конкретных условиях буржуазно-помещичьей Польши важное значение приобретал процесс расслоения деревни - разделения мелких землевладельцев на сельскохозяйственных предпринимателей и сельский пролетариат. В данном процессе В.И.Ленин видел основу образования внутреннего рынка для крупной промышленности². Однако преобразования в области сельского хозяйства носили непоследовательный и поливличитый характер, вследствие чего подверглась консервация социальная структура деревни и замедлилось развитие капиталистических отношений. Крестьяне расходовали полученную прибыль не на закупку промышленных изделий, а на приобретение новых земельных участков. Тот факт, что такой потенциально-возможный и крупный для дальнейшего прошествия внутренний рынок как сельское хозяйство был ис-

ключен из экономической системы, отрицательно повлиял как на развитие польской промышленности в целом, так и оказал значительное воздействие на процесс становления эстетических тенденций.

В области промышленности перед страной стояла задача капиталистической индустриализации, создания необходимых для жизнедеятельности независимого государства отраслей промышленности - оборонной, энергетической, машиностроительной и т.д. Успешное решение задачи такого глобального масштаба требовало привлечения значительных капиталовложений. Вследствие определенной слабости позиций национального частного капитала, основную роль в ее решении предстояло сыграть буржуазному государству, которое начало с восстановления и ввода в строй пострадавшей в годы первой мировой войны промышленности. Так 30 мая 1919 г. был принят закон о предоставлении 75 млн. марок для финансирования льготных ссуд для крупных промышленников и 25 млн. марок для мелких предпринимателей и ремесленников³. Следует, однако, отметить тот факт, что эта помощь явилась не результатом проводимой целенаправленной политики, а скорее следствием сложной экономической ситуации в стране и носила спорадический характер. Необходимо также принять во внимание то, что крупные средства отвлекались на восстановление госсектора в экономике. Его возникновение объясняется некоторыми историческими особенностями развития П.Речи Посполитой, заложенными еще в переход раздалов. К одной из них относится получение Польшей государственной собственности, ранее принадлежавшей разделенным ее империям.

К числу полученных в наследство предприятий относятся почта, банки, типографии, государственные железные дороги, леса - в общегосударственном плане. Кроме того, от Австро-Венгрии отошли крупные нефтеперерабатывающие заводы, угольные шахты, солеварни и соляные копи, табачные фабрики и государственная лотерея. Согласно декрету от 28 декабря 1918 года все ранее принадлежавшие России, Австро-Венгрии и Германии промышленные предприятия, шахты, мастерские и

т.д. были переданы в государственное управление. К выше-перечисленному следует прибавить германские предприятия, переданные Польше по решениям Женевской конференции от 15 мая 1922 года - около 700 км железных дорог, шахты "Скарбодэрн" и др.⁴. Стоит упомянуть и о том факте, что государство стало участником многочисленных акционерных компаний со смешанным капиталом.

Так были заложены основы государственного сектора, размеры которого, к сожалению, затруднительно определить даже приблизительно из-за отсутствия полных данных. Его структура создавала предпосылки для последующего развития топливно-энергетической промышленности, ибо в руках государства были сосредоточены предприятия горнодобывающей промышленности и заводы по нефтепереработке. Кроме того, наличие в госсекторе железных дорог и значительных лесных массивов благоприятствовали его дальнейшему развитию.

Формирование государственного сектора происходило также за счет реквизиций железных дорог, необходимых для переброски войск, вооружения и т.д. В результате территориальных приращений на востоке их протяженность увеличилась с 7 тыс. 177 км в 1919 г. до 15 тыс. 356 км в 1921 г. Помимо этого, по условиям Рижского договора Польша стала владельцем огромных лесных массивов в Западной Белоруссии, которые были впоследствии присоединены к государственным лесам⁵.

Ведение боевых действий стало фактором, способствовавшим расширению госсектора за счет создания новых звеньев. Одним из них стала военная промышленность. Поскольку Россия, Австро-Венгрия и Германия, руководствуясь политическими соображениями, сознательно не создавали на оккупированной территории предприятий такого типа, то для решения проблемы необходимо было найти какой-то выход. Попытки привлечь иностранный капитал успеха не имели, а частный национальный капитал еще не обладал достаточной мощью. Поэтому решение шло по двум путям:

- 1) закупка вооружения за границей;
- 2) создание предприятий смешанного типа, являвшихся

замаскированной формой государственной собственности.

Основная часть военных потребностей удовлетворялась за счет ввоза, поэтому в тот период военно-промышленный сектор не играл еще заметной роли.

Существенным фактором, повлиявшим на развитие капитализма в конце 10-х - начале 20-х гг. стало принятие государством большого количества банков, игравших важную роль в хозяйственной деятельности, а впоследствии ставших опорой в проведении финансовой политики. В собственность государства перешли:

1. Национальный банк Галиции (Галицийский Банк Кародовы) во Львове;

2. Военно-кредитное бюро Галиции (Галицийско Милитарна Евро Кредитова);

3. Кредитное бюро городов Малой Польши (Евро Кредитово Мяст Малопольски) и Банк хозяйства страны (Банк Господарства Крайового - БГК), которые в 1924 г. были объединены.

В 1919 г. возникли Польский Аграрный банк (Польски Банк Рольны), с 1922 г. Государственный Аграрный Банк (Паньстови Банк Рольны - ПБР) и Почтовая сберегательная касса (Почтова касса Ощаднощчи - ПКО).

Появление в распоряжении государства данных учреждений делало возможным проведение активной кредитно-финансовой политики, основной целью которой было "финансирование собственных и частных объектов, необходимых государству"⁶.

Следует упомянуть еще об одной форме государственного регулирования, которая была результатом сложного экономического и политического положения государства. Речь идет о создании чрезвычайных институтов в сфере распределения. 29 июня 1919 г. была введена чрезвычайная хлебная монополия, затем создано Министерство апроверзации, тщательно следившее за процессом закупки, поступлением и распределением продовольствия. В качестве исключительного средства в жизни капиталистического государства была введена государственная монополия на внешнюю торговлю. К этому же периоду относится внеджение правительством контроля над про-

известством и распределением различных материалов и производством посредством перевозок по принадлежавшим государству железным дорогам.

Необходимо также обратить внимание на издание правительственные декретов, регламентировавших отношения между трудом и капиталом в сфере производства (введение более продолжительных рабочего дня и рабочей недели).

Как правило, большинство из перечисленных методов носили временный характер и позже были отменены, но роль и влияние государства на хозяйственную жизнь страны значительно возросли по сравнению с довоенным периодом.

Нельзя не сказать еще об одном специфическом звене госсектора - спиртовой, табачной и солевой монополиях. Первая включала 11 заводов по производству водки, 4 очистных завода и значительное количество вспомогательных учреждений. Вторая - 18 табачных фабрик и около 70 второстепенных хозяйственных единиц. В последнюю входили соляные копи и солеварни на территории Малой Польши и Цешинской Силезии.

Вышеперечисленные монополии являлись стабильным, надежным и достаточно мощным источником финансовых поступлений в госказну.

Ознакомившись с процессами, происходящими в хозяйственной сфере, основным содержанием которых было формирование госсектора в промышленности, инфраструктуре и финансах, а также методами регулирования использовавшихся при этом буржуазным государством в первые годы независимости можно сделать вывод, что в данный период происходил процесс складывания и расширения государственно-капиталистического уклада, основным содержанием которого являются:

1. Государственная собственность на средства производства.
2. Выделение госкредитов капиталистическим предприятиям.
3. Государственное регулирование отношений между трудом и капиталом.
4. Защита национального капитала от иностранного.

Функционируя в пределах данного уклада, экономическая деятельность государства может осуществляться в двух формах:

- а) непосредственной, суть которой заключается в финансировании государством различных сфер национальной экономики;
- б) косвенной, основанной на использовании частного капитала при помощи различных экономических стимулов и рычагов.

К первой, следовательно, можно отнести помещение капиталов в получившую по наследству государственную собственность, расходы по формированию основ государственной военной промышленности, а также финансирование различных частных предприятий.

Ко второй же мероприятия государства по регламентации в сфере распределения.

После окончания войны 1920 г. в польской экономике наступил кратковременный период стабилизации или "благоприятной конъюнктуры", продолжавшийся до осени 1923 года.

Он внес, во-первых, соответствующие изменения в экономическую политику: в течение 1921 г. были ликвидированы институты военного времени и отменены законы, регламентировавшие сферу производства и распределения, а также систему регулирования цен. Во-вторых, после окончания войны наблюдается тенденция к постепенному сокращению финансовой помощи представителям частной промышленности со стороны правительства, которые пытались также избегать проведения политики непосредственного экономического вмешательства в экономику.

Однако перед страной стоял целый ряд сложных задач первостепенной важности: восстановление разрушенных предприятий, создание из различных по уровню экономического развития районов единого хозяйственного организма, а также начало формирования основ военной промышленности, выполнение которых требовало привлечения крупных финансовых средств. Нестабильность внутриполитического положения в стране и сложная международная обстановка вели к тому, что

представители национального капитала воздерживались от вложений в польскую экономику. В этих условиях существенную помощь могли бы оказать крупные иностранные кредиты, но они в нужном количестве не поступали, в связи с чем буржуазное государство вынуждено было решать экономические проблемы в основном за счет средств государственной казны. Состояние же последней в этот момент было очень сложным, и прежде всего потому, что расходы значительно превышали доходы. Выход из положения правительства искали в выпуске бумажных денег. Однако процесс увеличения денежной массы не сопровождался эквивалентным ростом необходимого количества товаров на рынке, что вызывало неустранимое и непрекращающееся повышение цен в стране и падение курса польской марки. Постепенно выпуск бумажных денег становится основным источником дохода для польской казны, поскольку сбор налогов практически не давал поступлений, а повышение учетной банковской ставки тоже не привело к положительным результатам. Функция налоговой системы выполняла инфляция, которая стала основным методом косвенного имущественства государства в данный период. Перманентное обесценивание польской валюты предоставляло возможность крупной и средней буржуазии максимально ограничить затраты на производство. Фиксированые налоги и государственные кредиты, погашавшиеся без учета падения стоимости польской марки, также способствовали росту доходов предпринимателей. Следует подчеркнуть тот факт, что польские товары продавались на внешних рынках по твердым ценам, что позволяло экспортёрам пользоваться разницей между ценами на внутреннем и внешнем рынках.

Таким образом, процесс инфляции стимулировал экономическую активность представителей частного капитала, а также предоставлял государству некоторую возможность вкладывать средства в экономику, что объективно способствовало решению многих проблем.

В частности, была заложена необходимая база для создания государственного концерна военных предприятий, процесс которого был в основном завершен к 1927 году⁷. Стро-

ится также предприятия электротехнической промышленности и паровозостроительные заводы. Продолжается процесс восстановления старых железнодорожных линий и строительство новых⁸.

В данный период начинает набирать силу процесс становления и развития государственных кредитно-финансовых учреждений, что было обусловлено необходимостью финансирования собственных и частных объектов, в которых нуждалось государство.

В период инфляции деятельность их еще не играет ведущей роли в экономической жизни страны, но она создавала необходимые условия для ее упрочения в будущем.

Период кратковременной стабилизации завершился осенью 1923 г. наступлением волны гиперинфляции, которая означала начало вступления страны в этап послевоенного кризиса, продолжавшегося до начала 1926 г.

В апреле 1924 г., согласно проекту В. Грабского, началось проведение денежной реформы, в результате которой марка была заменена злотым, гарантированным золотом и запасами иностранных валют. После этого, кризисные явления в экономике стали очень быстро прогрессировать.

Уменьшилось количество действующих частных промышленных предприятий. Часть их попросту закрывалась, а некоторые даже были перенесены за границу - в Румынию и Югославию⁹. К. Джевульски относит к данному периоду также начало процесса обобществления предприятий, заодно сдавших государству¹⁰. Последнее принимало широкое участие в финансировании частного сектора в предшествовавшие периоды и, по всей видимости, вынуждено было впоследствии принимать на себя заботу о разорившихся предприятиях, в которых была достаточна велика доля его ассигнований, что по сути означало их переход в госсектор. Вышеназванное явление было прямым следствием применения в экономике непосредственных методов воздействия, которые в данный период шли по нескольким направлениям. Во-первых, при помощи ирэдитования частных предприятий. В 1924 г. был заключен договор с "Урсусом" о строительстве завода по производству автомобилей^{II},

для чего БГК выдала 26,4 млн. злотых. Если учесть тот факт, что собственный капитал "Урсуса" составлял 15 млн. злотых, то заключение договора привело его косвенным образом через БГК в госсектор. Во-вторых, продолжались процессы, направленные на расширение государственной инфраструктуры. Можно привести в качестве примера тот факт, что в результате организованных правительством общественных работ в пе пол 1923-1926 гг. было построено около 500 км государственных железных дорог. Началось также строительство морского порта в Гдини и создание морского торгового флота¹². В-третьих, продолжалось строительство промышленных предприятий в составе государственного военного концерна. В-четвертых, в кредитно-финансовой сфере или процессы, направленные на создание благоприятных условий для хозяйственной деятельности госбанков. С введением твердой валюты гнули место некоторые изменения: во-первых, кредиты, предоставленные государством, потеряли форму субсидий; во-вторых, прокатилась целая волна банкротств многих акционерных обществ и частных банков, капитал которых носил чисто спекулятивный характер. Если в 1923 г. было III акционерных банков, имевших 655 отделений, то в 1926 г. их численность сократилась до 71 с 28 отделениями¹³. Испытали инвестиции частного сектора составили в 1924 г. 500 млн. злотых. Все это свидетельствовало о том, что государственные кредитно-финансовые учреждения начинают играть весьма заметную роль, становясь основным рычагом политики государственного вмешательства в экономическую жизнь.

Наряду с применением непосредственных методов вмешательства продолжали функционировать и косвенные, такие как налоговая; кредитная, тарифная политика и т.д.

Так, в соответствии с законом о промышленном налоге от 14 мая 1923 г. от него подлежали освобождению все государственные предприятия, железные дороги и т.д. По закону о табачной монополии последняя была освобождена от всех налогов. Спиртовая монополия была освобождена от уплаты налогов несколько позже в 1927 г. Указами 1924 г. БГК и Польский банк были освобождены от всех прямых нало-

гов, кроме земельного и налога с недвижимости. Польский аграрный банк в том же году освобождался от всех прямых налогов и т.д.¹⁴.

С помощью косвенных методов воздействия государство способствовало созданию привилегированных условий предпринимателям госсектора, что не могло не испортить положительную их конкурентоспособность.

В данный период, несмотря на кризисные явления, в экономике страны продолжалось расширение госсектора, в том числе за счет разорявшихся частных предприятий. Оно было обусловлено преодолением непосредственной финансовой поддержки государства и дополнялось льготной налоговой политикой. Наиболее значимым в данном процессе было дальнейшее расширение кредитно-финансового сектора и усиление его роли в хозяйственной жизни страны.

Послекризисный депрессия, начавшийся в Польше в феврале 1926 г., закончился к сентябрю 1926 г. и с этого момента народное хозяйство страны вступило в период блестящей экономической конъектуры. Ему сопутствовало увеличение по многим отраслям показателей прошлогоднего производства, а также рост общего числа предприятий¹⁵.

В этот период начинается создание так называемого треугольника безопасности, расположенного в междуречье Вислы и Сана, равноудаленного от наиболее опасных с точки зрения польского руководства восточной и западной границ. Вследствие пассивности частного капитала проблемы столь крупного масштаба государство было вынуждено решать самостоятельно, используя для этих целей комплекс кредитно-финансовых учреждений. Кроме того в 1926-1929 гг. правительство активизирует деятельность не только по строительству новых объектов, но и реконструкции уже действующих предприятий. Так, например, начинается строительство порта и промышленных холодильников в Гдине, строятся и реконструируются заводы по производству средств связи и военного оборудования и т.д.

На развитие государственного сектора оказывала влияние объективная необходимость движений вперед, которая

наиболее ярко проявила себя в условиях экономического подъема.

В кредитно-финансовой сфере важную роль начинает играть такой вид банковской операции как предоставление долговременных кредитов, с помощью которых государственные банки получили возможность оказывать значительное влияние на слабые в финансовом отношении промышленные и кредитные учреждения частного сектора, начиная играть роль "центров" финансово-промышленных концернов. Например, если в конце 1925 г. на БГК и ПБР приходилось 25% всех долгосрочных кредитов, предоставленных кредитными учреждениями в стране, то спустя 4 года уже 51%¹⁶. Самым крупным концерном располагал БГК, по подсчетам некоторых польских экономистов в него входили 19 хозяйственных единиц. Концерн ПБР состоял из 5 компаний, в которых банк имел пакет акций. Концерн ПКО формировался в основном в годы кризиса, а крупнейшее эмиссионное учреждение Польский банк являлся орудием косвенного вмешательства государства в хозяйственную сферу и участия в различных акционерных обществах не принимал.

Таким образом, в этот период возникает большое количество государственных предприятий со смешанным капиталом, в котором государственные банки играют основную роль.

Изучая различные аспекты развития госсектора, необходимо иметь также виду и те изменения качественного порядка, которые тогда имели место. Речь идет о законе 17 марта 1927 г. о коммерческой реформе госпредприятий, которая била вызвана заинтересованностью государства в переводе частных промышленных предприятий на своеобразный хозрасчет, сняв их с бюджета. Но тем не менее коммерческие предприятия сохранили ряд существенных преимуществ перед частными в области уплаты налогов и приоритетного получения кредитов.

Государство продолжало применять и косвенные методы воздействия. Например, уже в положении от 22 сентября 1922 г. содержится перечень налоговых льгот для новых строящихся объектов. 1 июня 1927 г. было распоряжение

президента республики о поддержке реконструкции и хозяйственного развития Гданьска, предоставившие налоговые и другие льготы частным предпринимателям, готовым участвовать в этом мероприятии. В 1928 г. было подготовлено аналогичное распоряжение о работах в т.н. "треугольнике безопасности" и т.д.¹⁷ Однако политика налоговых льгот чаще всего не приносила ожидаемых результатов, поэтому государство все более активно действовало в направлении непосредственного вмешательства.

В целом в рассматриваемый период основные тенденции в развитии госсектора в экономике и эволюции методов воздействия на нее не претерпели особых изменений.

Наиболее заметным событием данного периода стало принятие закона о коммерциализации части предприятий, придавшего им характер предприятий, основанных на принципах деятельности частных, что позволяло им в дальнейшем строить свою деятельность на более рыночных основах.

Подводя общий итог следует подчеркнуть, что реализация политики эстатиста осуществлялась по двум основным путям, предполагавшим применение как непосредственных, так и косвенных методов государственного регулирования. Недостаточный уровень развития капитализма и субъективные особенности процесса развития польской экономики обусловили преобладание непосредственных форм государственного вмешательства в экономику на протяжении почти всего исследуемого периода. Исключение в данном случае составил лишь этап, когда проводилась политика инфляционной экономики, явившейся по сути косвенным методом воздействия, который сделал возможным осуществление комплекса инфляционных мер, направленных на восстановление промышленности. На других же этапах методы косвенного воздействия хоть и находили широкое применение, но выступали как необходимое дополнение к методам непосредственного вмешательства.

Развитие эстатистских тенденций в данный период показало в целом постепенный характер, однако отличалось определенной неравномерностью, особенно в кризисные периоды.

Сутью этого процесса было неуклонное расширение государства в промышленности и повышение роли государства в сферу финансов. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особенно, поскольку кредитно-финансовые учреждения в условиях польской модели экономического развития, постепенно выходят на передний план и играют важную роль в процессе развития эстетизма.

Объективно, процесс генезиса методов государственного регулирования имел не только экономический, но и политический аспект, являясь составной частью борьбы за независимое экономическое и политическое развитие с ведущими капиталистическими державами.

Эстетизм был вынужденной морой, направленной на укрепление основ будущего общества и ускорения темпов индустриально-экономического развития страны.

1. Гришинина Р.П. Особенности социально-экономической структуры и политического развития межвоенной Болгарии. - М., 1986. - С.22.
2. Выгодский С. Проблемы капиталистической экономии в работах В.И.Ленина. - М., 1971. - С.4.
3. Sejm ustawodawczy Rzeczypospolitej; sprawozdania stenograficzne, 71 posiedzenie, 17.VII. 1919
4. Mały Rocznik statystyczny 1939. Warszawa 1939. S. 189
5. Там же.
6. Kranecki A. Na froncie gospodarczym w dziesięciu rocznicach odzyskania niepodległości 1918-1928. Warszawa 1928
7. Grabowski T. Rola państwa w gospodarce Polski 1918-1928. Warszawa 1967
8. Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski międzywojennej. t.II 1924-1929, Warszawa 1971. 3933
9. Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski Zarys historii gospodarczej Polski 1918-1939. Warszawa 1981

I0. Dziewulski K. Spór o statyzm 1919-1939, Warszawa 1981, s.18

- II. Tamże.
- I2. Grabowski T., Rola państwa..., s.158
- I3. Mały Rocznik statystyczny 1931, Warszawa 1931, s.80
- I4. Lulek T., Przywileje podatkowe przedsiębiorstw państwowych w Polsce// Statyzm w Polsce, s.180
- I5. Landau Z., Tomaszewski J. Gospodarka Polski..., t.II, s.1971, s.55
- I6. Buczkowski S. Odbudowa kredytu długoterminowego in: Pięć lat na froncie gospodarczym, t.1, Warszawa 1931, s.598
- I7. Grabowski T., Rola państwa..., s.155-156.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	I
О.М.Корчинский. Раннефеодальные центры летописных хорват IX-X вв. в верхнем Поднестровье (по данным археологических исследований)	3
А.Б.Головко. К оценке исторических обстоятельств введения христианства на Руси	14
Ш.А.Парамонова. Церковно-организационная и миссионерская деятельность в восточной политике Людовингов (последняя треть X в.)	24
А.В.Горизонтова. Свободные и несвободные в замках венгерского короля Иштвана I (997-1038)	38
Е.И.Ломизе. Константинопольский патриархат и автокефальные православные церкви Балканского полуострова в первой половине XVI в.	46
С.Г.Яковенко. К вопросу о миссионерской и просветительской деятельности католической церкви на восточно-славянских землях Речи Посполитой (вторая половина XVI в.)	60
М.В.Димитриев. Брестская уния 1596 г. как форма контрреволюционного движения в славянских странах	76
М.А.Глызкова. Актуальные проблемы политической истории Чехии в чешской исторической мысли XVI- первой трети XVII в.	87
О.В.Лебедева. Идея "всеславянства" в Чехии и Словакии в первой половине XIX века	98
И.И.Лапкин. "Великая идея" на Балканах (вторая половина XIX - начало XX вв.)	107
В.П.Меньшиков, С.П.Цехмистренко. Борьба греческих правящих кругов за решение национального вопроса в 70 - 90-е гг. XIX в.	114
Е.В.Хромова. Складывание внешнеполитического механизма в Австро-Венгрии и позиция венгерских правящих кругов.	128
Л.Е.Горизонтов. Несколько соображений об изучении социальных структур переходного периода	138

А.И.Миллер. Некоторые методологические аспекты изучения национальной проблематики ХХ и начала ХХ в. в Центральной и Юго-Восточной Европе	145
О.Ю.Тарасов. Религиозный опыт и массовое сознание народов Центральной и Юго-Восточной Европы после окончания первой мировой войны (и постановка проблемы)	151
И.И.Ермолаева. Социальная политика польского правительства в 1918-1929 гг.	158
Т.В.Кирilloва-Угромова. Влияние иностранного капитала на промышленность Чехославакии в межвоенный период	170
Ар.А.Удунян. Национальный фактор в политике Греции в отношении соседних балканских славянских стран (1919-1925)	181
В.П.Серашкинова. К вопросу о роли территориальных споров в развитии чехословацко-польских отношений меженного периода	191
С.В.Шульц. Развитие отатистских тенденций в Польше 1918-1929 гг.	199
Оглавление	215

Утверждено к печати Институтом славяноведения и белорусистики
АН СССР

Подписано к печати 8.05.90. А-08470. Формат 60x84/16.
10 п.л. 10,3 уч.-изд.л. Тираж 300 экз. Цена 1р.50к. д 61

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР
АН СССР 117036, Москва, ул.Дм.Ульянова, 19

